Э. ЛАСКЕР

КАК ВИКТОР СТАЛ ШАХМАТНЫМ МАСТЕРОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Э. ЛАСКЕР

ПОВЕСТЬ

МОСКВА
• ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА •
1973

Авторизованный перевод с немецкого и послесловие И. Л. Майзелиса неизданной рукописи Э. Ласкера, написанной им в 1937 году

Предисловие Д. Бронштейна

ОФОРМЛЕНИЕ Н. ПОНОМАРЕВОЙ

Ласкер Эммануил

Л 26 Как Виктор стал шахматным мастером. Повесть. Авториз. пер. с нем. и послесл. И. Майзелиса, предисл. Д. Бронштейна. Оформл. Н. Пономаревой. М., «Дет. лит.», 1973.

144 с.

Повесть «Как Виктор стал шахматным мастером» написана в Москве знаменитым шахматистом Эммануилом Ласкером. Герой повести — советский школьник Виктор — увлекается шахматами и впоследствии становится шахматным мастером. Повесть издается впервые.

Л $\frac{0763-560}{101(03)73}$ 543—73 **7А9.1**

Великий физик Альберт Эйнштейн после смерти Эммануила Ласкера писал о нем в своих воспоминаниях с большой теплотой и уважением. Начинались воспоминания так: «Шахматный чемпион Эммануил Ласкер был, без сомнения, одним из интереснейших людей, с которыми я познакомился в заключительный период моей жизни».

В воспоминаниях Эйнштейна с удивительной проницательностью схвачена и передана вся внутренняя сущность шахматного характера нашего Ласкера. Я говорю н а ш е г о, так как право оспаривать Ласкера у шахматистов имеют и философы, и математики, и деятели других областей науки и техники и тех или иных видов искусств. Ласкер интересовался буквально всем и всюду старался оставить свой неизгладимый, в высшей степени оригинальный, а вачастую и до крайности парадоксальный след.

Книга «Как Виктор стал шахматным мастером» и является как раз одной из таких попыток Ласкера испробовать свое недюжинное дарование в области шахматной педагогики. На базе своего личного жизненного опыта он решил написать книгу для детей, где в яркой форме одновременно уживались бы и мягкие нравоучения молодежи, и поучительные сведения о географии шахматной жизни в период молодости автора.

Насколько этот замысел удался Ласкеру, судить будут юные читатели, к которым книга адресована. Я думаю, что это своеобразное литературное произведение талантливейшего человека будет встречено с признательностью. И я не сомневаюсь в том, что, прочитав эту книгу, вам тотчас захочется прочесть и другие книги о шахматах, созданные Ласкером, вновь, под новым углом зрения, посмотреть его шахматные партии, еще раз взять с полки книги с рассказами о турнирах, в которых бесчетное число раз выступал великий шахматист.

А те из вас, которые никогда прежде не интересовались шахматами, прочтя эту книгу, быть может, сами почувствуют желание начать играть в шахматы. Не гасите этот порыв! В минуты отдыха это одно из приятнейших занятий. И не опасайтесь трудностей. Изучить досконально шахматы невозможно, да и не к чему. В то же время вы должны знать, что научиться играть дружеские партии легче легкого.

В шахматах на каждой стороне действуют по нескольку фигур с характерными для них ходами. Учитесь управлять ими для достижения конечной цели игры, проявляйте находчивость, упорство, терпение, пробуйте свои силы в небольших, для начала дружеских, спортивных соревнованиях.

Только, чур, играть по всем правилам, всерьез!

Д. Бронштейн, гроссмейстер

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Для шахматной игры, уходящей своими корнями в глубокую древность, наступила новая эпоха, в которой она переживает пышный расцвет. Турниры, организуемые Шахматно-шашечной секцией ВЦСПС, охватывающие по нескольку сот тысяч участников,— это знамение времени[1].

Шахматная игра развивается и вширь и вглубь, и число квалифицированных шахматистов быстро увеличивается. Средневековье знало только одного выдающегося мастера— Ас-Су́ли. Период Ренессанса дал едва десять мастеров. У Филидора[2] был лишь один коллега—мастер. В настоящее же время, когда шахматы широко распространены во всем мире, можно насчитать во всех странах несколько сот мастеров, и число их продолжает увеличиваться.

Существенной задачей становится поэтому разумно регулировать ход развития молодого шахматиста, постепенное превращение его в мастера. Успешное решение этой задачи имеет значение для всей области культуры в целом.

Я написал эту книгу для молодежи и для всех прогрессивно мыслящих людей. Это попытка описать творческий путь шахматиста, становящегося мастером (в частности, такого, дарование которого не было своевременно замечено), и одновременно изобразить шахматный мир современности.

Лица, выведенные в книге, за исключением Миллера, только типы. Хотя я и имел возможность наблюдать в течение пяти десятилетий многих людей, но из встретившихся мне лиц не хотел изобразить в этой книге никого персонально. Выведенные типы должны лишь помочь выявить их существенные, характерные черты.

Героем книги является советский юноша. Основанием для моего выбора служит то, что Советский Союз в отношении широты распространения шахмат занимает самое передовое место.

Действие разыгрывается в Москве, Париже, Лондоне, Сан-Франциско и Нью-Йорке. Я пытался в некоторой сте-

---

[1] В турнире 1936 года, который имел в виду Ласкер, участвовало 700 000 человек. *(Все примечания И. Л. Майзелиса.)*

[2] Ф и л и д о́ р Андре́-Франсуа́ (1726—1795) — французский композитор. Еще мальчиком увлекся шахматами и в восемнадцать лет уже не имел в этой игре соперников. К тридцати годам начал серьезно заниматься музыкой, написал более двадцати опер.

пени охарактеризовать, хотя и в узких рамках, шахматную жизнь в этих городах. Сан-Франциско выбран случайно. Я мало знаком с тамошней шахматной жизнью. Клуб в Сан-Франциско надо понимать как стандартный тип маленького уютного шахматного клуба. «Симпсонс Ди́ван»[1] в настоящее время — не более чем ресторан. Знаменитое Кафе де ля Режанс — все еще шахматное кафе. Однако я не стремился дать фотографию встречавшихся там посетителей, а хотел лишь изобразить типичные черты шахматного кафе.

В этих пределах я надеюсь дать картину шахматной жизни, достаточную для того, чтобы читатель мог получить правильное представление о шахматной жизни на всем земном шаре.

Э. Ласкер

Москва, сентябрь 1937 года

---

[1] Средоточие шахматной жизни в Лондоне в прошлом столетии.

Глава I. ЧЕТЫРЕ ПОДРОСТКА ЗНАКОМЯТСЯ С ПРОИСХОЖДЕНИЕМ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ

Мои юные гости — три мальчика и одна девочка — только что кончили у меня на квартире свои шахматные партии. Федя выиграл у Вити, а Петя с Соней сыграли вничью. Витя с трудом скрывал плохое настроение, а Петя и Соня казались после игры несколько утомленными.

— Хватит,— сказал я,— теперь давайте пить чай. Не будем больше играть в шахматы, лучше поговорим о них.

Когда мои гости уселись за стол, Витя заметил, что о шахматах много не скажешь.

— Это игра,— сказал он,— такая же, как бег вперегонки или игра в прятки. Я вспоминаю, как мы раньше сами выдумывали для себя игры: изображали поезд и паровозные гудки или пароход.

— Но шахматы — это ведь совсем другое,— возразил Петя,— здесь существуют определенные правила. Кроме того, по шахматам есть даже учебники.

— В том-то и беда,—ответил Витя.— В других играх я всегда первый, но в шахматах я никак не могу справиться с Федей. Я играю, как мне приходит в голову, а у него все ходы — по книжке.

— Да,— подтвердил Федя,— здесь нельзя играть как-нибудь, в шахматах нет случайностей. Какой-то восточный мудрец изобрел эту игру и был за то щедро вознагражден.

— Это не совсем правильно,— сказал я.

— Пожалуйста, расскажите нам, как была изобретена шахматная игра,— попросила Соня, и так как всем, по-видимому, хотелось того же, я уступил их желанию.

— Изобрести шахматную игру было далеко не просто,— начал я,—на это понадобилось около семи тысяч лет.

Мои слушатели были изумлены, их лица выражали недоверие.

— Ну хорошо, послушайте же, как это произошло. Вы знаете из собственного опыта, как легко придумывать игры. Раз-два, стóит прийти в голову какой-нибудь выдумке — и игра готова. Но такие игры так же легко и забываются. Игры, которые долго остаются неизменными, требуют и много времени для своего окончательного формирования. Если вдуматься, то в этих играх легко найти внутренний смысл. Бег наперегонки, игра в прятки — это охотничьи

игры, и вполне понятно, что они представляют интерес для детей. Шахматная же игра принадлежит к ряду других чрезвычайно распространенных старинных игр, темой которых является война.

Войны возникали еще в те далекие времена, когда люди жили в пещерах, укрываясь в них от непогоды. Они занимались охотой, хотя не пренебрегали дикорастущими овощами и фруктами. Места для охоты были в Европе настолько хороши, что из Африки нахлынули громадные орды для их завоевания. Они были лучше вооружены и физически сильнее европейцев, поэтому они выиграли войну и захватили охотничьи земли и пещеры Европы, а также и Азии. Начиная с этого времени человечество не знало покоя. Оружие все более совершенствовалось, и каждый успех в этой области отмечался новыми войнами. Неудивительно поэтому, что люди проявляли интерес к воинским доблестям и качествам. Отсюда и возникли многие игры, например фехтование, засады, сооружение крепостей и другие.

— И очень плохо,— сказала Соня.— Как хороша была бы жизнь, если бы люди никогда не воевали, а занимались бы искусствами и науками!

— Это верно,— сказал Витя,— но кто хочет проложить себе дорогу в науке, или искусстве, или на каком-нибудь другом поприще, тот все равно не обойдется без борьбы.

— Вы меня слишком рано прерываете, я лишь теперь перехожу к главному. Среди многих боевых игр, как борьба, бокс, фехтование, имеются и такие, как наша шахматная игра, в которой «играют разумом».

Эти слова произвели на моих слушателей заметное впечатление: они никогда не задумывались над тем, что можно «играть разумом», как какой-нибудь осязаемой вещью. Только Витя заспорил:

— Хотя Федя и выиграл у меня партию в шахматы, у меня столько же ума, сколько у него! — воскликнул он.

Федя ничего не ответил, но посмотрел на Соню и на Петю, словно ожидая от них поддержки. Но я не дал им возможности сделать это.

— В старину воин по-настоящему не верил в разум, он полагался в основном на свое мужество и силу. Когда этого было недостаточно, он обращался к чародейству, к колдовству, которое, как он верил, могло бы заставить счастье повернуться в его сторону. Но все же были великие стратеги,

как греческий полководец Ксенофонт, или карфагенянин Ганнибал, или Юлий Цезарь, или Вильгельм Нормандский, которые верили в силу разума и были обязаны ему большими успехами. Для примера можно взять хотя бы сохранившийся в истории рассказ о том, как нормандец Вильгельм дал французскому королю возможность беспрепятственно проникнуть в нормандскую страну и начать переправу через болотистую реку. В этот момент внезапно появилось нормандское войско и осыпало градом стрел своих врагов, с трудом пробиравшихся через болото.

— Этот план уже наверное не был взят тогда из книг,— сказал Витя.

— Нет, ни в коем случае. Это была хорошая выдумка, долго подготовлявшаяся и тщательно выполненная. Конечно, хорошие стратеги нуждались для выполнения своих планов в толковых помощниках, в людях, которые не полагались, как раньше, лишь на силу и мужество своих воинов и всякого рода заклинания и колдовство, а умели ценить значение разума.

— Но шахматисты не верят в чудеса,— заявил Петя,— это мыслители.

— Они хотят быть мыслителями,— ответил я,— но это им редко удается, и они охотно толкуют о счастье и невезении. Я знал одного шахматного мастера, который гордился своим невезением. Он вообразил себе, что он — самый большой неудачник. Юлий Цезарь, наоборот, имел слабость гордиться своим счастьем и поэтому бывал иногда безумно смел. Впрочем, каждый из нас — и вы, и я — подвержены иногда таким настроениям.

Тут мои гости стали наперебой приводить примеры о роли случая в своей еще короткой жизни. Соня сказала, что вот она придумала красивую комбинацию, которая явилась для Феди полнейшей неожиданностью, но Федя случайно нашел спасительный ход.

— Почему случайно? — спросил я.

— Ну потому, что Федя не предвидел этого положения.

Но Федя стал защищаться:

— Если моя позиция достаточно крепка, я не боюсь неожиданностей. Я прилагаю в таких случаях все усилия и всегда нахожу какой-нибудь выход.

Петя честно признал, что бывают дни, когда он «как заколдованный». Он не может тогда понять простых вещей,

в то время как в другие дни все как-то само собой удается.

— В шахматах как раз прекрасно то,— заметила Соня,— что многого нельзя предвидеть заранее. Если бы не было неизвестности — проиграем ли мы, или выиграем,— не было бы никакого напряжения и никакого удовольствия.

— И никакой задачи,— сказал Петя.

— Никакой настоящей борьбы,— добавил Витя.

— В то время, о котором я говорю,— продолжал я рассказ,— во время игры в шахматы еще бросали игральные кости. Тогда она была еще более полна неизвестности, чем теперь, потому что при бросании кости многое зависело от чистой случайности. Тот, кто каким-нибудь образом пытался повлиять на движение кости или стремился предвидеть результат ее падения, считался обманщиком. Таких игр было в то время много, и теперь еще охотно играют в некоторые из них. На Востоке существуют различные виды шахматной игры, среди них — замечательно красивая игра «го», которой уже четыре тысячи лет. В Европе имеются различные виды игр в «пуфф», тоже являющейся игрой в войну, но связанной с бросанием кости.

Многочисленные игры создавались таким путем, испытывались и в большинстве забывались. Но однажды наступил знаменательный момент, когда была изобретена игра, совершенно исключавшая элемент случайности,— была создана наша шахматная игра. Неизвестно, когда и как она создавалась, но легенды, в которых действительность переплетается с вымыслом, рассказывают следующее.

В древние времена один индийский монарх, по имени Хашраан, попросил философа Кафлана придумать игру, которая отобразила бы, насколько неопределенна и опасна жизнь. Кафлан разрешил эту задачу, придумав игру «пуфф». В этой игре борются друг с другом два войска; однако их полководцы лишены свободного выбора: их решения частично зависят от результата падения кости, который может сложиться для них желательным или нежелательным образом. Эта игра вскоре начала пользоваться большой популярностью.

Позднее, при владычестве другого монарха, по имени Балхаит, какой-то брамин сказал королю, что бросание кости—это не что иное, как испытывание судьбы, и поэтому игра противоречит духу религии. Король предложил тогда

брамину придумать игру, в которой результат не зависел бы исключительно от слепого случая. Брамин принял это предложение и создал шахматы по образцу войны той эпохи. Его идея была такова: друг против друга стоят два войска, чрезвычайно дисциплинированных и бесстрашных; исход же сражения—удача или гибель— всецело зависит от правильности и разумности разработанного полководцами военного плана.

К какой эпохе относятся эти легенды, можно судить по правилам игры, оставшимся с тех пор во многом неизменными. Это могли быть времена Александра Македонского, но можно и ошибиться на два-три столетия — с уверенностью этого сказать нельзя. В то время войсковыми частями были: многочисленная, но слабо вооруженная пехота, всадники, боевые слоны и колесницы. Во главе войска стоял монарх, на которого смотрели как на бога. Имя его у разных народов было различным: у шумерийцев он назывался Лугаль, у египтян — Фараон, Минос — у критян, Шах — у персов. По-персидски «смерть» — «мат». «Шах мат» — «король мертв» — было устрашающей вестью во время сражения. Когда прорвавшиеся всадники Александра Македонского едва не взяли в плен самого Да́рия, персидское войско обратилось в паническое бегство.

По военным образцам и были созданы шахматы. Впереди стоят пешки — слабые и малоподвижные; позади — под их защитой —более сильные и подвижные боевые колесницы (ладьи), всадники (кони), слоны (сохранившие в русской шахматной терминологии свое название), королевский советник (теперь ферзь) и король. Предстояла задача: прорвать фронт вражеской пехоты, бросить тяжелое вооружение на прикрытие неприятельского короля, уничтожить их и умертвить короля. Тогда партия окончена — «шах мат». Это была популярная игра, в особенности в Азии, и она стала родоначальницей нашей шахматной игры.

Витя не мог удержаться от критики:

— Такая игра не может научить вести войну. Шахматные фигуры не голодают, не мерзнут, никогда не могут быть охвачены ужасом. Другое дело — воины, когда они видят перед глазами неизбежную гибель.

— Это, конечно, верно, и ты сумеешь найти еще много других различий между войной и шахматами. Например, оружие все более совершенствуется в соответствии со своей

целью, правила же шахматной игры остаются неизменными в течение столетий. Тем не менее шахматная игра может научить многому. Что, например, думаете вы по этому поводу? — обратился я к своим слушателям.

Федя сказал:

— Я такого же мнения, как Витя.

— Ты, Соня?

— Легенда хороша, и в ней есть смысл. Полководец, несомненно, может почерпнуть что-нибудь из игры для будущего серьезного применения.

— А ты, Петя?

Последний на мгновение задумался.

— В спорах я раньше выступал горячо и быстро, но шахматы научили меня сперва думать, а затем уже действовать. В этом отношении я благодарен шахматной игре. Я могу сказать с уверенностью, что от шахмат можно научиться гораздо большему, чем тому, что полезно только для войны.

— Ты совершенно правильно понял смысл легенды,— сказал я.— А вы, — стал я доказывать Вите и Феде,— разве можете вы думать, что игра просуществовала бы столько времени и привлекла бы столько сторонников, если бы не имела жизненной ценности? Надо искать ее смысл и значение, не успокаиваться до тех пор, пока их не найдешь.

Глава II. МОИ ЮНЫЕ ЗНАКОМЫЕ РАЗМЫШЛЯЮТ О СМЫСЛЕ И ЗНАЧЕНИИ ПРАВИЛ ИГРЫ

При нашей следующей встрече Петя начал расспрашивать меня о различных шахматных играх, о которых я еще не говорил.

— Слыхали ли вы об объемных шахматах, в которых доска имеет три измерения? Или о новой шахматной игре, где имеются фигуры «самолеты»?

— Да, я имею представление об этих и многих других разновидностях шахматной игры, но я не вижу необходимости придумывать более сложные игры. Замечательной особенностью шахматной игры является как раз простота ее правил при большом разнообразии положений.

— Но шашки ведь тоже военная игра, а между тем и ребенок может легко научиться ее правилам,— сказал Петя.

— Да, но разнообразие фигур и положений в этой игре по сравнению с шахматами ничтожно,— возразил я.

— Я не понимаю, что́ дает эта простота. Кто больше учится, тот больше и знает,— сказал Федя.

— Кто перегружает свою память, у того в голове остается мало места для новых идей,— попытался пояснить я.

— Правильно! — воскликнул Витя, которого все еще огорчал проигрыш «книжному» игроку Феде. При этом он вызывающе посмотрел на своего «противника».

— Простота правил игры при большом разнообразии положений — это громадное преимущество. Сразу ясно, к чему надо стремиться, хотя и нелегко увидеть, что надо сделать, чтобы достигнуть намеченной цели.

Мои слушатели этим удовлетворились. После небольшой паузы я затронул тему, которая, как я знал, вызовет много споров. Такое коллективное обсуждение, по-моему, приносит больше пользы, чем какая-нибудь лекция, которой внимают молча.

— Как я уже говорил, для смысла и содержания шахматной игры характерно то, что правила ее отличаются простотой и приложимы ко многому. Шахматы, я полагаю, дают хорошее отображение или описание борьбы.

— Как это — борьбы? — не поняли мои слушатели и начали приводить пример того, что́ такое борьба: — Мальчики дерутся иногда ради забавы, иногда — в пылу задора или гнева. Это, конечно, можно назвать борьбой. Другое дело — шахматы, это мирное занятие. Играющие — друзья, и игра для них только забава.

— Я говорил ведь об отображении или описании борьбы, а не о самой борьбе,— продолжал я.— Описание отмечает лишь самое главное, наиболее существенное. Я приведу вам исторический пример — битву при Каннах.

Римская пехота атаковала карфагенскую и благодаря лучшей выучке потеснила ее в центре. «Как долго сможет продержаться карфагенская пехота?» — спрашивает себя озабоченно Ганнибал. Он глядит на свою конницу, в мощном порыве обрушившуюся на конницу римлян. Последняя не выдерживает натиска. Карфагенской коннице удается наконец разбить неприятеля. Тогда Ганнибал приказывает по возможности собрать конницу, преследующую врага, и направить ее удар на пехоту. События разворачиваются быстро. Всадники карфагенян атакуют римскую пехоту с

тыла. Последняя не в состоянии бороться на два фронта: она колеблется, бежит и уничтожается преследующими ее всадниками.

Это не детальное описание того, что происходило, это в основном было так. Мысль бросить против пехоты конницу, и притом со всех сторон, приобрела популярность после битвы при Каннах. Это была удачная идея, впоследствии прочно укрепившаяся. Беспорядочное как будто бы развертывание некоторых сражений, которое могло бы остаться непонятным для нас, получает свое объяснение в свете этой идеи.

— Но мы мало что понимаем в войне и способах ведения ее,— вставил Петя.

— Ну, если вы хотите, я приведу пример из вашего опыта за шахматной доской.

Существеннейшим моментом в так называемой «бессмертной» партии[1] является то, что она показывает на конкретном примере, когда и как нужно в игре жертвовать. Андерсен пожертвовал пешку, слона, обе ладьи и в конце ферзя. Он жертвовал для того, чтобы получить возможность энергичной атаки остальными фигурами. Его противник потерял много времени на взятие фигур и при этом удалил свои фигуры от решающих пунктов. В результате атака Андерсена быстро достигла цели. В заключительном положении король Кизерицкого заматован тремя легкими фигурами противника, собственные же его фигуры все находятся на доске — не уничтоженные, но совершенно беспомощные.

А теперь давайте выясним, что требуется для того, чтобы описание чего-либо происходившего было хорошим. Хорошее описание выдвигает на первый план самое важное, опуская все несущественные подробности; таким образом содержание события становится вполне ясным. При всей своей краткости такое описание и объективно и наглядно. Теперь вам должно быть понятно, что́ я имею в виду, когда говорю, что

[1] Партия, получившая название «бессмертной», была сыграна в 1851 году в Лондоне. Белыми играл Андерсен против Кизерицкого. Были сделаны следующие ходы: 1. e2—e4 e7—e5 2. f2—f4 e5 : f4 3. Cf1—c4 Фd8—h4+ 4. Kpe1—f1 b7—b5 5. Cc4 : b5 Kg8—f6 6. Kg1—f3 Фh4—h6 7. d2—d3 Kf6—h5 8. Kf3—h4 Фh6—g5 9. Kh4—f5 c7—c6 10. Лh1—g1 c6 : b5 11. g2—g4 Kh5—f6 12. h2—h4 Фg5—g6 13. h4—h5 Фg6—g5 14. Фd1—f3 Kf6—g8 15. Cc1 : f4 Фg5—f6 16. Kb1—c3 Cf8—c5 17. Kc3—d5 Фf6 : b2 18. Cf4—d6 Cc5 : g1 19. e4—e5 Фb2 : a1+ 20. Kpf1—e2 Kb8—a6 21. Kf5 : g7+ Kpe8—d8 22. Фf3—f6+ Kg8 : f6 23. Cd6—e7×.

шахматы и их правила, отметая все второстепенное и несущественное, дают хорошее отображение борьбы, спора, соревнования.

— Ах, вот как, — сказала Соня,— это мне уже больше нравится. Итак, в шахматной игре — дело в борьбе и соревновании.

— Вот именно. Шахматная игра зародилась как прообраз войны, но с течением столетий шахматисты забыли о ее происхождении. Однако они понимали, что игра проникнута духом борьбы, и соответственно с этим создавали ее правила.

Мы поговорили еще о различных видах борьбы: о том, как она проявляется в спортивных играх, спорах, соревновании. В жизни нет предписанных правил, в игре же обязательно должны быть определенные правила, чтобы она протекала нормально.

— Да, при игре бывает много споров, если приходится устанавливать правила лишь во время самой игры,— подтвердил Витя.

— То же мы видим и в атлетических играх,— сказал я,— но шахматы в некоторых отношениях стоят еще выше. В этой игре силы сражающихся на доске войск, а также выгоды и невыгоды их позиции почти совершенно одинаковы.

— Это верно,—сказала Соня,— все различие между белыми и черными заключается в том, что белые делают первый ход. Но это преимущество, как мне говорили, невелико. В состязаниях мастеров белые вряд ли выигрывают намного чаще, чем черные.

— В атлетических играх различие между борющимися сторонами больше,— продолжал я.— В боксе, хотя у противников и почти одинаковый вес, руки одного могут доставать дальше, чем руки другого, и один из боксеров может быть более подвижен, чем другой. В карточных играх или при бросании кости громадную роль играет случай, который благоприятствует то одному, то другому. Лишь в шахматах и родственных ей играх шансы сторон равны. Кто задумает лучший план и правильно его выполнит, тот окажется победителем. Следовательно, шахматы — это арена борьбы, в которой все зависит исключительно от способностей человека, от его умения и знания, но не от случая.

Нечто подобное вытекает уже из легенды о том, какую игру хотел изобрести брамин.

С течением же времени содержание шахматной игры изменилось. Сейчас шахматы, скорее, уподобляются диспуту. Как утверждения и возражения в споре, так в шахматах ход одного игрока следует в ответ на ход другого. Подобно тому как какой-нибудь аргумент уничтожает утверждение противника, так в шахматах одна фигура уничтожает другую. Как продвигается пешка к последней горизонтали и из слабейшей фигуры может стать сильнейшей, так, шаг за шагом, человек учится делать выводы из оставленных сначала без внимания фактов и неожиданно обретает новый и ясный взгляд на вещи. Игра в шахматы стала доступной, так как каждый легко может постичь правила игры. Поэтому шахматы выражают теперь мысль ее изобретателя в более ясной и убедительной форме.

Идея шахмат была вначале жива в умах лишь отдельных людей, теперь же она проникает повсюду. Разве вам не приходилось замечать, сколько выражений и слов, связанных с шахматистами, перешло в разговорный язык? Даже тот, кто не знаком с правилами шахматной игры, все же имеет некоторое представление о ней.

 Глава III. ТУРНИР ЧЕТЫРЕХ ПОДРОСТКОВ

Я и моя жена устроили у себя на квартире турнир между нашими четырьмя гостями. Они столпились, восхищенные, около красивой шахматной доски с фигурами, стоявшей на столике в углу комнаты. Это был «приз» для будущего победителя турнира. Соня взяла в руки коня и стала рассматривать тонкую резную работу, а Федя заинтересовался серебряной пластинкой на боковой грани доски, на которой предстояло выгравировать имя победителя и дату турнира.

На двух столах посреди комнаты стояли приготовленные для игры шахматные доски с фигурами в начальном положении.

Я объяснил правила предстоящего состязания.

— Кому с кем играть в первом туре, решает жребий. Выигравшие в первом туре соревнуются на приз во втором, последнем туре.

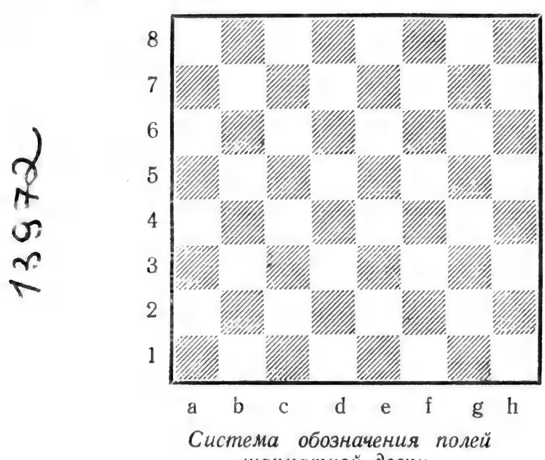
Затем я спросил:

— Вы ведь знаете обозначение полей и систему записи

ходов? Каждое поле доски находится на пересечении двух линий и обозначается соответствующей буквой и цифрой. Смотрите, вот у меня в руках диаграмма. Эта система достаточно проста, и вы воспользуетесь ею при записи своих ходов. Читатель этой записи получит возможность пережить ту драму, которая разыгралась в вашем воображении.

— Это интересно,— сказал Петя.

— Но из нескольких букв и цифр вряд ли можно вычитать целую драму,— выразила сомнение Соня.

Система обозначения полей шахматной доски.

— Для этого требуются знания и умение,— ответил я,— и в один прекрасный день вы тоже это сумеете.

— Это было бы чудесно,— сказал Витя.

Федя, однако, продолжал сомневаться.

— Проникнуть в мысли другого так же трудно, как попытаться приподнять кого-нибудь, кто упирается изо всех сил,— сказал он.

— Это почти так же легко, как определить, что́ человек думает, на основании того, что он говорит. Правда один дипломат выразился однажды, что слова существуют для того, чтобы скрывать мысли. Но все равно — трудно ли, легко ли — каждый шахматист пытается применять это искусство, когда он присутствует при разыгрывании какой-нибудь шахматной партии или имеет ее перед собой в напечатанном виде.

Моя жена спросила у участников турнира, кто, по их мнению, окажется победителем. Соня указала на Петю, Петя — на Витю. Витя ответил, что он приложит все старания. А Федя, который, по-видимому, стеснялся говорить о себе, сказал, что победит Соня, потому что у нее бывают самые неожиданные замыслы.

После этого мы перешли к жеребьевке. Я опустил в шляпу четыре сложенные бумажки, на которых предварительно написал номера участников, и предоставил каждому тянуть жребий. Жеребьевка дала следующие результаты: Соня — 1, Витя — 2, Петя — 3 и Федя — 4. Поскольку мы заранее условились, что первый номер играет со вторым, а третий — с четвертым и что нечетные номера играют белыми, игроки заняли свои места, и турнир начался.

Я стал следить за игрой Пети с Федей.

Партия развивалась следующим образом: 1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4.

Здесь Федя после некоторого раздумья сыграл 3. . . Kc6—d4. Петя взял пешку 4. Kf3 : e5, и Федя сделал ход 4. . .Фd8—g5.

Теперь Петя погрузился в длительные размышления и наконец решился на 5. Cc4 : f7+ Kpe8—e7 6. Ke5—g4 Kpe7 : f7 7. c2—c3 в надежде создать сильный пешечный центр, но Федя ответил сперва 7. . .d7—d6, чем задержал быстрое наступление белых пешек. 8. Kg4—e3 Kd4—e6 9. d2—d4 Фg5—g6 10. Kb1—d2 Kg8—f6 11. f2—f3 c7—c5.

Петя долго ломал голову и сыграл 12. d4—d5 Ke6—f4 13. 0—0 h7—h5 14. Kpg1—h1 h5—h4 15. a2—a4, чтобы продолжать в дальнейшем Kd2—c4, однако последовало 15. . . Kf6—h5 16. Лf1—f2 Kh5—g3+ 17. Kph1—g1 Kf4—d3, и белые сдались.

Тем временем Соня в партии с Витей сделала по своей привычке чрезвычайно глубокомысленный, как ей казалось, ход, но «из-за деревьев не увидела леса» и была полна надежд в совершенно безнадежном положении.

Начало партии было такое: 1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Cf8—b4 4. Фd1—c2 Kb8—c6 5. Kg1—f3 d7—d6 6. Cc1—g5 h7—h6.

Тут Соня должна была или взять коня, или отступить слоном на d2, но она избрала другой ход, не предусмотрев очевидной опасности: 7. Cg5—h4 g7—g5 8. Ch4—g3 g5—g4 9. Kf3—d2 Kc6 : d4.

Теперь Соня совершенно потеряла голову: 10. Фс2—а4+ Сс8—d7. Взять слона на b4, конечно, нельзя из-за потери ферзя после Кd4—с2+, поэтому Соня сыграла 11. Фа4—d1 h6—h5 12. Сg3—h4 Кd4—f5. Размен слона h4 теперь неизбежен, и дальнейшее сопротивление белых бесполезно, но Соня все еще продолжала надеяться на какое-нибудь чудо, которое дало бы ей спасение.

Последовало еще: 13. Сh4 : f6 Фd8 : f6 14. Кd2—е4 Фf6—е5 15. Фd1—d3 Сd7—с6 16. 0—0—0 0—0—0 17. Крс1—b1 h5—h4 18. е2—е3 h4—h3 19. f2—f4 g4 : f3 20. g2 : f3 Сb4 : с3 21. b2 : с3 d6—d5 22. Ке4—f2 d5 : с4 23. Фd3 : с4 Сс6 : f3 24. Лd1 : d8+ Лh8 : d8 25. Лh1—g1 Фе5 : h2, и с тайным вздохом, но без малейших признаков досады Соня признала себя побежденной, проявив при этом отличную выдержку.

После небольшого перерыва, предоставленного участникам для отдыха от предыдущей партии, я позвонил в колокольчик, чтобы дать сигнал к началу решительной партии между двумя победителями.

Витя был в явно приподнятом настроении, а Федя держался ровно и спокойно. В этом сказывалось различие их натур, и я предполагал, что и в игре обнаружится разница их темпераментов.

Оба противника бросили жребий, кому играть белыми, и право сделать первый ход досталось Феде. После этого они сели за шахматную доску, а Соня и Петя уселись в некотором отдалении, чтобы следить за игрой.

Я не хотел присутствовать при решающей партии, чтобы не отвлекать внимания играющих. Нельзя было ожидать, что в этой партии произойдет что-нибудь выдающееся. Меня интересовала лишь индивидуальная манера игры обоих партнеров, как бы ошибочна она ни была, и самое лучшее было — предоставить их самим себе. Незамечаемый ими, я то и дело бросал взгляд сквозь открытую дверь на их лица и наблюдал за их поведением. Соня, которую я посвятил в свои планы, время от времени тихонько сообщала мне о том, как идут дела. Из этих наблюдений и сообщений я мог представить себе, что́ переживают играющие. Таким образом, мне кажется, я могу с достаточной точностью описать не только, как протекала партия, но и планы и ход мысли играющих.

Заняв место за столом, Федя мысленно перебрал свои

ресурсы. Он знал королевский гамбит, в особенности — некоторые ловушки из партий мастеров. Но все-таки применять их было рискованно, потому что, если бы противник, к его несчастью, стал делать необычные ходы — пускай даже чисто случайно,— пропало бы даром все преимущество его знаний. Должен ли он избрать ферзевый гамбит? Но те выгоды, которых он мог бы при этом добиться, казались ему слишком незначительными. Он выбрал испанскую партию, потому что она почти незаметно ведет к позициям, которые могут дать большое преимущество посвященному в ее варианты. Поэтому он, посидев еще несколько мгновений спокойно, словно не принял еще окончательного решения, сделал ход 1. e2—e4.

Сердце Виктора учащенно билось. Он был полон решимости бороться в любых положениях и надеялся на свою изобретательность, чтобы с ее помощью в подходящий момент ошеломить противника. Почти не задумываясь, он ответил 1. . .e7—e5.

Федя изо всех сил старался казаться спокойным и осторожным, когда очередь хода была за ним. Он смотрел то на левую сторону доски, то на правую, подымал руку, как бы собираясь сделать ход, опускал ее снова и внимательно рассматривал затем середину доски. Все это он проделывал скорее как актер, чем как шахматист. Он не хотел выдать своего волнения и своих замыслов.

Витя, наоборот, заметно нервничал.

Игра продолжалась так: 2. Кg1—f3 Кb8—c6 3. Cf1—b5 Кg8—f6 4. 0—0. Вите теперь казалось невыгодным взять пешку e4, так как он боялся неприятельской ладьи, которая немедленно заняла бы линию «е». Он хотел на некоторое время попридержать свои фигуры, чтобы затем с еще большей силой ввести их в действие. Поэтому он сыграл 4. . . Cf8—e7.

Последовало 5. Кb1—c3 d7—d6 6. d2—d4; это Витя отпарировал посредством 6. . .Cc8—d7, так как видел, что после Cb5 : c6 Cd7 : c6 погибнет не только его пешка e5, но и неприятельская e4.

Федя довольно быстро сделал ход 7. Лf1—e1. Витя на момент призадумался. Должен ли он взять на d4? Нет, это освободит дорогу пешке e4. Ему казалось, что после всех разменов он все-таки сможет взять пешку e4. И он тоже быстро сыграл — с л и ш к о м быстро, так как он сделал ро-

кировку (7. . .0—0), и партия была для него теоретически проиграна.

Федя откинулся назад и с гордым видом оглядел позицию. Затем он быстро сыграл 8. Cb5 : c6 Cd7 : c6 9. d4 : e5 d6 : e5 10. Фd1 : d8 Лa8 : d8 11. Kf3 : e5.

Без колебаний Витя ответил 11. . .Cc6 : e4. Пусть только белые возьмут фигуру, тогда ладья d8 даст на d1 мат! 12. Kc3 : e4 Kf6 : e4. Витя полностью попался в расставленную ловушку.

Федя еще раз с видимым удовольствием оглядел позицию: он уже знал, что Витя погиб, как мышь, которую настигла кошка. Затем он лениво сыграл 13. Ke5—d3.

Витя испугался. Такого коварства он не предполагал в этой позиции: он ведь не знал, что его партия с Федей была точным повторением известной партии между мастерами Таррашем и Марко, сыгранной около пятидесяти лет назад[1]. Он напряг все свои силы в поисках выхода, и ему удалось найти те ходы, которые в свое время сделал Марко. Но Федя хорошо знал эту партию, и с тем большей неизбежностью наступил роковой исход.

13. . .f7—f5 14. f2—f3 Ce7—c5+ 15. Kd3 : c5 Ke4 : c5 16. Cc1—g5 Лd8—d5 17. Cg5—e7 Лf8—e8 18. c2—c4. Витя попробовал еще 18. . .Kc5—d3 19. c4 : d5 Kd3 : e1 20. Лa1 : e1 Kpe8—f7, но белые ответили 21. Ce7—h4, и Витя сдался.

Я присутствовал при конце партии. Лицо Вити было красно. Он был сильно огорчен, но старался не показывать этого.

— Ты великолепно играл, — с воодушевлением сказала Соня, обращаясь к Феде,— так просто и вместе с тем так сильно!

Петя присоединился к этому мнению.

— Что бы ты сделал, если бы не ладья a8, а ладья f8 взяла ферзя на десятом ходу? — спросил он Федю.

— Давай посмотрим,— ответил Федя. Он снова расставил фигуры и принялся не спеша разыгрывать партию.

Витя не был в состоянии анализировать свой проигрыш. Он встал и предложил Пете занять свое место.

Пока Петя и Федя при участии Сони выясняли возможные последствия хода 10. . . Лf8 : d8, я старался втянуть Витю в разговор.

---

[1] На международном турнире в Дрездене в 1892 году.

— В общем, ты совсем неплохо играл,— утешал я его.
— Но Федя ведь играл значительно лучше,— ответил он.— Я даже не знаю, где именно я сделал ошибку.
— Когда ты отдохнешь, ты должен еще раз рассмотреть партию, пока не найдешь ошибку.
Казалось, он ждал, что я укажу ему его ошибку, но я не сделал этого. Я считал, что он способен справиться сам, и если бы я сделал эту работу вместо него, то оказал бы ему плохую услугу.
Мы предложили нашим гостям снова сесть, и моя жена вручила приз счастливому победителю.
— Желаю тебе,—сказала она Феде,—чтобы ты пережил много счастливых часов за этой шахматной доской. Она — свидетельство твоего первого успеха, и ты имеешь полное право в память об этом событии выгравировать на серебряной пластинке свое имя и дату состязания. От души поздравляю тебя!
Все зааплодировали.
Я добавил еще:
— Но и те, которые сражались менее успешно, тоже извлекли пользу из этого турнира. Вы теперь лучше, чем раньше, будете знать, в чем ваша сила и в чем слабость. Может быть, уже в следующий раз это принесет вам пользу. Но только никогда и ни при каких обстоятельствах не теряйте мужества.
— Нет, никогда! — воскликнула Соня.
Петя сказал:
— Конечно.
А Витя, казалось, был погружен в размышления.
По-видимому, игра Феди произвела на Соню и Петю глубокое впечатление. Они интересовались им гораздо больше, чем Витей. Но я не считал успех Феди многообещающим, и в то же время у Вити я заметил инициативу, которая мне понравилась.

Глава IV. ЧТО ПРОИСХОДИТ С ВИТЕЙ?

В последующие месяцы Витя неожиданно для всех стал каким-то заносчивым. С надменным видом он заявил, что никого за доской не боится, а между тем он проигрывал Фе-

де, довольно часто — Пете, а иногда — даже Соне, у которой прежде выигрывал регулярно, Лишь редко он углублялся в какую-нибудь позицию, прилагая все усилия, чтобы отыскать хороший план. Обычно же он играл быстро и небрежно. Ссылаясь на то, что он перегружен работой в школе, он частенько отсутствовал на наших собраниях, которые раньше охотно посещал.

В разговоре с моей женой Соня как-то сказала, что у Вити не все хорошо обстоит в школе. Жена забеспокоилась.

— Я была в школе,— сказала она мне,— и справлялась о Вите у его педагога. Я объяснила ему, что Витя часто приходит к нам играть в шахматы и что я очень полюбила этого юношу. Учитель сказал, что в последнее время его школьные успехи значительно снизились.

На ближайшей встрече моя жена задержала Витю, дав ему маленькое поручение, когда остальные уже собрались уходить.

— А как твои дела в школе? — спросила она.

— Да так, не особенно хороши.

— Почему? Ты, вероятно, много играешь в шахматы?

— Вовсе нет. Я совсем не занимаюсь шахматами.

— Чем же ты занимаешься в таком случае?

— Я работаю довольно много для школы.

— А как ты проводишь остальное время?

— Я читаю.

— Школьные книги?

— Нет, всякие — для развлечения.

— Витя — откровенный мальчик,— сказала мне потом жена,— но сегодня он давал какие-то лаконичные ответы. Что-то с ним происходит.

— Он не понимает причины своих поражений, думает, что он ничего не в состоянии создать, и теряет доверие к своим силам и способностям.

— Ну, если тебе кажется, что ты знаешь, в чем дело, тогда ты должен ему помочь.

— Это нелегкая задача, но я попробую.

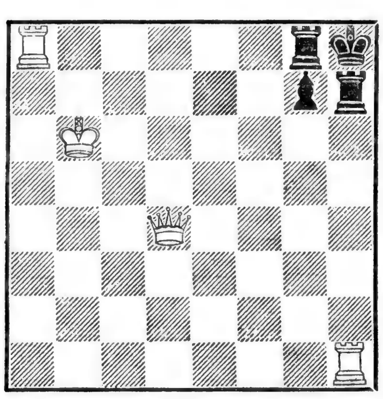
Задача была действительно нелегкая. По-видимому, интерес, проявленный моей женой к Вите, был ему неприятен, так как в течение трех последующих посещений ребят он у нас не показывался. Когда он наконец появился снова, то извинился, сказав, что был занят работой в школе.

— Мы всегда тебе рады,— сказал я,— но, понятно, школа должна быть на первом месте.

Мои гости немного поиграли в шахматы. Витя играл так же поверхностно, как в течение последних месяцев.

Я спросил затем, не заинтересуются ли они шахматной композицией — задачами и этюдами. Соня приняла это предложение с восторгом, и Витя был не против.

— Вы, вероятно, знаете, что в шахматах уже свыше тысячи лет существуют задачи и этюды. В задачах белые должны дать мат в определенное число ходов. Например,— я расставил на доске фигуры,— белые начинают и дают мат в два хода[1].

Соня сказала:

— Я попробую решить эту задачу.— И усердно принялась за дело.

Но, прежде чем она успела вникнуть в позицию, Витя радостно улыбнулся и сделал ход Фd4—a1.

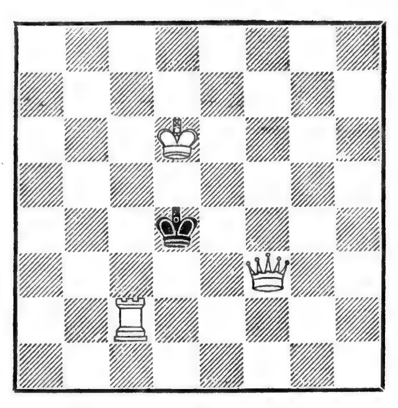
— Совершенно верно, это единственный ход, который решает задачу,— заметил я.

— Вот еще одна задача со сходной идеей: белые дают мат в два хода[2]. Здесь нужно первым ходом распатовать черного короля.

---

[1] Задача французского проблемиста Т. Эрлéна («Анонима из Лилля»), составленная в середине прошлого века (1852 год). Ласкер изменил расположение фигур по флангам (перенес фигуры черных с ферзевого на королевский фланг). Возможно, что это больше отвечало его ощущению «естественности» позиции.

[2] Задача американского проблемиста Дж. Кáрпентера, 1875 год.

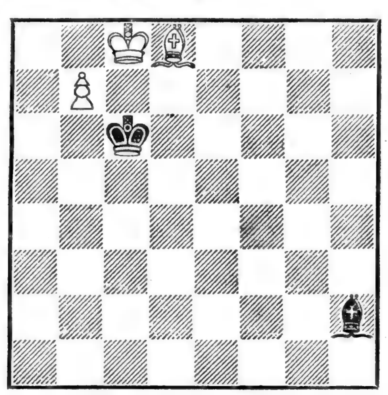

Оба задумались, но я не дал им долго размышлять, так как не хотел, чтобы они потратили на задачу слишком много времени.

— Я, собственно, не намеревался сегодня предлагать вам задачи, поэтому я покажу решение. Оно заключается в ходе 1. Фf3—h3.

Соня была восхищена. Витя тоже нашел задачу красивой.

— Сегодня я хотел поговорить не о задачах, а об этюдах. Это позиции, где белые неожиданным образом выигрывают или делают ничью. Например:

Белые начинают и выигрывают[1]. Неважно, в какое количество ходов вы дадите мат. Для этого, может быть, по-

[1] Известная в теории эндшпиля позиция (Л. Чентурини, 1856 год).

надобится двадцать ходов или на несколько ходов меньше или больше — это безразлично. Задача состоит лишь в том, чтобы найти правильный путь к выигрышу. Это вы должны сделать самостоятельно.

Витя задумался, Соня также с интересом обдумывала положение.

— Есть! — обрадовался Витя.— Теперь я вижу, в чем дело!

— Объясни, пожалуйста, Витя, решение по этапам.

— Итак, белые грозят сперва перевести слона d8 на a7. Примерно: 1. Cd8—h4 Крс6—b6 2. Ch4—f2+ Kpb6—a6. Таким путем черные предотвращают угрозу, и белый слон не попадает на a7. Теперь второй этап; сначала он от меня ускользнул. Я должен заставить черных сделать ход слоном h2, но только не на d6.

— Почему?

— Это дальше станет ясно. Итак, 3. Cf2—c5, и теперь черные вынуждены сыграть слоном на g3, или f4, или e5; скажем — на e5 (3. . .Ch2—e5). Теперь третий этап. Белые угрожают перевести слона на a7: 4. Cc5—e7 Кра6—b6 5. Ce7—d8+ Kpb6—c6. А финал такой: 6. Cd8—f6. Белые выигрывают темп благодаря нападению на черного слона. 6. . .Ce5—h2 7. Cf6—d4; затем белые играют Cd4—a7 и Ca7—b8; черные вынуждены отступить слоном на g1, и после Cb8—g3 Cg1—a7 и Cg3—f2 белые выигрывают.

— Совершенно правильно, браво! — подтвердил я.— Ты уловил самое главное. Если возможно было бы 3. . . Ch2—b6, то белые не могли бы провести свой план, так как нападение Cd8—e7 на шестом ходу было бы бесполезно,— белый слон не мог бы пойти на c5. Нравится это вам?

Оба сияли.

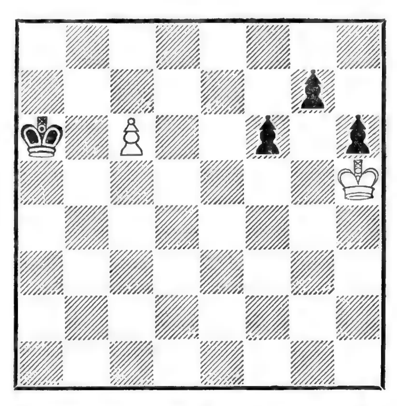
— Еще один этюд, пожалуйста!

— Хорошего понемножку! Но я хочу вам дать красивый этюд Рихарда Рети. Вы можете его решить дома, если будет охота.

Они записали положение и казались очень довольными тем, что им предстоит решать такой этюд.

Витя был в хорошем настроении. Он решил поставленные перед ним задачи. Это в какой-то степени вернуло ему веру в себя.

Витя присутствовал и при следующей нашей встрече и точно изложил способ, при помощи которого белые в этюде

Белые начинают и делают ничью [1].

Рети делают ничью.

— Белые вынуждены максимально использовать свою пешку c6. Если удастся приблизить белого короля, то пешка грозит превратиться на c8 в ферзя. Например: 1. Kph5—g6 f6—f5 2. Kpg6 : g7 f5—f4 3. Kpg7—f6 f4—f3 4. Kpf6—e7, и пешка c6 уже неудержима, так как на 4. . .Kpa6—b6 следует 5. Kpe7—d6. У черных, правда, остается еще лишняя пешка на h6, но этого недостаточно для выигрыша.

— А что произойдет после 1. Kph5—g6 Kpa6—b6?

— На это последует 2. Kpg6 : g7 h6—h5 3. Kpg7 : f6 h5—h4 4. Kpf6—e5. Теперь опять угрожает Kpe5—d6. Таким образом, белые либо получают ферзя, либо, если черные берут на c6, белые выигрывают пешку «h» посредством Kpe5—f4.

Я пожал Вите руку. Он правильно решил этюд.

— Такое положение,— сказал Федя,— может получиться в партии, и результат маневра белых удивит любого противника.

— Идея Рети производит на меня впечатление настоящего открытия,— высказала свое мнение Соня.— Вряд ли кому-нибудь до него приходило в голову, что в подобном положении можно сделать ничью.

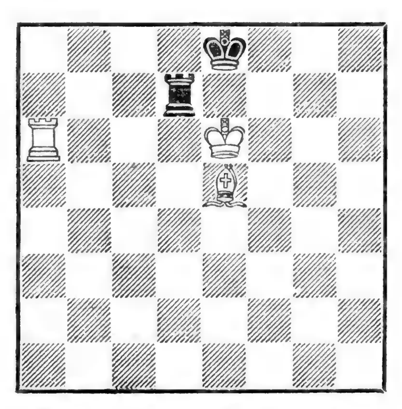
[1] Гроссмейстер Р. Рети составил этот этюд в 1928 году. Основную идею его он показал еще в 1921 году в более простой позиции: Kph8 п. c6 против Kpa6 п. h5.

Петя отметил строгость решения:

— У белых каждый раз только один ход для достижения цели. Отсюда видно, насколько опасно их положение.

Витя нахмурился было при высказывании Феди, но заметно повеселел от слов Сони и Пети.

Соня и Витя заинтересовались этюдами. Соня любила неожиданные эффекты, которыми так богаты произведения советских шахматных этюдистов. Витя же предпочитал позиции, имеющие значение для практической партии. Одной из его любимых позиций был эндшпиль Филидора, знаменитого француза, который в середине и к концу XVIII столетия в Париже и Лондоне мастерски играл в шахматы и обучал хорошей игре других.

Белые начинают и выигрывают.

1. Лa6—a8+ Лd7—d8 2. Лa8—a7 Лd8—d2. Если теперь сделать ход слоном, то черные дают шах на e2; поэтому белые вынуждают черную ладью занять другое поле. 3. Лa7—b7 Лd2—d1 4. Лb7—g7. Белые используют возможность создать угрозу мата на другом фланге. 4. . .Лd1—f1 (ходом 4. . .Крe8—f8 черные только облегчили бы задачу белых, так как последовало бы 5. Лg7—h7 Лd1—g1 6. Лh7—a7 Крf8—g8 7. Лa7—a8+ Крg8—h7 8. Лa8—h8+ Крh7—g6 9. Лh8—g8+) 5. Сe5—g3. Теперь возможность шаха по линии «e» устранена. 5. . .Крe8—f8 6. Лg7—g4 Крf8—e8 7. Лg4—c4 Лf1—d1 8. Сg3—h4 Крe8—f8 9. Сh4—f6 Лd1—e1+ 10. Сf6—e5 Крf8—g8 11. Лc4—h4.

В этом заключается основная идея Филидора. Этюд, конечно, этим не исчерпывается, но остальные варианты найти нетрудно.

Этюды Троицкого, Куббеля, Ринка, Платова чрезвычайно нравились им; из более молодых мастеров композиции они очень ценили Григорьева.

Витя теперь играл редко, думал долго над ходами.

По прошествии нескольких месяцев я однажды завел разговор о партии, которую Федя выиграл у него на турнире. Витя смутился и сказал, что уже забыл ее.

— Ничего не значит,—ответил я,—эта партия была уже сыграна раньше Таррашем против Марко.

— Что?!

— Да, ты играл не хуже, чем мастер Марко. Ты не нашел еще своей ошибки?

— Я после турнира не рассматривал эту партию.

— Напрасно. Ты рискуешь повторить ту же ошибку, если снова придется играть этот вариант.

— Этого я не хочу. Если я буду побежден, то пускай это произойдет только благодаря мастерству моего противника.

Мы разыграли с ним эту партию, но он не нашел ошибки и решил, что вся система игры с самого начала ошибочна.

— Почему ты вместо того, чтобы рокировать, не взял пешку на d4?

— Но ведь белые получили бы тогда свободную игру, а позиция черных была бы очень стеснена.

Ага, так вот в чем заключалась его ошибка, его заблуждение, его слабость! Он любит инициативу и ненавидит тактику выжидания.

— Ладно,— сказал я,— я буду играть черными. Покажи мне, что существует атака, которую черные не в состоянии отразить. Мне интересно, как ты попробуешь это доказать.

Мы многократно разыгрывали партию — пожалуй, около десяти раз,— начиная с положения после 7-го хода белых (Лf1—e1), с предложенным мною ходом 7. . .e5 : d4. Витя вскоре заметил, что каждая попытка стремительной атаки со стороны белых легко отражалась, а позднее он пришел к выводу, что позиция черных отнюдь не лишена возможности проявления некоторой инициативы. Это было для него откровением, а рассмотренные нами системы защи-

ты и контратаки послужили для него примером и образцом. Приемы, которым он при этом научился, он несколько раз испробовал в партиях против Сони и Пети с блестящим успехом.

— Сходи, пожалуйста, в школу,— сказал я как-то в тот период жене,— и узнай, как там сейчас обстоит дело у Вити.

Она это сделала и сообщила мне:

— В школе очень довольны. Витя внимателен и усердно работает. Я всегда была уверена, что Витя преодолеет все трудности.

Глава V. ПОСЕЩЕНИЕ ТУРНИРА МАСТЕРОВ В МОСКВЕ

Мои юные друзья были взволнованы. В газетах сообщалось, что в нашем городе состоится турнир мастеров. Их прежде всего интересовало, кто займет первое место и станет чемпионом страны. У них вытянулись лица, когда я сказал, что не знаю.

— Почему вы думаете, что стали бы устраивать турнир мастеров, если бы знали заранее, каков будет результат?

Это было понятно, но их, разумеется, не устраивало. Они предпочли бы, чтобы я сообщил им по секрету, как будет протекать турнир и кто окажется победителем.

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, что́ значит быть мастером?

— По-настоящему я об этом никогда не думал,— сказал Петя.— Но мне кажется, что быть мастером — это значит не делать никаких ошибок.

— Звучит неплохо,— ответил я,— но опыт показал, что человеку свойственно ошибаться.

Федя сказал:

— Величайший мастер тот, кто делает минимальное число ошибок.

— Нет,— возразила Соня,— когда я пишу сочинение, может случиться, что я сделаю грамматическую ошибку. Однако мое сочинение может все же быть лучше, чем у многих других, кто не делает таких ошибок.

— Шахматы и сочинение — это разные вещи, — сказал Федя.

— Я считаю пример, который привела Соня, довольно удачным,— сказал я,— такое же наблюдение можно сделать и в шахматах. Случается, что из-за сложности положения или утомления мастер губит хорошо сыгранную партию какой-нибудь ошибкой. Но если он даже и проигрывает, у него нельзя отнять то, что он очень хорошо провел предыдущую часть партии.

— Мастер всегда неустрашимо борется, каково бы ни было его положение,— сказал Витя.

— Это совершенно правильно, но не в этом самое главное. Изучение различных партий обогащает теорию шахматной игры.

— Понимаю,— воскликнула Соня,— мастер владеет современным объемом знаний и обогащает его новым!

— В этом вся суть,— одобрил я ее слова.— Мастер стоит на уровне знаний своей эпохи и при этом обладает способностью к творчеству.

— Этого я не понимаю,— сказал Федя,— если умеешь что-нибудь делать хорошо, то этого нельзя ведь сделать еще лучше.

— Однако в школе чем старше вы становитесь, тем лучше вы понимаете предмет, который изучаете, и каждый день вы узнаете что-нибудь новое.

— А если взять легкую атлетику,— сказал Витя,— то ведь старые рекорды очень часто перекрываются новыми.

— Также автомобили, самолеты, моторы — ведь и они с каждым годом улучшаются,— добавил Петя.

— И с шахматами дело обстоит точно так же,— сказал я,— старые партии изучаются, устраняются ошибки и испытываются новые ходы, пока не создается действительное улучшение.

— Однако ведь только очень немногие из мастеров нашли что-нибудь действительно новое,— пытался Федя защитить свое мнение.

— Ты не совсем неправ,— ответил я,— не каждый, кто называется мастером, творит ценные новые идеи. Однако он помогает этим идеям оформиться. Возьмем пример. На знаменитом турнире в Гастингсе, который происходил в 1895 году, Пильсбери, играя против Тарраша, нашел одну скрытую комбинацию, и благодаря этому выиграл трудную пар-

тию[1]. Тарраш играл очень сильно и вынуждал своего противника к крайнему напряжению. А результатом этой борьбы была замечательная комбинационная идея Пильсбери, которая восхищает и поучает нас еще и сегодня.

Через некоторое время начался турнир. Мы часто встречались там с нашими юными друзьями. Следить за игрой мастеров было очень интересно. Положения всех партий отмечались ход за ходом на особых демонстрационных досках. В турнирном зале царила тишина, но в соседних залах, где также были установлены демонстрационные доски, зрители оживленно обменивались впечатлениями. Каждый, по-видимому, имел среди мастеров своего любимца и вместе с ним переживал его опасения и надежды, радости и огорчения. Поэтому почти у каждой демонстрационной доски образовывалось два лагеря.

— Ботвинник проигрывает, он отдал фигуру,— пронеслась как-то новость по залу.

Зрители теснее сплотились у демонстрационной доски, где происходила оживленная дискуссия по поводу этой партии. Здесь была вынесена другая оценка:

— Ботвинник намеренно и вполне правильно пожертвовал фигуру, чтобы обнажить позицию неприятельского короля.

Действительно, через некоторое время была достигнута ничья «вечным шахом».

Непосредственное наблюдение за борьбой мастеров было поучительно.

---

[1] В этой партии было сыграно: 1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6 3. Кb1—c3 Кg8—f6 4. Сc1—g5 Сf8—e7 5. Кg1—f3 Кb8—d7 6. Лa1—c1 0—0 7. e2—e3 b7—b6 8. c4 : d5 e6 : d5 9. Сf1—d3 Сc8—b7 10. 0—0 c7—c5 11. Лf1—e1 c5—c4 12. Сd3—b1 a7—a6 13. Кf3—e5 b6—b5 14. f2—f4 Лf8—e8 15. Фd1—f3 Кd7—f8 16. Кc3—e2 Кf6—e4 17. Сg5 : e7 Лe8 : e7 18. Сb1 : e4 d5 : e4 19. Фf3—g3 f7—f6 20. Кe5—g4 Крg8—h8 21. f4—f5 Фd8—d7 22. Лe1—f1 Лa8—d8 23. Лf1—f4 Фd7—d6 24. Фg3—h4 Лd8—e8 25. Кe2—c3 Сb7—d5 26. Кg4—f2 Фd6—c6 27. Лc1—f1 b5—b4 28. Кc3—e2 Фc6—a4 29. Кf2—g4 Кf8—d7 30. Лf4—f2 Крh8—g8 31. Кe2—c1 c4—c3 32. b2—b3 Фa4—c6 33. h2—h3 a6—a5 34. Кg4—h2 a5—a4 35. g2—g4 a4 : b3 36. a2 : b3 Лe8—a8 37. g4—g5 Лa8—a3 38. Кh2—g4 Сd5 : b3 39. Лf2—g2 Крg8—h8 40. g5 : f6 g7 : f6 41. Кc1 : b3 Лa3 : b3. (Белые хладнокровно и с большой точностью подготовили решающую контратаку на королевском фланге. Черные беззащитны.) 42. Кg4—h6! Лe7—g7 43. Лg2 : g7 Крh8 : g7 44. Фh4—g3+! Крg7 : h6 45. Крg1—h1 Фc6—d5 46. Лf1—g1 Фd5 : f5 47. Фg3—h4+ Фf5—h5 48. Фh4—f4+ Фh5—g5 49. Лg1 : g5 f6 : g5 50. Фf4—d6+ Крh6—h5 51. Фd6 : d7 c3—c2 52. Фd7 : h7×.

На следующий день партию можно было увидеть в газете, но, когда ее результат известен заранее, она уже не может вызвать такого острого интереса. В турнирном же зале мы ощущаем напряжение борьбы так живо, словно мы сами принимаем участие в ее превратностях.

Самой счастливой из зрителей была, несомненно, Соня. Она была увлечена игрой одного мастера, которому едва минуло двадцать лет. Ей нравилось его искусство сохранять хладнокровие в затруднительных положениях и неожиданными ходами повертывать игру в благоприятную для себя сторону.

Витя тоже был живо заинтересован происходившей борьбой, но его больше поражала подготовка атаки или защиты, нежели непосредственное выполнение. В спорах он высказывал свое мнение коротко и определенно, и его предсказания по большей части оправдывались.

Петя тоже охотно спорил, но ему редко возражали, так как его соображения не казались достаточно серьезными. Однажды они с Федей сошлись на том, что Рюмин ошибочно разыграл дебют. Но в ту же минуту этот мастер продвижением пешки прорвал центр противника и начал явно неотразимую атаку.

В дальнейшем случалось не раз, что мнение Феди граничило с абсурдом. Но его главным образом интересовала регистрация дебютов. У него всегда была при себе записная книжка, и он заносил туда начальные ходы всех партий, а также их конечный результат. В напряженнейшие моменты какой-нибудь партии он почти никогда не высказывал о ней своего мнения. В этом отношении он был полной противоположностью Вите, который высказывался только в самые драматические моменты — когда в борьбе наступал кризис.

Однажды Соня, вообще не интересовавшаяся подробностями борьбы, спросила меня, зачем на столах у мастеров стоят какие-то странные двойные часы.

— Это очень важно,— ответил я,— без них нельзя было бы проводить турниры.

Так как она, по-видимому, не понимала этого, я объяснил ей, в чем дело.

— В прежние времена не пользовались шахматными часами. В результате мастера в затруднительных положениях непозволительно долго размышляли над ходом. Один

ход в час — не было редкостью, и некоторые партии длились по нескольку дней. Существует анекдот, что Андерсен играл однажды партию с Луи Паульсеном, который отличался исключительной медлительностью игры. В какой-то момент, пока Паульсен думал над очередным ходом, Андерсен успел сходить на речку и выкупаться. В конце концов пришли к выводу о необходимости ограничить время на обдумывание ходов. Сперва предоставляли до двадцати ходов в час, однако такой темп игры был слишком быстрым; затем правилом считалось — пятнадцать ходов в час. Теперь же обычная норма — шестнадцать ходов в час. У каждого из противников свои часы. Сделав ход, мастер нажимает на рычаг, который останавливает его собственные часы и одновременно приводит в движение часы противника.

Соня теперь увидела то, чего раньше не замечала, а именно — как мастера нередко боязливо поглядывали на свои часы.

— Им нельзя просрочить предоставленное для игры время, иначе они будут считаться проигравшими партию.

Когда турнир начал приближаться к концу, зрители стали все чаще собираться у большой турнирной таблицы, где отмечались результаты всех сыгранных партий. Здесь оживленно обсуждались шансы возможных победителей.

Два мастера с одинаковым количеством очков были лидерами. Каждый из них должен был напрячь все силы, чтобы не предоставить единоличное лидерство своему сопернику. Достаточно было одного-единственного мало-мальски неудачного хода, чтобы остаться позади.

Чтобы сохранять ровную и сильную игру на протяжении всего турнира, нужно огромное напряжение.

Внешне соперники оставались совершенно спокойными. Поскольку они вкладывали в борьбу все свои силы, знания и умение, то — что́ бы в конце концов ни последовало — у них было сознание выполненного долга. Это давало им мужество и уверенность.

К концу турнира соперники должны были играть друг с другом. Тот, который был помоложе, выиграл партию благодаря смелой, несколько рискованной атаке. Его противник еще мог добиться в трудном положении ничьей, но боязнь просрочить время — до момента контроля оставалось всего лишь две-три минуты — лишила его мысли необходимой ясности. К тому же позиция была очень запутанная.

Зрители должны были бы анализировать положение часами, чтобы найти правильный ход.

Игра победителя произвела на них большое впечатление, и они вознаградили его успех бурными аплодисментами.

После этой победы лидера уже нельзя было догнать. Вырвавшись вперед на целое очко, он занял первое место. Его соперника же обогнал третий мастер, подтянувшийся к концу турнира.

Федя нашел эту победу неубедительной. Он считал, что победителю повезло не только в игре с его соперником, но и в другой партии с более слабым мастером, который проглядел блестящий маневр, дававший ему выигрыш.

Петя возражал.

— И другие мастера,— сказал он,— в некоторых партиях выиграли благодаря ошибкам своих противников.

Соня, поддерживаемая Витей, пыталась опровергнуть предложенный Федей выигрывающий ход, причем действительно оказалось, что этот ход далеко не так просто мог привести к успеху, как представлял себе Федя. Но Федя не хотел признать этого.

— Анализы некоторых партий, сделанные знатоками,— сказал он,— ясно доказали возможность выигрыша.

При этом убеждении он и остался. Я не высказывал своего мнения, потому что этот вопрос было очень трудно решить, но все же я считал критику Феди слишком поспешной.

К числу наиболее благодарных зрителей принадлежали Соня и Витя. Соня сказала, что получила от турнира большое удовольствие, а Витя уверил меня, что он многому на турнире научился. Все четверо заявили, что с нетерпением будут ждать следующего турнира.

Глава VI. СЕАНС ОДНОВРЕМЕННОЙ ИГРЫ. ВИТЯ РЕШАЕТ СТАТЬ МАСТЕРОМ

— Я думаю, я сейчас могу выиграть матч у Феди,— доверительно сообщил мне однажды Витя.

— Со времени турнира я выигрываю у Вити почти все партии,— сказал мне Федя.

Одним словом, обстановка накалялась. Витя горел желанием сыграть с Федей ряд партий, но Федя редко садился

с ним за шахматную доску. Петя и Соня находили это естественным. Они считали Федю, благодаря его многочисленным победам над Витей, бесспорным авторитетом. Витя же, по их мнению, был в лучшем случае способным учеником, который, возможно, пойдет вперед, а может быть, и останется на своем нынешнем уровне.

Вскоре по окончании турнира мастеров было объявлено, что победитель турнира будет играть в клубе пионеров одновременно тридцать партий против членов клуба. И Витя и Федя заявили о своем желании участвовать в сеансе одновременной игры. Федя надеялся выиграть у мастера благодаря своим основательным знаниям, а Витя полагался на точность своих расчетов за доской.

Желающих играть оказалось очень много — больше, чем было мест. Почти все хотели воспользоваться возможностью сыграть против мастера. Хотели играть и Петя с Соней.

— Я не сомневаюсь, что проиграю,— сказал Петя,— но мне интересно, каким образом мастер у меня выиграет.

— А для меня,— сказала Соня,— игра с мастером — это совершенно новое переживание.

Однако ни Петя, ни Соня не попали в число участников сеанса, так как играть захотели столько сильных шахматистов, что не оставалось места для более слабых.

В назначенный день мы вшестером отправились в клуб. Большой зал заполнили участники и зрители. На столах, расставленных в виде вытянутого прямоугольника, находилось тридцать шахматных досок. По приглашению распорядителя участники заняли места за этими досками. Витя и Федя сели рядом так, чтобы нам было удобно следить за обеими партиями.

Мастер играл с исключительной быстротой. Когда он подходил к доске и его противник делал ход, мастер делал ответный ход обычно в течение двух секунд. Если вспомнить, что во время турнира мастеру нужно было пять часов, чтобы сделать сорок ходов, то разница в скорости игры резко бросалась в глаза.

В то время как мастер переходил от доски к доске, каждый из его противников обдумывал свой ближайший ход и имел для этого в своем распоряжении около двух минут. Иногда мастер задерживался у какой-нибудь доски несколько дольше, и это служило верным признаком, что положение там необыкновенное и запутанное. Но только немногие из

его противников могли гордиться тем, что заставляли мастера предаваться более длительному размышлению. Феде этого не удалось ни разу. Витя же, наоборот, торжествовал, так как мастер задерживался у его доски довольно часто.

По мере того как участники сеанса получали мат или сдавались, их ряды начинали постепенно редеть. Федя был озабочен тем, чтобы придерживаться точного порядка предписанных теорией ходов. Но мастер вдруг сделал ход, которого Федя не ожидал. Федя боязливо посмотрел — не на доску, а вверх, словно пытался вспомнить какую-то партию с подобным положением. И лишь затем, потеряв некоторую часть времени, начал обдумывать позицию. Вскоре он попал в стесненное положение, и его фигуры оказались скученными на небольшом пространстве. Он держался еще довольно долго, но это была безнадежная борьба, лишенная каких бы то ни было шансов на успех.

Другое дело — Витя. В его партии довольно быстро наступил кризис, но он осложнял задачу мастера контратаками. В конце концов несколько неожиданных ходов со стороны мастера сломили сопротивление Вити, и он сдался— гораздо раньше, чем сложил оружие Федя.

Через полтора часа после начала сеанса раздались аплодисменты,— распорядитель объявил о первой победе одного из пионеров.

Последняя партия была закончена приблизительно после трех часов игры. Общий результат сеанса был такой: мастер выиграл двадцать четыре партии, проиграл две и четыре закончил вничью. Это был почетный результат как для пионеров, так и для мастера.

Раздались бурные аплодисменты. Мастер поклонился и обратился к пионерам с короткой речью:

— Еще не так давно,— сказал он,— я был таким же, как вы. Вы сегодня боролись по мере сил и дали несколько хороших партий. Приятно видеть, что вы серьезно стремитесь вперед. Все, что делаешь, надо стараться делать хорошо, тогда можно достигнуть больших результатов. А кто небрежен в мелочах, тот ничего не добьется и в серьезном деле. В этом смысле я, как ваш старший товарищ, желаю успеха вашим стремлениям.

Сеанс был окончен, и мы отправились домой.

— Я сегодня кое-чему научился,— сказал Петя.— Каждый из нас пытается выиграть какими-то необычными, не-

виданными ходами, а мастера, по-видимому, предпочитают простые ходы.

— Правда, — сказала Соня. — Меня тоже поразило, как мало необычных и эффектных ходов я увидела во время сеанса.

— Так вы остались недовольны сеансом? — спросил я.

— О нет! — воскликнула Соня.— Для меня все было откровением. Еще вчера я думала, что мастер во всяком положении играет иначе, чем простые смертные, а теперь я вижу, что это не так.

— Это тебя удивляет? — спросил я Соню.— Ведь когда ты пишешь какое-нибудь сочинение, ты пользуешься только самыми простыми, а не какими-то особыми, редкими словами, так как знаешь, что дело не в словах, а в общем содержании и плане твоего сочинения.

— Тем удивительнее,— сказал Витя,— что мастер может играть так быстро, не теряя основной нити.

— Но у него вовсе нет плана,— сказал Федя,— я видел, как он долгое время разговаривал с распорядителем, в то время как делал свои ходы на пяти или шести досках, и явно был больше занят разговором, чем игрой.

— Значит, ты полагаешь, что он не вдумывается в позицию? — спросил я.

— Иногда он все-таки задумывается,— сказал Витя.

— Да, иногда, — стоял на своем Федя, — но, в общем, держится так, как будто знает положение наизусть.

Наступило молчание. Все задумались об игре мастера. Мастер играет быстро; он никак не может отдавать себе ясный отчет в своих планах и решениях, и все же он играет сильно и подчас удивляет даже знатоков неожиданностью своих идей. Как это можно объяснить? Но к чему объяснять, факт остается фактом. Интересно было наблюдать мастера за его работой и удивляться ему. Этого достаточно.

— Я думаю, мастер сам не знает, как он делает свои ходы. То же происходит у каждого из нас. Чтобы объяснить, что мы думаем, когда ищем правильный ход, мы должны перестать его искать.

— Так же, когда пишешь,— вставил Петя,— не знаешь, как мысли приходят в голову, и даже не замечаешь, как выводятся буквы.

Тут Витя неожиданно воскликнул:

— Я хочу стать мастером!

Глава VII. КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ ПАРТИЯ МЕЖДУ МАСТЕРАМИ. ПО ОКОНЧАНИИ ПАРТИИ ВИТЯ ВЫЗЫВАЕТ ФЕДЮ НА МАТЧ

Мое как-то произнесенное замечание, что мастер зачастую руководствуется в игре интуицией, не нашло отклика и не обсуждалось. Согласно английской пословице: «Чтобы убедиться, что пудинг хорош, его съедают». Требовалось наглядное доказательство, и я организовал у себя на квартире консультационную партию, в которой дружески согласились принять участие четыре шахматных мастера. Пускай мои юные друзья сами увидят, как мастера приходят к решению сделать тот или иной ход. В этом отношении консультационная партия очень хороша, так как мастера совещаются вслух.

В двух комнатах были поставлены столы с шахматными досками.

— Два мастера будут сидеть в одной комнате, два — в другой. Тогда они смогут спокойно обмениваться мнениями и принимать те или иные решения,— объяснил я.— Кто-нибудь из вас будет уведомлять противников о сделанном ходе и, передавая сообщение, приводить в движение часы. Контроль времени — десять ходов в час. Зрители должны оставаться в одной из комнат и не ходить взад и вперед, чтобы не мешать играющим. Только тот, кто будет объявлять сделанные ходы, переходит из комнаты в комнату после сделанного хода и после того, как он остановит часы. Кто из вас хочет передавать ходы?

Федя и Соня предпочли следить за игрой, находясь при одной из сторон, чтобы не рассеивать внимания соображениями другой стороны и не поддаваться влиянию этих соображений. Петя же, заметив, что Вите очень хочется взять на себя передачу ходов, охотно уступил ему эту миссию.

Вскоре приехали мастера. Они осмотрели сделанные приготовления и одобрили их. Петя занял место в той комнате, где уселись играющие белыми, а Федя и Соня расположились в другой.

Первые ходы были сделаны довольно быстро: 1. d2—d4 Kg8—f6 2. c2—c4 e7—e6 3. Kb1—c3 Cf8—b4 4. Фd1—c2.

После этого хода в комнате черных началась длительная дискуссия. Витя мне потом рассказывал, что оба мастера

придерживались различных мнений. Один предлагал сыграть 4. . .c7—c5, другой предпочитал 4. . .Кb8—c6. Витя не понял их аргументов, да они, по-видимому, и не были убедительными, так как после довольно продолжительной и безрезультатной дискуссии консультанты отказались от обоих ходов и остановились на третьем, а именно: 4. . .b7—b6, в расчете, что белые займут центр ходом 5. e2—e4, но затем начнут испытывать затруднения с продвижением своих пешек.

Белые действительно сыграли 5. e2—e4, черные ответили 5. . .Сc8—b7 6. Сf1—d3 Кb8—c6 7. Кg1—f3, и теперь—основное в построении черных — 7. . .Сb4—e7.

— Мы грозим Кc6—b4 с разменом ценного слона d3, а своего слона сохраняем,— слышали Федя и Соня,— затем мы после d7—d6 проведем e6—e5, и белым придется либо предоставить нам размен на d4, либо продвинуть пешку, снимая удар с полей e5 и c5.

8. a2—a3 d7—d6 9. 0—0 e6—e5.

Белые были одного мнения — идти вперед, стеснить позицию противника, а затем начать атаку. Итак, 10. d4—d5.

По-видимому, и та и другая сторона были довольны своим положением: одна — поставив задачу нападать, другая же — сначала защищаться, а затем подготовить контратаку.

10. . . Кc6—b8 11. b2—b4 Кb8—d7.

Здесь черные начали опасаться продвижения c4—c5, которое можно было быстро подготовить ходами Сc1—e3 и Кc3—a4. Но белые приняли другое решение.

— Чтобы обезопасить слона e3 от Кf6—g4, нужно сыграть h2—h3, а это даст черным мишень для атаки.

Белые пояснили это таким вариантом: 12. h2—h3 h7—h6 13. Сc1—e3 g7—g5. Теперь черные угрожают ходом g5—g4 открыть линию «g» для ладьи. Итак, 14. Кf3—h2, (чрезвычайно пассивная позиция коня!). Затем белые сделали еще несколько беглых замечаний. Черные сыграют, вероятно, 14. . . a7—a5 15. Кc3—a4 a5 : b4 16. a3 : b4 0—0 17. c4—c5 b6—c5 18. b4 : c5 d6 : c5 19. Кa4 : c5 Кd7 : c5 20. Сe3 : c5 Сe7—d6. Они сошлись на том, что этот вариант дает им очень мало, и предпочли повременить с продвижением c5—c5. Последовали ходы:

12. Сc1—b2 0—0 13. Кc3—e2.

Черные вздохнули свободно.

— Белые пошли по ложному пути. Они должны были атаковать на ферзевом фланге, а вместо этого переводят коня на королевский фланг. Пускай попробуют там атаковать нас, эта атака никак не может быть правильной.

Вите было очень интересно услышать обоснование этого, но черные не приводили никаких обоснований. Оба были одного мнения, и этого было для них вполне достаточно.

Черные сыграли 13. . .Kf6—h5.

— Пусть они попробуют ответить g2—g4, это только ослабит их позицию, так как правильный план для белых — это ведь атака на ферзевом фланге.

14. Фc2—d2 (Не собираются ли черные играть g7—g5 и затем Kh5—f4?) 14. . .g7—g6.

— Пора начинать наступление,— сказал один из мастеров, игравших белыми.

— Черные подготовляют f7—f5,— сказал другой,— теперь пойдет жаркий бой.

15. g2—g4 Kh5—g7 16. Ke2—g3.

— Они принимают меры против f7—f5, а мы вовсе не собираемся так играть,— начали подсмеиваться черные.— Ну что ж! Поскольку белые не хотят играть на ферзевом фланге, мы сами займемся этим. Вероятно, это будет для них неприятной неожиданностью.

16. . . c7—c6. Лица обоих мастеров, игравших черными, выражали удовлетворение.

17. Фd2—h6 Лa8—c8 18. Лa1—c1.

Здесь черные долго думали над ходом. В случае 18. . . c6 : d5 19. c4 : d5 они не владели бы линией «с». Но этого они ни разу не отметили в своем обсуждении.

— На 18. . .c6 : d5 возможно 19. e4 : d5, несмотря на 19. . .f7—f5 20. g4 : f5 g6 : f5; хотя пешечная фаланга (e5, f5) и выглядит грозно, ни одна из пешек не может пойти вперед, и неприятно было бы продолжение Kpg1—h1 и Лf1—g1.

Они искали что-нибудь более тонкое, что подготовило бы продолжение операции, начатой на ферзевом фланге, и пришли в восторг, когда обнаружили устраивающий их маневр в ходе 18. . .a7—a6.

— У нас еще есть время,— рассуждали белые.— Посмотрим, как черные отнесутся к перспективе открытия линии «d». 19. Лf1—d1.

19. . .Лс8—с7 20. h2—h4.

— А теперь — вперед! — решили белые.

— Они разрушают свой королевский фланг. Начнем контратаку,— было мнение черных.

20. . .с6 : d5 21. с4 : d5 Лс7 : c1 22. Лd1 : c1 Kd7—f6.

Белые обдумывали некоторое время продолжение Kf3—g5 с последующим f2—f4, но решили, что нападение на пешку g4 посредством Фd8—d7 затруднит им проведение этого плана.

23. Kf3—h2 Kpg8—h8 24. Фh6—e3.

— Небольшое отступление, но ферзь с этой центральной позиции воздействует и на королевский и на ферзевый фланг, в особенности же на пункт b6.

24. . .Kf6—d7 25. Kh2—f3 Kd7—f6 26. Kf3—h2.

Белые считали, принимая во внимание слабость пешек «g» и «h», что у них нет основания отказываться от ничьей повторением ходов. Но черные хотели лишь выиграть время, они вовсе и не помышляли о ничьей.

— Наше положение лучше,— решили они.

26. . .Kf6—g8 27. g4—g5.

— Так, теперь пора начать и на другом фланге. Белые хотели атаковать нас здесь. Как бы не так! Теперь мы начнем атаку на королевском фланге,— услышал Витя в комнате черных. Федя и Соня сидели при этом с таким видом, словно они сами вели партию черных, и в приподнятом настроении ожидали триумфа «своей комнаты».

27. . .f7—f6.

—Пускай белые владеют линией «с», мы получим линию «f» и атаку на короля.

28. Kh2—f3 f6 : g5 29. h4 : g5 Cb7—c8.

— Теперь конь не удержится долго на f3, и пешка g5 погибнет,— рассуждали черные.

— Ничего не остается, как обрушиться со всей энергией на ферзевый фланг черных,— приняли решение белые.

30. Лс1—с6.

— Да-а... неплохая идея. Чего только не выдумают с отчаяния! — констатировали с некоторым смущением черные. — Сыграем 30. . .Cc8—d7, тогда Лс6 : b6 не проходит из-за Лf8 : f3.

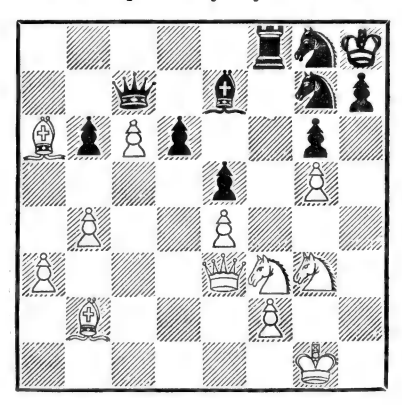
Но белые ответили 31. Cd3 : a6.

— Жертва качества должна окупиться, получается очень сильная проходная пешка,— решили белые.

— Они, конечно, погибли, но у них еще остаются кое-какие шансы,— оценили позицию черные.

31. . .Cd7 : c6 32. d5 : c6 Фd8—c7.

Когда Витя пришел в комнату белых и объявил сделанный ход, он с интересом углубился в положение.

«Проходную пешку надо защитить,— подумал он,— но какие имеются здесь возможности нападения и защиты? Если бы пожертвовать как-нибудь коня f3 на e5 и открыть диагональ b2—h8... Или, может быть, перевести коня на d5, оттеснить ферзя и начать продвигать пешку c6. Правда, все это нужно подготовить обдуманно. Черные сильны по линии «f». Ходами Ce7—d8 и Фc7—f7 они создают серьезные угрозы, но слон a6 может пойти на e2 или через f1 на g2, чтобы все защитить и вместе с тем сохранить возможность позднее поддержать продвигающуюся проходную пешку «c» с поля a6 или h3».

Занимавшие Витю мысли не были ясными и отчетливыми. Он видел все как бы во сне. Фигуры были словно живые. Отчетливо увидел он ход Фe3 — c3.

Веселый смех пробудил его от оцепенения. Витя встрепенулся. Оба мастера глядели на него и смеялись.

— Ты, вероятно, заснул. Мы уже дважды объявляли тебе наш ход: 33. b4—b5.

Витя покраснел и поспешил передать ход черным. Но он был потрясен. Ход b4—b5 неприятно поразил его. Нелепейшим образом отрезать слона a6 от главного района его деятельности — от полей c4, e2, f1, g2, h3! Так не обра-

щаются с преданным другом и сильным помощником... Он словно присутствовал при акте неблагодарности и несправедливости.

Черные ответили 33. . .h7—h6, о чем Витя объявил в комнате белых.

Когда ему сообщили следующий ход 34. g5 : h6, он испытал чувство недоумения и досады.

«Почему не перевод коня на d5?» — мелькало у него в голове, но он не решился высказать свое мнение о двух последних ходах белых.

В другой комнате он увидел торжествующие лица.

34. . . Kg7—e6 35. a3—a4 Ce7—d8 36. Cb2—a3 Фc7—f7 37. Kf3 : e5 d6 : e5 38. Ca3 : f8 Фf7 : f8 39. a4—a5 Kg8 : h6 40. a5 : b6 Kh6—g4 41. c6—c7 Kg4 : e3 42. c7—c8Ф Фf8—f3.

Ничего больше нельзя было сделать. Белые сдались[1].

— Прекрасная партия,— сказала Соня.

— Стратегическое достижение,— произнес Федя.

Витя спросил у Пети:

— Почему белые заперли слона a6?

— Не знаю,— ответил Петя.— Вероятно, другие ходы им казались хуже.

— А почему они не сыграли 33. Фe3—c3?

— Тоже не знаю,— сказал Петя, но при этом посмотрел на Витю с некоторой насмешкой.

Лишь много времени спустя Витя рассказал мне об этом:

— Я скорее дал бы разрубить себя на части,— сказал он,— чем отрезал бы слона от диагонали a2—g8. Я и сейчас не знаю, какой должен быть исход борьбы после Фe3—c3, но ведь делом чести было бороться, а не малодушно сдаваться.

Партия продолжалась довольно долго. По окончании ее мы сели ужинать и мало разговаривали о шахматах, чтобы дать мастерам отдохнуть.

В следующий раз, когда мы снова встретились, консультационная партия дала повод продолжить наш спор о мастерах.

---

[1] Ласкер хотел поделиться своими впечатлениями от консультационной партии, на которой он, выполняя роль Виктора в этой книге, присутствовал, еще будучи подростком. Но здесь он взял для примера не ту партию, а встречу Опоченский — Нимцович в 1925 году.

Соня была настроена менее решительно, чем раньше.

— Чувствую симпатию к художникам,— сказала она,— и я их представляю себе как людей эмоциональных. Шахматных мастеров я тоже считаю художниками, но, признаюсь, консультационная партия несколько смутила меня. От начала до конца в ней все развертывалось последовательно, как в таблице умножения.

Федя еще больше усилил этот аргумент:

— Партия показывает, что уже 5. e2—e4 было ошибкой. Белые должны были играть 5. e2—e3, чтобы крепко держать в руках центр. В позиции всегда бывает только один-единственный наилучший ход, и кто его не находит, тот проигрывает. Это — дело расчета.

Петя, который до сих пор не был согласен с моим мнением, начал постепенно сдаваться:

— Между мастерами, за игрой которых я наблюдал, бывали часто разногласия. Поэтому нельзя сказать, что игра — это дело простого расчета.

Витя же страстно принял мою сторону:

— Я слышал, как мастера спорили. Правда, черные лучше гармонировали друг с другом, но оба были охвачены одной и той же идеей и многого не замечали или, во всяком случае, не обращали внимания на то, что собирались делать белые. Когда они, в конце концов, решались на какой-нибудь ход, у них было одно м н е н и е, но никак не у в е р е н н о с т ь в конечном исходе.

Когда Федя вместо ответа пожал плечами, Витя продолжал:

— Споры мастеров научили меня многому, и отныне я буду доверять своему суждению и защищать свое мнение.

— И регистрировать свои проигрыши,— сказал Федя.

— Защищать свои убеждения — это вопрос чести, а не успеха. Я буду делать то, что подсказывает чувство чести борца, но не буду стремиться к какой-то заранее рассчитанной уверенности, которой вовсе и не существует.

— У тебя ведь есть одна уверенность, что ты станешь мастером,— сказал иронически Федя.

— Уверенность или не уверенность,— раздраженно ответил Витя,— но я осмелюсь стремиться к этому. И, если хочешь, давай сыграем матч!

Соня воскликнула:

— У тебя нет никакого права на матч с Федей. Из последних двадцати партий ты выиграл у него только две. Эдак и Петя мог бы играть матч с Федей. Федя, не принимай его вызова!

— Я подумаю,— ответил Федя.

Наступило молчание. Когда все распрощались, я попросил Витю задержаться на несколько минут. На лестнице послышались возбужденные голоса Феди, Сони и Пети. Ясно, что вызов Вити показался им слишком самонадеянным.

Я задал Вите только один вопрос:

— Ты думаешь, что можешь выиграть?

— Я хочу бороться. Не знаю почему, но я хочу с ним сразиться,— ответил он.

И немного погодя добавил:

— Именно с ним!

— Ну хорошо,— сказал я,— поступай, как решил.

Глава VIII. ВОКРУГ ВЫЗОВА ВИТИ РАЗГОРАЕТСЯ БОРЬБА МНЕНИЙ. КАК СЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ВЫЗОВ БЫЛ ПРИНЯТ

В своей школе Федя и Витя были среди шахматистов самыми сильными. Когда стало известно, что Витя вызвал на матч чемпиона школы, все ребята проявили большой интерес к шахматам. Кто знал шахматную игру только понаслышке, просил товарищей объяснить ему правила. Но и те, кто не играл в шахматы, тоже заинтересовались.

Члены школьного шахматного кружка придерживались мнения, что Витя должен сперва доказать свое право на матч с Федей.

Петя сказал Вите:

— Ты не можешь рассчитывать, что Федя будет играть против тебя в полную силу. Он слишком часто у тебя выигрывал и не может принимать тебя всерьез.

— Так пускай он у меня выиграет матч,— ответил Витя.

— Но твоя игра не интересует его,— возразил Петя.

Соня считала, что этот матч будет похож на матч в боксе между борцами тяжелого веса и легкого.

Находились в школе и такие шахматисты, которые считали, что Витя не доказал даже своего превосходства над

ними, а они ведь и не думают оспаривать превосходство Феди. Вызов казался многим ребятам как бы нарушением издавна установившихся правил. Федя был в школе признанным авторитетом. Его ходы в дебюте были самыми лучшими. Ему подражали не задумываясь. Другие ходы казались плохими только потому, что Федя их не делал. Витя осмеливался пробовать другие ходы. Но Федя следовал примерам из партий мастеров, в то время как Витя полагался на самого себя и нередко делал ошибки. Поэтому игра Вити казалась всем несолидной и неправильной.

Отрицательное отношение к вызову Вити усиливалось еще поведением Феди, который давал понять, что у Вити никогда не было настоящих успехов. Дело же было в том, что Федя, хотя и выиграл последнюю партию у Вити, испытал при этом некоторое внутреннее потрясение. Я наблюдал его тогда. Витя «переиграл» Федю настолько, что тот совершенно потерял нить партии. Позднее Витя допустил грубую ошибку, и Федя, облегченно вздохнув, опять принял свой обычный вид превосходства. О пережитом испуге обычно вспоминают неохотно — в особенности, если дело обошлось без дурных последствий. Поэтому Федя почти и не вспоминал об этом случае. Он собирался, правда, при случае рассмотреть партию, чтобы установить, какую он сделал ошибку, но постоянно откладывал это неприятное для него дело.

Но если ребята-шахматисты высказывались против матча, то нешахматисты брали сторону Вити. Они ссылались на то, что в спорте победителями нередко выходили те, от которых такого успеха меньше всего ожидали.

В результате школа в целом поддерживала идею матча, а шахматный кружок был против. Мнения «за» и «против» приблизительно уравновешивали друг друга. Но случилось одно обстоятельство, повернувшее настроения в неблагоприятную для Вити сторону. Этим обстоятельством было сообщение младшей сестры Сони, учившейся в той же школе. Из разговора Сони с Петей она узнала, что Витя критиковал ход b4—b5 в консультационной партии между мастерами. Отсюда она вывела заключение, что Витя чрезмерно заносчив и ставит себя выше мастеров.

Весть о «мании величия» Вити стала распространяться в школе, причем, как часто случается, с различными преувеличениями и искажениями.

Витя не имел представления об этом, пока в один прекрасный день в школьной стенгазете не появилась карикатура. Витя был изображен на ней в виде многоопытного шахматиста, дающего совет мальчугану: «Если ты хочешь повысить свои знания в шахматах, то должен записаться в наш шахматный кружок». А соль была в том, что лицо мальчугана самым недвусмысленным образом напоминало лицо Ботвинника, чемпиона СССР и признанного кандидата на звание чемпиона мира.

А однажды кто-то из ребят спросил его невинным тоном: «Как бы мне стать мастером тенниса? А, Виктор? Ты ведь специалист насчет всего, что касается мастеров», — добавил он в виде пояснения, и стоявшие поблизости ребята рассмеялись.

Но такое отношение к Вите длилось недолго.

В школе был юноша постарше, комсомолец, по имени Миша, который пользовался большим авторитетом среди своих товарищей. С ним моя жена однажды говорила о школьных делах и при этом коснулась карикатуры в стенгазете.

— Наша стенгазета никогда не оскорбляет,— сказал Миша,— она критикует.

— Но я уверена,— ответила моя жена,— что Виктор относится к мастерам с должным уважением. Стать мастером — его мечта, но он отдает себе отчет, что ему еще очень далеко до этого.

Миша отнесся серьезно к этому разговору. Он поговорил с ребятами, с Петей и, установив вскоре истину, позаботился о том, чтобы несправедливые мнения о Вите рассеялись. Этим он еще более поднял свой авторитет у ребят. Многие из них начали теперь настаивать, чтобы вопрос о матче между Витей и Федей был разрешен положительно. Миша обещал приложить все усилия, и ему действительно пришлось преодолеть немало трудностей.

Вопрос о матче окончательно решился на общем собрании в школьном шахматном кружке. Пришли и старшие ребята, а также многие незнакомые с шахматами.

Зал был переполнен.

Миша открыл собрание. Он коротко рассказал о вызове, сделанном Витей, о мнениях, которые сложились в школе «за» и «против» матча, предложил ребятам обсудить этот вопрос и вынести свое решение.

Выступления отдельных ребят добавили сравнительно мало нового к тем мнениям, которые были высказаны раньше. Но все же можно было заметить известный перелом в пользу Вити.

Затем взял слово Миша.

— Соревнование,— сказал он,— надо всячески поощрять, потому что каждый стремится при этом проявить себя с самой лучшей стороны.

В заключение Миша сказал:

— Интересно было бы услышать от Виктора, как он себе представляет, что такое мастер и каковы его обязанности по отношению к коллективу.

Витя знал, что ему придется отвечать на этот вопрос. Недоразумение, возникшее в школе относительно его мнения о мастерах, необходимо было окончательно рассеять.

Он поднялся с места, постоял несколько секунд молча, собираясь с мыслями, и наконец заговорил.

Сначала он говорил робко, но постепенно начал оживляться. Он разъяснил, что задача мастера — творить. Мастер владеет существующим в его области знанием и пользуется им легко и уверенно. Если он имеет перед собой противника, равного ему по силе, он перерастает самого себя и творит нечто новое и ценное. Каким образом мастер это делает, он, Витя, объяснить не может. Случается, что те, которые изучают партии мастеров, могут иногда лучше описать существо настоящей мастерской игры, чем сам мастер. Стремление мастера к совершенству в своей области объясняется теми же чувствами, которые руководят всеми передовыми людьми нашей страны, в первую очередь — рабочими-передовиками. Разница та, что социальное значение рабочего-передовика понятно всем без каких бы то ни было объяснений, в то время как роль шахматного мастера не выступает так ясно наружу. Однако шахматы учат многим необходимым в жизни вещам. Они учат вдумчивости, решительности, умению создавать планы, которые учитывают все существенные моменты. Шахматы закаляют характер, являются в одно и то же время школой мужества и необходимой, разумной осторожности. Именно в том и заключается заслуга мастера, что все эти способности и качества скорее можно приобрести на его примере, благодаря его живой деятельности, нежели путем размышления или изучения книг. Поэтому мастер является учителем,

широко распространяющим свое влияние, зовущим к инициативе. Но он увлекает и зажигает шахматистов не только для одной лишь шахматной игры, а делает их более способными и сильными для решения задач, стоящих перед ними в других областях человеческой деятельности.

Речь Вити вызвала большой интерес и многим понравилась. Прения как-то сразу иссякли. Вите задали лишь несколько вопросов.

«Считает ли он себя мастером или думает стать им?»

— Я очень недоволен своей игрой,— ответил Витя,— но я все же замечаю, что иду вперед, и, может быть,— я надеюсь на это — я когда-нибудь буду в состоянии понимать мастера.

«Мастер ли Федя?»

Витя сказал, что он высоко ценит Федю, но не может предоставить ему столь высокого ранга.

«Кто окажется победителем в матче между ним и Федей?»

— Этого я не знаю,— сказал Витя просто,— но я чувствую, что это будет настоящая борьба.

При этих словах зал дружно зааплодировал, а Федя встал и пожал Вите руку.

Вопрос о матче был решен.

Глава IX. МАТЧ МЕЖДУ ВИТЕЙ И ФЕДЕЙ. УВЕРЕННОСТЬ ВИТИ В СВОИХ СИЛАХ ЗАМЕТНО ВОЗРАСТАЕТ

Мои юные друзья снова собрались у меня, но были както необычно сдержанны и молчаливы. Предстоящая борьба, в которой симпатии Сони и Пети были на стороне Феди, не выходила у них из головы. Говорить об этом открыто мои гости не могли, потому что при состязании полагается держать про себя свои соображения, надежды и опасения. Поэтому разговор вертелся вокруг более или менее безразличных вещей.

Затем мы заговорили о правилах проведения матча. Решено было играть со скоростью двадцати ходов в час и не больше четырех часов в день. Федя попросил для просмотра две книги о дебютах из моей библиотеки. Витя смотрел на эту процедуру с некоторой завистью. Он, в свою очередь, начал просматривать заглавия книг и, когда на-

шел подходящую, по его мнению, книгу, попросил разрешения взять ее с собой. Это тоже была книга о дебютах.

— Нет,— сказал я,— это сейчас не подходит для тебя. Перед самым началом матча ты не должен браться за изучение нового и чуждого тебе.

Я дал ему сборник партий старых мастеров и, кроме того, совет: придерживаться своего прежнего метода — больше полагаться на самого себя.

Вскоре начался матч. Феде по жребию достались в первой партии белые фигуры, и с места в карьер Витя потерпел полное поражение. Федя избрал старинный, полузабытый вариант, которым в свое время было одержано немало побед. Витя, перед которым дебют поставил незнакомую задачу, попал в трудное положение. Он упорно сопротивлялся, но в конце концов вынужден был сложить оружие.

Эта партия появилась в стенгазете с примечаниями Феди. Примечания подчеркивали сильную игру Феди после достигнутого им преимущества, но умалчивали о том, как следовало играть против избранного им дебюта.

Витя не был деморализован. Его уверенность в себе уже настолько окрепла, что он все свободное время тратил на спокойные и настойчивые поиски сделанной им ошибки.

Хорошее предзнаменование!

В шахматном кружке можно было услышать такие разговоры:

— Это было ясно с самого начала. Витя — не противник для Феди.

Вторая партия была довольно бесцветной. Федя играл на размен почти всех важнейших фигур и, так как после двадцати ходов ни одна сторона не имела ни малейшего преимущества, а позиция очень упростилась, противники согласились на ничью.

Перед третьей партией Витя пришел ко мне, чтобы узнать, как ему защищаться против дебюта, примененного в первой партии.

— Ты должен бороться,— ответил я коротко.

— Ну, не будь таким уклончивым,— сказала моя жена.

— На этот раз я не могу с тобой согласиться. Безусловно, чувство часто подсказывает тебе правильные мнения, но законы борьбы имеют свою суровую и неодолимую логику.

Затем я посоветовал Вите перед партией погулять часок в парке.

В третьей партии — с тем же началом, что и в первой,— Витя также попал в стесненное положение, но он искал и нашел шанс к контратаке в жертве ладьи за коня. Если бы Федя немедленно вернул жертву, он сохранил бы преимущество, но он не видел никакой опасности и был изумлен контратакой.

Партия окончилась вничью.

Четвертая партия была похожа на вторую и окончилась с тем же результатом. Уважение к Вите стало расти в школе, но никто не сомневался в конечном успехе Феди.

Перед пятой партией Витя был в очень приподнятом настроении, но без оттенка возбуждения или нервозности. Он внутренне работал над задачей — найти ошибки в первой и третьей партиях. В этом дебюте белые сдержанно развивали свои фигуры, чтобы постепенно подготовить коварное нападение.

«Я не дам ему времени для подготовки. Я немедленно атакую его в центре, чего бы это ни стоило»,— решил Витя.

Так и случилось. Федя был вынужден бороться в центре и не имел времени привести в исполнение свой план, заимствованный им у старых мастеров. Так как он теперь должен был полагаться только на самого себя, он разменялся несколькими фигурами, чтобы упростить положение. Но это не удалось в полной мере, так как некоторые приготовления, сделанные им в соответствии с первоначальным планом, ослабили его позицию. Витя получил атаку и выиграл благодаря неожиданной выдумке, которой Федя не предусмотрел.

К чести шахматистов школы, нужно заметить, что они встретили победу Вити аплодисментами. Они не сомневались, что Федя, в конечном счете, выиграет матч, но они оценили дух борьбы и находчивость, которые проявил Витя.

Эта партия тоже появилась в стенгазете с примечаниями Феди. Он утверждал, что у него было, во всяком случае, хорошее — если не лучшее — положение, когда он каким-то непонятным образом проглядел комбинацию Вити. Это было самообманом. Но к мнению Феди в шахматном кружке отнеслись с безусловным доверием. Этого доверия не было

только у Вити, который заметил пробелы в анализах Феди. Возможно, что уверенности в своей правоте не было и у самого Феди, так как он был деморализован. Он вспомнил о страхе, который однажды испытал в одной из предыдущих партий с Витей. Ему нужно было некоторое время, чтобы успокоиться, и он отодвинул срок ближайшей партии.

Нужно отдать справедливость Феде — он с большим усердием подготовился к шестой партии, а во время игры при каждом ходе концентрировал все свое внимание. Он ни разу не поднялся с места за все четыре часа, пока длилась партия. Ему удалось достигнуть маленького преимущества и некоторое время прочно удерживать его. Но Витя освободился от давления путем жертвы пешки, чего Федя не принял в соображение, потому что способен был лишь изучать чужие образцы, но не создавать свое, собственное, в особенности же что-нибудь необычное. После сорока ходов партия была отложена и должна была доигрываться в следующий раз.

Соня и Петя пришли ко мне и попросили проанализировать с ними отложенную позицию. У молодых людей такое желание бывает совершенно естественным. Сильно интересуясь позицией, они хотели бы поразмыслить над ней, найти скрытые возможности, просто поучиться. Но они не задумывались еще об этике борьбы.

— Не годится,— сказал я,— разрабатывать анализ неоконченной партии. Он может какими-нибудь косвенными путями дойти до одного из противников и повлиять на исход партии.

При возобновлении партии Федя вернул пожертвованную пешку. Он сохранил небольшое преимущество, которого, однако, было недостаточно для выигрыша. В партии было сделано девяносто ходов, и она окончилась вничью.

Итак, после шести партий у каждого из противников было по одной выигранной партии при четырех ничьих. Но здесь наступил решительный поворот в пользу Вити. Вите приходилось всегда рассчитывать только на самого себя. Суровая борьба учила играть сильно, настойчиво, терпеливо. Это стало для него почти непоколебимой привычкой. Федя же, хотя у него было гораздо больше знаний, упорно боролся лишь в том случае, когда у него было преимуще-

ство. Витя был в несравненно большей степени способен добиться преимущества собственными силами, в то время как Федя лучше умел реализовывать достигнутое преимущество и постепенно превращать его в выигрыш. У Вити было больше непосредственных, оригинальных идей, у Феди — больше методичности. Ребята в школе находились под сильным впечатлением этой систематичности и считали выдумки Вити случайными.

Однако они в этом отношении заблуждались. Непосредственность в борьбе побеждает в конечном счете изученную и застывшую систему.

Поэтому и случилось, что Федя, хотя и выбрал в седьмой партии вариант, отвечающий последнему слову теории, все же проиграл. Витя сперва сдержанно выводил свои фигуры, а затем начал осторожное продвижение в центре. Но когда фигуры в центре пришли в соприкосновение, он смело бросил свои пешки вперед и тем поколебал мужество Феди. Федя начал отступать, рассчитывая создать прочное построение поблизости от своей базы. Но фигуры Вити быстро последовали за его фигурами и привели их к беспорядочной расстановке. Это была короткая партия и решительная победа. Зрители были до того поражены и взволнованы, что забыли даже поаплодировать.

В восьмой партии Витя казался несколько утомленным, а Федя — с отчаяния — способным на большое напряжение. На этот раз Федя проявил изобретательность. Однако Вите легко удалось разменять опасные фигуры Феди и уравнять положение. Витя предложил ничью, и Федя после долгого размышления принял это предложение.

Девятую партию оба играли осторожно, но Вите удалось создать у противника слабую пешку. Он блокировал ее и сосредоточил затем против этого неподвижного объекта атаки нападение своих фигур. После многочисленных разменов, когда доска почти совершенно очистилась от фигур, Витя блокировал пешку своим королем и, оттеснив после некоторых маневров неприятельского короля, выиграл пешку.

Это была систематически одержанная победа.

Матч был окончен. Ребята горячо поздравили Витю.

Глава X. ВИТЯ ВСТУПАЕТ В ПЕРИОД МЕДЛЕННОГО РАЗВИТИЯ. Я ДАЮ ЕМУ СОВЕТ, ПОСЛЕ КОТОРОГО ОН, САМ ТОГО НЕ ЗАМЕЧАЯ, НАЧИНАЕТ БЫСТРО ДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД

После волнующих переживаний матча Витя был полон ожидания новых сенсаций. Он был до некоторой степени изумлен, когда увидел, что все в мире продолжает спокойно идти своим чередом. Стенгазета выразила ему похвалу. На шахматной доске была изображена пешка, которая прорывается на восьмую горизонталь. К пешке была приделана вырезанная из фотографии Витина голова.

А затем жизнь вступила в свою нормальную колею. Он ходил в школу, занимался своими уроками. Темой разговоров были школьные дела, футбольные матчи на стадионе «Динамо», новые картины в кино. В шахматном кружке так же играли в шахматы, как и раньше. О его матче почти никогда не вспоминали.

Такое равнодушие огорчало Витю, хотя он об этом никогда не говорил. Молодые люди часто считают, что их действия и поступки должны находиться в центре внимания и получать всеобщее признание. С детства их окружают в семье любовью и вниманием; их хвалят или бранят, ласкают или наказывают, но никогда не относятся к ним равнодушно. Поэтому они кажутся сами себе значительными и важными. И когда мир неожиданно не выказывает к ним никакого интереса, они недоумевают и обижаются. Нет никакого смысла пытаться охранить юношу от этого испытания, оно совершенно неизбежно.

Кое-что в жизни Вити, однако, изменилось, а именно — оценка его личности со стороны окружающих. В шахматном кружке, когда заходил спор о ценности какого-нибудь хода, случалось, что обращались к нему, спрашивая его мнение. Дома теперь от него ожидали большего, чем раньше. Сестра Сони уже больше не относилась к нему с насмешкой, как в период подготовки к матчу, а, наоборот, выказывала ему даже некоторые знаки внимания. Но он совершенно не замечал всего этого.

В шахматном кружке он выигрывал почти все партии, за исключением тех, которые играл быстро и небрежно. С Федей он долгое время не встречался за доской. Затем они как-то сыграли партию, и Витя выиграл легко — так

легко, что совершенно не мог понять, как это ему пришлось с таким напряжением бороться во время матча. Партии с Федей его больше не интересовали. В конце концов он перестал играть с членами кружка, кроме Феди, на равных и всегда давал им что-нибудь вперед: сильнейшим — пешку и ход, другим — коня, или ладью, или даже ферзя. Однако тот, кто с самого начала предоставляет противнику такое большое преимущество, может добиться успеха уже не благодаря силе, а лишь благодаря хитрости, и в результате Виктор начал усваивать своеобразный стиль игры, построенный на «ловушках».

Хитрость — хорошее оружие для тех, кто находится в невыгодном положении. Хитрец, ставящий «ловушку», рассчитывает, что противник не найдет правильного ответа. Если же он находит ответ, то получается, как в пословице: «Кто роет яму другому, сам в нее попадает».

Хитрость основывается, таким образом, на остром наблюдении привычек и оценке индивидуальных способностей противника. Привычки, как правило, меняются лишь в малой степени и очень медленно. Отсюда и проистекает успех игрока, дающего вперед, но, конечно, при условии, что он хорошо улавливает привычки противника и точно оценивает его способности. При этом, разумеется, у хитрости имеются свои границы, которые диктуются как правилами игры, так и ее этикой. Так, например, не полагается отвлекать внимание противника мотивами, не имеющими ничего общего с шахматной игрой. А с точки зрения простой целесообразности, нельзя рассчитывать на слишком грубые ошибки, которые лежат вне привычек противника и которых он может легко избежать.

Однако, если хитрость и хорошее оружие для того, кто вынужден бороться против значительного превосходства, это все же плохая привычка. Кто стремится к большим достижениям, тот должен научиться, в конечном счете, побеждать благодаря силе игры. Сила преодолевает сопротивление даже в том случае, когда противником предприняты хорошие защитительные меры. Она ни в какой степени не стремится основываться на благоприятном случае или ошибке противника. Правда, бывает трудно найти сильный ход или исполненный силы план, если ни у кого из партнеров нет преимущества. Но преодолевать эту трудность — высокая задача! Кто подменяет ее хитростью, может даже и

выиграть партию, но сила его игры от этого не увеличится. А у кого хитрость превращается в привычку, тот никогда не приобретает правильного представления о здоровом и сильном.

Витя поэтому не был на хорошем пути, но он этого не знал, и я не сказал ему ничего. Молодой человек должен сперва пережить неприятное потрясение на собственном опыте, прежде чем будет в состоянии осознать плохую привычку как таковую. Если попытаться убедить его раньше времени путем разумных доводов, он, может быть, и выслушает их, но подумает: «К чему этот шум, у меня все идет очень хорошо!»

Неприятное переживание не заставило себя долго ждать. В Москву приехал иностранный гроссмейстер, и для него был организован сеанс одновременной игры на десяти досках с часами. Контроль времени был двадцать ходов в час. В то время как каждый из играющих должен был сделать двадцать ходов, мастер, игравший десять партий одновременно, должен был сделать двести ходов. Многие сильные шахматисты добивались возможности сыграть против гроссмейстера, и для Вити было триумфом — хотя одновременно и уступкой, если учесть его молодость,— когда его внесли в список десяти. Он представлял себе, что даст хорошее сражение, и втайне надеялся поставить мастера перед такими трудными положениями, что тот, при ограниченном времени на обдумывание, не сумеет в них разобраться.

Однако гроссмейстер выиграл у Вити несколькими сильными ходами.

Витя пришел ко мне на следующий день. Он словно упал с облаков на землю. Я знал уже о результате его партии с гроссмейстером из газетной заметки.

Витя показал мне партию и спросил:

— В чем моя ошибка?

Оказывается, он строил свои расчеты на том, что гроссмейстер побоится допустить создание у себя изолированной сдвоенной пешки на королевском фланге, к тому же после рокировки. Это настолько ослабило бы позицию короля, что защищаться на этом фланге было бы очень трудно.

— Все ясно,— сказал я.— Гроссмейстер спокойно позволил тебе провести твою угрозу, потому что после этого повел на тебя наступление он, а не ты на него. Фланг хотя и не был способен защищаться, но тебе ведь пришлось скон-

центрировать все силы для защиты собственного короля, и ты не мог даже и подумать о том, чтобы самому перейти в атаку.

— Выходит, что я должен был совсем по-другому построить свою партию?

— Вовсе нет. Ты должен был лишь отказаться от своей угрозы. Она могла произвести впечатление на более слабого игрока и побудить его к защите, но мастер разглядел, что это одна лишь видимость и чистейшая авантюра.

Витя задумался. Я предложил ему поехать в парк немного погулять. Он охотно согласился; поезд метро быстро доставил нас к цели. Побродив некоторое время по лесу, мы расположились на небольшом пригорке, покрытом мхом и опавшими хвойными иглами.

Витя рассказал мне, к чему он стремится. Он скоро кончает школу и тогда будет изучать биологию. Он хочет помочь превратить Советскую страну в большой цветущий сад. Он будет выращивать новые разновидности растений, полезные для человека.

— Кроме того,— сказал он,— я хочу также стать шахматным мастером.

— Я почти в таком же положении, как ты. Я интересуюсь некоторыми математическими проблемами и, как ты, стремлюсь стать мастером в шахматах.

Оба мы рассмеялись.

— Но вы ведь мастер уже более сорока лет.

— Это так,— ответил я,— но звание еще не дает мастерства. Совершенный мастер еще только должен родиться.

— Значит, всегда еще остается возможность для дальнейшего совершенствования?

— Во всяком случае, на долгий ряд лет.

— Ну, так далеко не идут мои стремления,— сказал Витя.

— Здесь нельзя установить никакой границы. Настоящий художник никогда не бывает вполне доволен своим произведением.

Затем мы поговорили о том, какими путями следует идти к намеченной цели.

— Твоя наука, биология, говорит об естественном отборе, господствующем в животном мире. В человеческом обществе действуют иные силы, но несомненно, что только

труд, борьба, соревнование позволяют сохранить свежесть и развивают способности. Проверь свое мастерство на задачах, которые ты поставишь перед собой.

— Но какие это должны быть задачи?

— Такие, которые окажутся для тебя наиболее полезными, когда придется бороться с равным по силе противником.

Он хотел получить более подробные указания, но я сказал:

— Попробуй сам наметить для себя наиболее нужные упражнения и анализы. Никто другой не может так помочь тебе в этом деле, как ты сам.

Но все же я разрешил ему обращаться ко мне, если он встретит какие-либо затруднения при выборе заданий для самостоятельной работы.

Витя записал мой совет дословно в свою записную книжку и начал ему следовать. В шутку он прозвал его «биологическим» методом. Но ни разу больше не обращался ко мне за советом. Приблизительно через год Витя сказал мне, что систематически работает по предложенному мною методу, но чувствует, что делает лишь самые незначительные успехи.

— Это как раз обычное явление,— сказал я,— спокойно продолжай, ты своего добьешься.

Глава XI. ВИКТОР СТАНОВИТСЯ ШАХМАТИСТОМ ПЕРВОГО РАЗРЯДА, А ЗАТЕМ ЗАВОЕВЫВАЕТ ЗВАНИЕ МАСТЕРА. ОН КОНЧАЕТ УНИВЕРСИТЕТ И ПОЛУЧАЕТ НАУЧНУЮ КОМАНДИРОВКУ ЗА ГРАНИЦУ

Как известно, шахматисты Советского Союза подразделяются на разряды. Во главе стоят мастера, затем следуют кандидаты в мастера, первый разряд, второй разряд и т. д.

Приблизительно через год после нашей загородной прогулки Виктор, уже студент университета, принял участие в квалификационном турнире, в котором завоевал одно из первых мест и получил звание шахматиста первого разряда. Он сам был поражен своим успехом.

Какой-то мастер, наблюдавший его игру, предсказал ему успех.

— Я считал это шуткой,— сказал Виктор.

— А я нет,— заявил Федя. Он был теперь горячим поклонником Виктора.

Соня также прониклась уважением к Виктору.

Как-то в его отсутствие она рассказала мне:

— Недавно мне попалась на глаза шахматная вырезка из одной иностранной газеты. Там была приведена позиция, в которой какой-то мастер провел трудную комбинацию. Я показала диаграмму Вите и спросила, какой здесь, по его мнению, лучший ход. Витя рассматривал диаграмму минут десять, а затем показал путь к выигрышу во всех вариантах. Он очень одаренный шахматист.

Лишь Петя оставался критически настроенным:

— Виктор чрезвычайно силен в комбинациях, но я не знаю, владеет ли он в такой же степени искусством спокойных, далеко рассчитанных ходов.

— Я хотел бы, чтобы он еще изучал дебюты, а середину игры и эндшпиль он проводит образцово,— сказал Федя.

— Вы оба правы, но в один прекрасный день, когда это ему понадобится, он восполнит и эти пробелы,—успокоил я их сомнения.

Виктор стал членом клуба, куда принимались только мастера и шахматисты первого разряда. В свои девятнадцать лет он был там одним из самых молодых. Но в клубе вообще было много молодежи.

В наше время молодежь своей свежестью, стремлением к знаниям, работоспособностью, смелостью и верой в собственные силы завоевывает в шахматах ведущее положение. Даже в международных турнирах, которые собирают самых сильных мастеров, участвуют молодые люди двадцати, двадцати одного года. Тридцатилетние мастера считаются уже старыми. Раньше средний возраст мастера, пользовавшегося международным признанием, был около сорока лет, теперь — около тридцати лет, и молодежь самым серьезным образом начинает претендовать уже и на звание чемпиона мира.

Окруженный в клубе молодыми мастерами, Виктор был всецело охвачен их бодростью и стремлением идти вперед. Хотя он почти все свое время посвящал университетским занятиям, у него все же оставались свободные часы, и тогда он играл в клубе со всяким, кто хотел «сразиться». Мастера редко выражали такое желание,— для них было

мало чести выиграть у молодого шахматиста первого разряда, но они с интересом наблюдали за его игрой, полной разнообразных и свежих идей.

Виктор был мало знаком с шахматной литературой. Возможно, виной этому был метод, который я ему порекомендовал. До сих пор у него не было настоятельной нужды обращаться к книгам, но этот момент все же наступил — слишком уж часто попадал он в плохое положение из-за того, что у его противников было больше теоретических знаний, чем у него. Ставя перед собой задачу — обязательно найти и исследовать ошибку, которая обусловила проигрыш, Виктор, естественно, работал над теорией дебютов. Но и обращаясь к учебникам, он не нуждался в таком обилии вариантов, каким был всегда перегружен Федя. Виктор все-таки знал дебюты, он изучил их на практике, но знал их не наизусть, а применял интуитивно. Объем его знаний был еще невелик, но постоянно увеличивался. Если бы у него тогда спросили, что он знает об испанской или французской партии, или о дебюте ферзевой пешки, он, вероятно, смутился бы и лишь с трудом мог бы показать некоторые, немногочисленные варианты. Однако он знал гораздо больше, чем мог бы показать, и при этом у него были свои, оригинальные продолжения. Федя мог продемонстрировать гораздо больше вариантов, чем Виктор, но он просто знал их наизусть, не всегда понимая их настоящий смысл.

Чрезвычайно полезным для Виктора было в клубе то, что там он встречался с противниками, придерживавшимися в основном того же метода изучения, что и он. Все они учились на практике живой борьбы и относились пренебрежительно к различным бесплодным измышлениям, которые довольно часто превозносились как «теория». У всех было мужество идти неизведанными путями, чтобы ознакомиться с ними. Поэтому характерным для них был высокий уровень силы игры, который приводил в изумление иностранных мастеров, посещавших иногда клуб. У Виктора было еще то преимущество перед товарищами, что он сознательно, без окольных путей и с самого начала своего шахматного развития, стал применять этот метод изучения, превратившийся у него в итоге в легкую и приятную привычку.

Я поэтому ничуть не удивился, когда узнал, что Виктор добивается, чтобы его допустили к участию в турнире на

первенство города. Он был допущен, потому что шахматная секция хотела предоставить возможность молодому, стремящемуся вперед шахматисту встретиться с признанными мастерами.

— Итак, ты хочешь стать чемпионом города? — спросил я.

— Не в этом дело,— ответил он.— Я радуюсь возможности играть с мастерами. Это будет для меня хорошим упражнением.

Он был совершенно искренен. О своих настоящих возможностях он не имел никакого представления и, несомненно, слишком скромно оценивал свои силы.

В результате длительной борьбы Виктор занял в турнире первое место.

— Я не понимаю,— сказал он,— многие мастера допустили в игре со мной очевидные ошибки.

Он показал мне не понравившиеся ему ходы. Это действительно были ошибки, но совсем не такие очевидные, как ему казалось.

За выдающийся результат в турнире Виктору было предоставлено право играть в турнире мастеров. Это событие хотелось как-нибудь отметить, и я пригласил Виктора и несколько человек из числа его друзей к себе. Случайно в тот вечер меня пришел навестить мой старый друг, мистер Блок, которого я знал еще, живя в молодые годы в Лондоне; теперь ему было восемьдесят лет. Он привел с собой своего хорошего знакомого, некоего Сардэ́на. Оба они приехали в Москву с группой туристов. Я представил молодым людям своих новых гостей.

— Мистер Блок видел в Лондоне многое из того, что нас интересует,— сказал я.— Он знал еще Цу́керто́рта и Сте́йница.

— Да,— подтвердил тот,— и Блэ́кбе́рна, и Берна, а также Мэ́сона, Гу́нсбе́рга и Берда.

— Это все мастера,— пояснил я,— которые сорок, пятьдесят или шестьдесят лет назад были сильнейшими игроками своего времени.

— О, я знаю эти имена,— сказал Федя.

— Я высоко ценю Стейница,— заметил Виктор.

— Вас я тоже знаю, молодой человек,— сказал Блок,— но всего лишь с неделю. Я наблюдал за вашей игрой в турнире, и она произвела на меня большое впечатление.

— Благодарю вас.

Он сердечно пожал Виктору руку и добавил:

— Вы мастер, за это я ручаюсь.

Виктор покраснел.

— Да, да,— продолжал Блок оживленно.— Хотя вы можете дать мне ферзя вперед, но, что такое мастер, я понимаю; не правда ли? — Заключительную часть этой фразы Блок адресовал мне.

— Да, вы знаток людей.

Блок рассказал нам о своих и Сардэна туристских впечатлениях.

— Москва необыкновенна. Ее совсем нельзя узнать. Я, правда, знал Москву пятьдесят лет назад, но многие говорят, что они были здесь всего год назад и не узнали Москвы.

Каждый охотно слушает, когда хвалят его город.

Соня заговорила о Третьяковской галерее.

— Вы интересуетесь живописью? — спросил Блок, обращаясь к Соне, и, не дожидаясь ответа, добавил: — Мсье Сардэн — художник.

Сардэн приехал из Парижа. Он говорил мало, преимущественно о шахматах. Вместе с Блоком он присутствовал при партии Виктора и сделал ему комплимент.

— Если вы будете в Париже,— обратился Блок к Виктору,— посмотрите его студию. Там висят картины старых мастеров — Рембрандта и других.

— Охотно,— сказал Виктор,— но я совершенно не помышляю о том, чтобы путешествовать.

— А я думаю, вы скоро поедете, молодой человек.

Виктор отрицательно покачал головой.

— Такой выдающийся шахматист, как вы,— сказал Сардэн,—наверное будет приглашен к нам, и я надеюсь, конечно, что в этом случае вы посмотрите мои старые картины.

Время подходило к полуночи. Мы распрощались.

В конечном счете мои гости оказались хорошими пророками. Прошло, правда, еще немало времени, но в жизни Виктора произошли важные события. Он получил звание мастера, а затем, окончив с отличием университет, получил научную командировку за границу.

Глава XII. ВИКТОР В ПАРИЖЕ. УДИВИТЕЛЬНОЕ ЗНАКОМСТВО

По прибытии в Париж Виктор поехал в Советское посольство, чтобы представиться и попросить совета относительно организации своей научной работы. Он поинтересовался также тем, где можно увидеть сильнейших шахматистов города. Ему назвали Кафе де ля Режанс — издавна знаменитое шахматное кафе.

Вскоре Виктор пошел в это кафе. Он ожидал увидеть там сотни людей, играющих в шахматы, и был очень удивлен, что посетители ведут себя, как обычно принято в ресторане. Ничто не говорило о шахматах, пока он наконец не заметил в этом обширном помещении небольшое отделение, где столы были уставлены шахматными досками. Нерешительно подошел он поближе, но никто не обратил на него внимания. Он сел, держа в руках шляпу. К нему подошел какой-то человек и осведомился о его желании.

— Я хочу посмотреть, как играют в шахматы,— сказал Виктор.

— Хорошо,— ответил тот и ушел.

Не происходило ничего особенного. За одним из столов какой-то человек играл в шахматы и тихонько напевал при этом какую-то песенку, вернее — обрывки песенки. Виктор начал следить за игрой и был удивлен. Он никогда не видел, чтобы так играли в шахматы. Похоже было, что поющий человек в одно и то же время и мастер и новичок. За тремя хорошими ходами последовал четвертый, который уничтожил все, что было достигнуто тремя предыдущими ходами.

Шахматист сделал беглое замечание о своей ошибке и стал напевать отрывок из какой-то арии.

Виктор был в нерешительности. «Должен ли я спросить, кто секретарь этого клуба? И клуб ли это вообще?» — думал он. Он оглянулся кругом, но увидел лишь людей, игравших в шахматы или наблюдавших за игрой, а также того вечно спешившего человека, который разносил напитки и еду.

«Не попросить ли официанта представить меня комунибудь из шахматистов? Все остальное сделается само собой»,— подумал он.

Но в этот момент к нему подошел какой-то человек и заговорил с ним.

— Извините меня, пожалуйста, вы приехали из Москвы?

— Да,— ответил Виктор, улыбнувшись,— но откуда вы это знаете?

— Ведь вы мсье Иванов?

— Да, Иванов.

— Мсье Сардэн сказал мне, что вы придете сюда.

— Но откуда он знает...

— Он прочел о вашей поездке в одной из московских газет. Я надеюсь, вы чувствуете себя здесь хорошо. Я владелец этого кафе.— Он назвал свое имя.

В следующую же минуту кто-то подошел к Виктору, пожал руку, пробормотал имя («Лато»,— услышал Виктор) и заговорил с ним по-русски, хотя и с сильным иностранным акцентом, сказав, что видел его прекрасные партии в газете «64». Затем он вторично пожал Виктору руку, заявил, что должен представить его своему другу, и почти потащил его к поющему человеку. Здесь он сказал «Иванов»; тот приветливо улыбнулся, назвал себя и пододвинул Виктору стул. Не успел Виктор опомниться, как увидел себя сидящим за шахматной доской. Его партнер сделал ход 1. e2—e4. Вокруг столика быстро собралась группа зрителей. Виктор ответил 1. . .c7—c5.

Новый знакомый Виктора, говоривший по-русски, взял у него шляпу, которую тот все еще продолжал держать в руках, и пристроил ее на ширмочке, отделявшей отведенное шахматистам помещение от общего зала.

Итак, началась партия. Противник Виктора сыграл 2. b2—b4, он ответил 2. . . c5 : b4, а дальше последовало: 3. a2—a3 Кg8—f6 4. e4—e5 Кf6—d5 5. Cf1—c4 Кd5—b6 6. Cc4—b3 e7—e6 7. d2—d4 d7—d6 8. Кg1—f3 Кb8—c6 9. Фd1—e2 d6 : e5 10. d4 : e5 Кc6—d4.

Здесь его противник начал задумываться и, по своему обыкновению, тихо напевать. Один из зрителей сделал громкое замечание, адресованное противнику Виктора; тот ответил арией, снова погрузился в размышления и, сыграв 11. Кf3 : d4 Фd8 : d4 12. Лa1—a2, откинулся с довольным видом на стуле. Виктор подумал немного и сыграл 12. . . Cc8—d7. Затем игра продолжалась так: 13. Cc1—b2 Фd4—c5 14. a3 : b4 Фc5 : b4+ 15. Cb2—c3 Фb4—b5 16. Лa2—a5 Фb5 : e2+ 17. Крe1 : e2 Cd7—c6.

В этом положении белые сдались: их попытка получить атаку не удалась, а у черных осталась для эндшпиля сильная проходная пешка «а».

Один из зрителей спросил Виктора, правилен ли гамбит, предложенный белыми. Виктор сказал, что это трудный вопрос; он лично не считает его правильным.

Кто-то из зрителей схватил слона c3 и поставил его на d4, другой ответил Cf8—b4, на что первый сыграл Cd4 : b6. Последовала быстрая и оживленная дискуссия...

Виктор поставил слона b4 на f8, снятого с доски коня — снова на b6, а слона b6 — на d4, затем он сыграл Kb6—d7. Кто-то из зрителей сделал ход Cb3—a4. После Cc6 : a4 Лa5 : a4 Cf8—c5 и новой оживленной дискуссии фигуры были расставлены на доске в первоначальной позиции.

Смущение Виктора начало исчезать. Он чувствовал, что это были люди, которые просто хотели поиграть, чтобы немного развлечься. Честолюбие было им явно чуждо. Они не принимали игру всерьез, они уклонялись от серьезности. Тем не менее они были очень расположены к мастеру, словно их радовало, что здесь есть человек, который понимает в шахматах гораздо больше, чем они.

Виктор сыграл еще одну партию; затем он пообедал вместе с Лато, заговорившим с ним по-русски.

После обеда Виктор сыграл еще несколько партий и собрался было уходить, как вдруг его пронизала неприятная мысль, что он забыл захватить с собой записку с адресом того дома, где снял комнату[1].

— Это ничего не значит,— сказал Лато.— Вы можете сегодня переночевать у меня, а завтра утром вспомните адрес. Подождите, пожалуйста, еще немного, я только сыграю несколько партий.

Виктор чрезвычайно досадовал на самого себя за свою неожиданную забывчивость, но никакого выхода из положения не мог придумать. Он стал наблюдать игру своего знакомого. Она была довольно содержательна, но Лато часто ставил ловушки. Он, должно быть, знал из опыта, на какую степень риска он может безнаказанно отваживаться при игре с встречающимися в кафе противниками, и до-

[1] Ласкер описывает в дальнейшем свое собственное приключение при посещении им Парижа в 1890 году. Он придумывает неправдоподобную для Виктора ситуацию, чтобы осветить некоторые моменты шахматного профессионализма на Западе.

вольно быстро выиграл ряд партий. Затем он получил некоторую сумму денег от своего противника, позвал официанта, заплатил по счету и сказал Виктору, что готов идти домой и просит его пойти с ним.

Виктору ничего не оставалось, как поблагодарить Лато за любезность.

Комната Лато находилась в одном из парижских предместий и была довольно скудно меблирована. Но все же, кроме кровати, была и кушетка, так что вопрос о ночлеге разрешался достаточно удобно.

Прежде чем лечь спать, они еще поболтали некоторое время. Хозяин дома рассказал Виктору кое-что из своей жизни.

— Как вы думаете, сколько мне лет?

— Полагаю, около сорока.

— Но мне только тридцать четыре. Я знаю русский язык еще с детства, так как я родом из Литвы. Теперь я живу в Париже. Средства к существованию мне дает игра в шахматы.

— Вы преподаете шахматную игру или пишете о шахматах?

Собеседник Виктора рассмеялся и затем сказал:

— Вы, по-видимому, не знаете здешней обстановки. Нет, я живу «а ля Та́убенга́уз». Но вы, вероятно, и этого не понимаете. Таубенгауз много лет жил здесь, в Париже, игрой в шахматы. Он играл на ставку — обычно по франку за партию, а когда встречался с сильными противниками — и на более высокие ставки. Бывали дни, когда он выигрывал много денег, в особенности пока был молод, но когда он начал стареть, появились другие, которые больше забавляли шахматистов в кафе или попросту обыгрывали его. Частенько ему приходилось напрасно просиживать в кафе долгие часы в ожидании партнера, который пожелал бы поставить против него франк. Таубенгауз был настоящим мастером и имел в свое время некоторые успехи. Во всяком случае, он оставил после себя несколько красивых партий. Он не был женат, никогда не имел уютного угла и умер в страшной нищете.

Подобного рода жизнь была чужда Виктору. Он молчал.

— Ну, мы завтра еще поговорим об этом,— добавил Лато,— а теперь давайте спать.

Через несколько минут он уже спал глубоким сном.

Когда Виктор проснулся, его хозяин был уже на ногах.

— Спите,— сказал он Виктору,— еще рано.

Но Виктор вскочил с постели. Он чувствовал себя свежим и бодрым. Одеваясь, он просмотрел заглавия нескольких истрепанных книг, которые лежали в беспорядке на столе. Это были романы, а одна книга была посвящена доисторическому прошлому человечества.

— Это моя любимая книга,— сказал Лато,— я, вероятно, уже сто раз читал ее; в ней рассказывается история возникновения и отмирания видов и цивилизаций. Что меня здесь поражает — это необычайная медленность прогресса.

— Так же, как и в шахматах,— сказал Виктор, улыбнувшись.— Но я не вижу у вас ни одной шахматной книги.

— Их у меня и нет, как нет шахматной доски и фигур. В шахматы я играю только в кафе.

Виктор не мог этого понять. У него укоренилась привычка работать каждый день над шахматами, каждый день ставить себе какую-нибудь задачу, чтобы поддерживать свежесть аналитических способностей и по возможности расширять свои знания. Ему стало жаль своего гостеприимного хозяина, посвятившего, по-видимому, всю жизнь занятию, которого он не любил и в котором не двигался вперед.

Была ясная погода, и они решили пойти на поиски квартиры Виктора пешком. Виктор вспомнил, что она находилась вблизи Эйфелевой башни; в ту сторону они и направились. По дороге они купили карту Парижа. Виктор вспомнил, что в названии улицы, которую они искали, были буквы «а» и «i». Этого указания, в соединении с картой, было достаточно, чтобы решить задачу. В хорошем настроении они пошли вперед и быстро достигли цели[1].

— Вы, вероятно, вчера не расслышали моего имени. Меня зовут Лато. Мой отец был врачом в маленьком городке в Литве. Он погиб на войне[2]. Мне тогда было двенадцать лет. Мы переехали в Ковно, где я стал посещать школу.

---

[1] В действительном происшествии с Ласкером были еще кое-какие забавные подробности. Адрес в Париже порекомендовал ему один лондонский знакомый. Ласкер поэтому запросил его телеграммой: «Где я живу?» — но... не указал ответного адреса. Недоумевающему лондонцу ничего не оставалось, как послать ответную телеграмму по первоначально рекомендованному им адресу, и Ласкер получил ее, когда в ней уже не было надобности.

[2] Имеется в виду война 1914—1918 годов. Упоминающийся далее город Ковно теперь называется Каунас.

Здесь я научился играть в шахматы. Скоро я стал побивать своих одноклассников. Ходил несколько раз в шахматный клуб и там тоже выигрывал все партии. Членам клуба это мало понравилось. Мне было указано, что я имею право посетить клуб только три раза, так как не состою его членом; уплатить же членский взнос я не был в состоянии. Так, людское чванство и деньги стали тормозом на моем пути. Позднее я начал посещать университет, намереваясь, подобно отцу, стать врачом. Но настали тяжелые времена, и учебу пришлось прекратить. Играя в шахматы в кафе, я приобрел немного денег и много славы. Я считался одаренным шахматистом, и некоторые мои комбинации — надо сознаться, не особенно глубокие — были опубликованы в шахматном отделе местной газеты с весьма хвалебными примечаниями. Вот у меня сохранилась до сих пор вырезка, где моя игра описывается так, словно она представляла собой нечто необычайное[1].

Виктор прочел следующую партию с примечаниями: «Белые — А. Лато, черные — Ф. Вурм. 1. e2—e4 e7—e5 2. d2—d4 e5 : d4 3. c2—c3 d4 : c3 4. Kb1 : c3 Kg8—f6 5. Cf1—c4 Cf8—c5 6. Kg1—f3 d7—d6 7. 0—0 0—0 8. Kf3—g5 h7—h6 (Этот ход дал гениальному молодому мастеру возможность комбинации с жертвой фигуры.) 9. Kg5 : f7 Лf8 : f7 10. e4—e5 Kf6—g4 11. e5—e6 Фd8—h4 (Если вместо этого 11. . .Лf7—e7, то 12. Фd1 : g4 с преимуществом у белых.) 12. e6 : f7+ Kpg8—f8 13. Cc1—f4 Kg4 : f2 14. Фd1—e2 Kf2—g4+ 15. Kpg1—h1 Cc8—d7 16. Лa1—e1 Kb8—c6 (Теперь следует блестящий, задачный финал.) 17. Фe2—e8+ Лa8 : e8 18. f7 : e8Ф+ Cd7 : e8 19. Cf4 : d6×.»

— Ну, а теперь судите сами,— продолжал Лато,— могло ли это не вскружить голову юноше, каким я тогда был? За эту посредственную партию и самую обыкновенную комбинацию, которая содержит только один вариант и состоит всего лишь из трех ходов, я был прославлен так, как будто появился новый Мо́рфи. Времена были тяжелые, и жилось мне плохо. Мне сказали, что в Париже гениаль-

[1] Ласкер, желая привести типичную «короткую партию» (где один из партнеров предпринимает легковесную атаку, а другой облегчает его задачу ошибочной защитой), взял пример из учебника, в котором фамилии играющих не были указаны. Любопытно, однако, что это одна из ранних партий молодого Хару́зека (1893 год), талант которого проявился в международных турнирах уже через несколько лет и к которому Ласкер относился с большим уважением.

ный шахматист может вести безбедное существование. Таким образом я и очутился здесь.

— Как же вам удалось добраться сюда из Литвы?

— Я ездил из города в город. В каждом городе я давал сеансы одновременной игры или играл несколько дней в кафе. Молодой шахматист, который не очень прихотлив и еще возбуждает острое любопытство публики, может найти в любом большом городе пристанище и деньги на дорогу.

Виктору незачем было спрашивать, как ему живется в настоящее время. Ненадежное существование, беспорядочное, лишенное всякой перспективы...

Лато спросил, имеются ли в Советском Союзе шахматисты-профессионалы.

Виктор объяснил ему положение вещей. В шахматных секциях и клубах ведется большая и нужная организационная работа для громадного количества людей, интересующихся шахматами. Мастера и шахматисты первого разряда дают сеансы одновременной игры, ведут преподавание шахмат, читают доклады и лекции, но это не является их основной работой. Профессиональных же игроков, вроде Таубенгауза, вовсе не существует. Такое занятие нельзя считать работой.

Виктор должен был еще многое объяснять, так как Лато сначала не все понял.

— Я доставляю людям развлечение,— сказал он наконец,— но я стремлюсь к другой деятельности, более организованной, чем моя. Как охотно я читал бы лекции, доклады, но ведь здесь это невозможно...

Глава XIII. ВИКТОР ПОСЕЩАЕТ НЕКОТОРЫЕ ШАХМАТНЫЕ КЛУБЫ. ОН ПОРАЖЕН НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬЮ ИНТЕРЕСА К ИГРЕ МАСТЕРОВ

Дня через два Лато позвонил Виктору по телефону и спросил, не придет ли он часов в шесть в Кафе де ля Режанс.

Виктор обещал.

Придя в кафе в условленное время, Виктор увидел там за шахматной доской Лато и Сардэна.

— Я как раз играю партию с моим учителем,— сказал Сардэн.— Рад случаю снова увидеться с вами.

Партия Сардэна и Лато закончилась очень быстро — Сардэн подставил ферзя и сдался. Они втроем еще поболтали немного, а затем Сардэн предложил посетить некоторые шахматные клубы Парижа. Виктору это было очень интересно. Лато также не возражал.

— Если вы ничего не имеете против,— сказал он,— я буду ждать вас в клубе «Ле Пион». Мне нужно переговорить там с одним знакомым, а вы могли бы сперва пойти в другое место.

— Отлично,— сказал Сардэн,— мы отправимся сначала в «Серкль».

По желанию Виктора они пошли пешком.

Сардэн по дороге рассказывал, что представляет собой «Серкль».

— Я состою членом этого клуба,— сказал он.— Довольно дорогое удовольствие... Но не исключено, что кто-нибудь там закажет мне портрет или купит у меня картину.

— Если ваша работа достаточно хороша,— заметил Виктор,— то вам ведь незачем об этом беспокоиться.

Сардэн рассмеялся.

— Вот здесь-то, как говорится, и зарыта собака. Допустим, что моя работа недостаточно хороша. Но ведь судить об этом трудно. Разве в шахматах дело обстоит не так?

— Да, по одной сыгранной партии никто не может определить, кто из мастеров лучший. Обычно ничего не остается, как выждать результатов ряда турниров и матчей.

— Еще хуже в этом отношении обстоит дело в живописи. Здесь нет регламентированных турниров. Выставки, конкурсы, критика — вот что заменяет турниры нам, художникам.

— Ну, на одних мнениях в шахматах далеко не уедешь,— сказал Виктор.— Зрители, наблюдающие за партией, обычно высказывают много различных мнений.

— Да, но мастер-то знает, какой ход наилучший.

— И среди мастеров встречаются разногласия. Утверждать всегда легко, чрезвычайно трудно бывает доказать!

— Какие вы, шахматисты, счастливцы, что вообще можете что-то доказать. Мы, бедные художники, всю свою жизнь не знаем, находимся ли мы на правильном пути. У нас, к сожалению, все начинается и кончается мнениями.

И если, например, покупатель придерживается иного мнения, то художник может умереть с голоду.

Виктор удивленно посмотрел на Сардэна. Тот рассмеялся.

— Я не гений,— сказал он,— и поэтому мне живется неплохо. — И переменив тон, уже серьезно добавил: — Рискует только гений, он слишком дерзает.

Виктор был поражен, как это гений — величайший мастер в своей области — может умереть с голоду. «Если он рискует, то ведь на благо культуре»,— думал он.

Сардэн думал: «Как наивен этот Виктор! Он, вероятно, понятия не имеет о жизненных перипетиях великих художников, музыкантов, поэтов; не может себе даже представить, что кого-то из них могли бросить на произвол судьбы...»

— А вот и «Серкль», вон то здание на бульваре,— сказал Сардэн.— Прежде чем мы войдем туда, я хочу предупредить вас, что секретарем и преподавателем клуба является Пти; он считается там высшим авторитетом в области шахмат.

В клубе было много великолепных комнат, ресторан, карточные залы и шахматная комната. В последней человек средних лет и четыре человека постарше сидели за шахматной доской. Человек средних лет разыгрывал партию из шахматного отдела журнала «Ле Монд», давая при этом пояснения.

Сардэн познакомил Виктора с присутствующими.

— Разрешите представить вам молодого мастера Иванова из Москвы.

Сидевшая компания пришла в движение.

Виктору пожали руку и сказали несколько приветственных слов.

— Мсье Серва́н,— сказал Сардэн Виктору,— весьма сильный игрок и прекрасный преподаватель. (Вите было незнакомо это имя, но из вежливости он кивнул головой.) Он сейчас комментирует в своей неподражаемой юмористической манере партию из «Ле Монд». Шахматный отдел в этом весьма распространенном журнале ведет наш старый уважаемый мастер Пти.

— Пожалуйста, мсье Серван, продолжайте,— попросил Виктор.

— Пожалуй, не стоит,— ответил Серван,— партия-то не очень интересна. Милейший мастер Н.,— он назвал имя одного международного мастера,— не без фантазии провел

дебют, а затем, к своему ужасу, убедился, что его противник тоже не лишен фантазии. Все это малоинтересно. Несравненно интереснее было бы для всех нас, если бы вы,— сказал он, обращаясь непосредственно к Виктору,— сыграли партию с мсье Лезáном.

Таким путем Серван рассчитывал убить сразу двух зайцев: присутствующие члены клуба должны были проникнуться к нему уважением, поскольку он по-товарищески на равной ноге и с таким знанием дела разговаривал с мастером, и, с другой стороны, он бесплатно создавал для одного из членов клуба сенсацию.

Виктор начал игру. Лезан, хотя и неплохо провел дебют, продолжал чересчур пассивно и в крайне стесненной позиции погиб от «удушения».

— Лезан получает от мастера Пти только коня вперед. Он играет недурно, не правда ли? — заметил Серван.

— Да,— ответил Виктор, он отлично защищается.

Затем пришел Пти.

— Я уже слышал о вас,— сказал он Виктору с улыбкой,— у вас большой талант.

Виктору это признание доставило удовольствие. Беседа продолжалась. Виктор произвел на Пти хорошее впечатление, и последний начал раздумывать уже, не посодействовать ли в чем-нибудь этому приятному молодому человеку.

Однако Виктор вскоре все основательно испортил. Ему пришло в голову показать Пти новый вариант, открытый московскими мастерами: 1. e2—e4 e7—e6 2. d2—d4 d7—d5 3. Kb1—c3 Kg8—f6 4. Cc1—g5 Cf8—e7 5. e4—e5 Kf6—d7 6. h2—h4 f7—f6 7. Cf1—d3 c7—c5. В одной из партий, игранных этим вариантом, было такое продолжение: 8. Фd1—h5+ Kpe8—f8 9. Kc3 : d5 f6 : g5 10. Лh1—h3 g5—g4 11. Kd5—f4 Kd7 : e5. Вообще в этом варианте был целый ряд интереснейших возможностей.

«Уважаемый мастер» Пти ровным счетом ничего не понял из того, что показывал Виктор, но он был слишком тщеславен и расчетлив, чтобы позволить учить себя. Он лицемерно сказал: «Знаю, знаю. Неплохая идея!» Тем не менее он почувствовал свое ничтожество и внутренне пришел в ярость.

Пти имел немалый доход от клуба, он давал там хорошо оплачиваемые уроки и получал рекомендации, которые обеспечивали ему возможность завязывать знакомства с

влиятельными людьми, например с издателем журнала «Ле Монд». А Серван рассчитывал на то, что, когда престарелый Пти уйдет, как говорится, в мир иной, он станет его преемником. Оба были заинтересованы в том, чтобы никто третий не мог стать их конкурентом, прочно утвердившись в клубе.

Члены клуба мало понимали в шахматах, несмотря на все лекции уважаемого руководителя Пти, и вне своего клуба не испытывали никакого интереса к шахматной игре. Их игру никак нельзя было назвать шахматной игрой. Она носила такой характер, как будто играющие заранее условились делать определенные ошибки без предоставления противнику права использовать их. Если их игра была отображением войны, то лишь такой, как ее обычно представляют в театре или оперетте.

Сардэн не вполне понимал положение вещей в «Серкль». Он находился под влиянием признанного авторитета Пти. Испытывая увлечение несомненным и ярким талантом Виктора и полагая, что Пти должен быть еще более заинтересован, он отвел последнего в сторону и сказал, что «Серкль» должен что-нибудь устроить по случаю приезда Виктора.

— Конечно,— сказал Пти,— мы обязаны поддержать талант. Что вы предлагаете?

— Матч с одним из наших крупных мастеров.

На совет был привлечен Серван.

— Это было бы интересно,— сказал он,— у него есть некоторый талант, который, правда, должен еще созреть. Но с кем?

Были, по его словам, препятствия. Гроссмейстеры слишком сильны для Виктора, а другими мастерами клуб не интересуется; для посредственного матча он не предоставит своего помещения. Вообще члены «Серкль» не любят, чтобы их беспокоили.

— В таком случае, хотя бы сеанс одновременной игры,— предложил Сардэн,— я охотно возьму на себя расходы.

— Нет, милый друг, Иванов слишком молод. Члены нашего клуба не сядут с ним за шахматную доску. Нужно придумать что-нибудь другое.

— Что же именно?

— В данный момент я ничего не могу придумать,— сказал Пти.

Сардэн не знал, что делать. Он взял Виктора под руку и откланялся.

Сардэн был раздражен. «На кой черт существует этот «Серкль»? Только для того, чтобы дать возможность ожиревшим старым рантье убивать время. Так пусть бы и назывался «клуб для убивания времени». Но ведь он был основан, чтобы содействовать развитию шахмат. Почему же он этого не делает? Такой клуб подобен пиратскому судну, которое плавает под фальшивым флагом». Однако он ничего не сказал Виктору, не желая портить ему настроение. Молча пошли они в клуб «Ле Пион».

Последний ютился в одной из комнат, примыкающих к ресторанному залу. Здесь находилось около двадцати человек, большинство из которых сидели за шахматами. Лато беседовал с человеком среднего возраста, членом правления клуба, фамилия которого была Секретэр. Последний заявил, что очень рад видеть Сардэна и весьма польщен знакомством с мастером Ивановым.

— Сегодня семнадцатый тур нашего зимнего турнира. Он всегда растягивается на значительные сроки. Это геркулесова работа — приучать шахматистов к порядку.

Подошел один из шахматистов и передал Секретэру запись своей только что оконченной партии.

Просматривая, все ли в этой записи в порядке, Секретэр сказал ему:

— Поздравляю, эта победа выдвигает вас на одно из первых мест.

Его собеседник пожал плечами и, бросив взгляд на турнирную таблицу, куда Секретэр вписывал ему единицу, ушел.

Секретэр обратился к Виктору и спросил, сколько шахматных клубов имеется в Москве. Виктор ответил, что организованных кружков и клубов насчитывается около шестисот, но вообще на этот вопрос трудно ответить, так как на каждом предприятии и в каждой школе имеются шахматные кружки.

— А наша мечта,— сказал Секретэр,— иметь собственную комнату; пока мы об этом не можем и думать, но мы экономим деньги и надеемся через несколько лет осуществить это.

В этом клубе явно не было места для мастера. В представлении Секретэра, шахматный мир был объектом, где

он мог проявлять свой талант в организации посредственных мероприятий.

После нескольких вежливых слов Сардэн, Лато и Виктор распрощались с Секретэром и ушли.

— Голодны? — спросил Сардэн на улице.

— Очень,— сказал Виктор.

А Лато добавил:

— Неописуемо.

Вскоре они сидели в небольшом уютном ресторане.

— Секретэру угодно заботиться о мастерах грядущего поколения,— сказал Лато,— и ему дела нет до мастеров нынешнего поколения. А что касается Пти и его лакея Сервана, им было бы приятнее всего, если бы всех мастеров посадили на строжайшую диету.

Виктор удивленно посмотрел на Лато:

— Пти и Серван мне показались очень любезными.

Сардэн расхохотался и похлопал Виктора по плечу.

— Я вам всегда говорил,— сказал он, обращаясь к Лато,— что знание людей портит настроение и поведение человека.

Положительно, Сардэн был и в этот день явно расположен говорить афоризмами.

Не стоит останавливаться подробнее на разговорах, которые еще вели наши собеседники. В конце концов они пришли в хорошее настроение, и, когда Сардэн и Лато провожали Виктора домой, ему вдруг пришло в голову, что оба они чрезвычайно дружески расположены к нему.

Глава XIV. ВИКТОР РАЗВИВАЕТ ПЕРЕД МОЛОДЕЖЬЮ НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ШАХМАТЫ

Научные занятия Виктора складывались очень хорошо. Он много работал и регулярно посещал университет, библиотеку и ботанический сад. Шахматными упражнениями в этот период для него являлись анализы весьма интересных этюдов одного шахматного композитора, с которым он познакомился в Кафе де ля Режанс. К своим друзьям, кроме Сардэна и Лато, он мог причислить еще нескольких студентов, членов университетского шахматного кружка, и нескольких членов рабочего шахматного клуба, в котором он часто бывал. Внешне это была однообразная жизнь, но

чрезвычайно продуктивная, скрашивавшаяся его интересом к работе и общением с друзьями, с которыми он проводил свой досуг. Много внимания Виктор уделял изучению французского языка, и в этом отношении встречи со знакомыми французами давали ему очень много. С Сардэном он иногда упражнялся в английском языке, которым немного владел; вообще же он старался разговаривать только по-французски и делал заметные успехи.

Однажды в беседе с Сардэном, в ответ на похвалу его запасу слов и чистоте произношения, он попытался объяснить, чему он обязан своими успехами.

— Все, что делает шахматный мастер, он стремится делать хорошо и обычно делает неплохо. Это лежит в характере его мышления. Он тренирован на том, чтобы добираться до сути вещей, и у него чрезвычайно развита способность улавливать наиболее существенное. К этому он приучается за шахматной доской, и это неизбежно сказывается также и в жизни.

— Разве это свойственно только шахматному мастеру? Почему вы думаете, что, например, художник не испытывает той же потребности? — спросил Сардэн.

— Художнику нужны еще краски и линии, и многое другое, у шахматного же мастера это чувство коренится в самом характере мышления,— защищал Виктор свое мнение.

В числе знакомых Виктора были две сестры, изучавшие медицину,— Анна и Мария Ларанж. Обе были членами студенческого шахматного кружка, и Анна, старшая из сестер, была довольно сильной шахматисткой. У нее был ясно выраженный атакующий стиль, в то время как у Марии, подобно большинству женщин, играющих в шахматы, можно было заметить много терпения и склонность к защите. Анна вообще была во всем очень активна и независима.

Молодежь в университетском шахматном кружке отличалась независимостью суждений. Они высмеивали шахматный отдел Пти в «Ле Монд», который для всех ходов имел лишь две оценки: ход считался либо «ле мье» (наилучшим), либо ошибочным. Они уничтожающе критиковали анализы Пти, но не заботились о том, чтобы довести свою критику до сведения редакции журнала. Шахматный отдел давал им богатый материал для критики; это их

развлекало, способствовало их шахматному развитию, и этого было для них достаточно.

Такие настроения были у студентов еще до приезда Виктора в Париж, но не выявлялись вполне отчетливо: авторитет Пти все же довлел над ними.

Однако авторитет Пти решительно заколебался, когда Виктор прочел в студенческом клубе несколько лекций об анализе в шахматах. Достаточно ему было взять отправной точкой Филидора, французского мастера конца восемнадцатого столетия, работа которого «Анализ шахматной игры» стала классической, и затем привести кое-что из своих собственных аналитических работ, как он увлек за собой молодые умы.

Его слушателям сразу стало ясно: то, что газеты преподносили им как анализы, было попросту фальсификацией. Словно их поили всю жизнь какой-то подкрашенной и надушенной жидкостью, а сейчас они отведали чистой, свежей воды. Они чувствовали себя неизмеримо обогащенными тем новым, что изложил перед ними Виктор, и его общим подходом к шахматам.

Студенты разослали много пригласительных билетов на лекции Виктора, но, кроме нескольких ближайших друзей и знакомых, пришли только члены рабочего шахматного клуба. Члены «Серкль» не проявили к лекциям никакого интереса, тем более что Серван представил все дело как «ребячество». Пти, конечно, тоже не пришел. Члены других клубов были заняты своими турнирами, а кроме того, полагали, что на лекциях будут преподнесены старые, давно набившие оскомину истины. Таким образом вышло, что, кроме студентов, лишь члены рабочего шахматного клуба серьезно подошли к делу и дали себе труд вникнуть в интересное изложение Виктора.

Сардэн с удовольствием наблюдал то шахматное оживление, которое создавалось вокруг Виктора, и попытался обратить на это внимание одного из членов правления французской шахматной федерации.

— Нельзя ли все-таки использовать пребывание Иванова в Париже для какого-нибудь крупного мероприятия? — сказал он ему.— Даже доклад его имеет значение. А что, если устроить большой турнир и пригласить на него, кроме наших мастеров и Иванова, еще нескольких иностранных мастеров?

Но у того нашлись возражения.

— Наши мастера слишком слабы,— сказал он.— Неужели вы хотите, чтобы в результате турнира этот факт был резко подчеркнут перед всей нашей общественностью?

— Да, хочу,— ответил Сардэн после некоторого раздумья,— притом, заметьте, из патриотических побуждений. Со времен Филидора и Лябурдоннэ во Франции больше не было крупных шахматистов. Прогресс, как сказал еще в древности Гераклит, достигается путем борьбы, и только таким путем! Спорт немыслим без соревнований.

— В принципе вы, конечно, правы. Я не собираюсь оспаривать Гераклита. Дело не в этом, а в том, что наша пресса и наши соотечественники не интересуются шахматами.

— Ничего удивительного, так как ни пресса, ни публика не знают, что такое шахматы. Вы должны поддерживать мастеров и популяризировать в массах значение их творчества.

— Но мы ведь поддерживаем мастеров.

— Ничего вы для них не делаете, и дарование их используете минимально. Ваше отношение к мастерам выглядит так, как будто вы в первую очередь хотите подавить их запросы и саботировать ценности, которые они могли бы создать.

— Ничего не выйдет,— сказал член правления.— Мы не пробудим широкого интереса к шахматам.

При спорах собеседники обыкновенно остаются внешне при своем мнении, внутренне же они испытывают какую-то перемену в своих взглядах. По прошествии некоторого времени Виктор получил письмо от шахматного клуба города Лиона с любезным приглашением.

«Члены нашего клуба,— значилось в письме,— узнали от французской шахматной федерации о ваших содержательных докладах в студенческом клубе в Париже и горят желанием услышать ваш доклад в Лионе».

Виктор ответил, что в рамках одного доклада невозможно развить достаточно подробно тему об анализе в шахматах, но все же он попробует дать слушателям хотя бы некоторое понятие об этом предмете и охотно принимает приглашение.

Сардэн сопровождал его. Обоих приняли очень гостеприимно. Лионские любители шахмат проявили такой ин-

терес к докладу и вынесли из него столько для себя интересного и поучительного, что собрание прошло для всех участников приятно и с пользой.

Спустя некоторое время, при содействии одного приехавшего в Париж гроссмейстера, которому понравилась игра Виктора, в Кафе де ля Режанс был устроен для Виктора сеанс одновременной игры. Организация сеанса была довольно сложным делом. Гроссмейстер поставил в известность прессу. Газеты сообщили о предстоящем событии. Знакомых шахматистов организаторы извещали письмами и по телефону.

В день события явились представители прессы; отсутствие среди них Пти и Сервана никого не удивило. Пришли старые шахматисты, посещавшие Кафе де ля Режанс лишь в особо торжественных случаях, но много было и новых лиц, преимущественно молодежи.

Нет надобности сообщать о результатах игры Виктора в сеансе. Мир идей Виктора настолько превосходил своей глубиной шахматные взгляды его противников и был им настолько незнаком, что вряд ли кто-нибудь из участников сеанса имел шансы выиграть у Виктора, несмотря на быстрый темп его игры. Однако, хотя внушительное число одержанных им побед и произвело сильное впечатление, не это было главным. Важно было то, что и играющие и зрители были взволнованы, так как почувствовали, что старая, давно знакомая игра внезапно открылась перед ними с какой-то новой стороны. Все поняли, что достигнут какой-то успех в борьбе за распространение культуры шахмат.

Срок пребывания Виктора в Париже подходил к концу. Ему предстояла еще поездка в США с короткой остановкой в Лондоне. Сардэн вызвался сопровождать его в Лондон. Рабочий шахматный клуб подарил Виктору на память шахматную доску, которую сделал один из членов клуба. Студенческий шахматный кружок провожал его на вокзал в полном составе. Лато тоже пришел. Анна Ларанж сказала:

— Мы многому научились у вас и всегда будем вас помнить.

А Лато взволнованно признался ему:

— Вы вернули мне любовь к шахматам.

Глава XV. ВИКТОР В ЛОНДОНЕ. ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦЕВ О «СИМПСОНС ДИВАН»

Была светлая, лунная ночь, когда Виктор и Сардэн поднялись по трапу на пароход и, пока он тихо скользил по спокойной воде, долго прогуливались по палубе. Они говорили о многом, и, как часто бывает в разговоре молодого человека с более старшим другом, речь зашла о будущем молодого человека.

Виктор высказал опасение, что, так сказать, в шахматном отношении время, которое он провел в Париже, вероятно, можно считать потерянным.

Сардэн возражал:

— Жаль, конечно, что в Париже вы ни разу не встретились с достойным противником, но проведенное там время было все же небесполезным для вашего шахматного развития. Вы познакомились там с новыми, несколько необычными для вас системами игры, и это расширило ваш кругозор.

— Я хочу настоящей, суровой борьбы,— ответил Виктор.— Может быть, в Америке дело дойдет до матча или турнира.

В Лондоне они посетили «Симпсонс Диван» в обществе Блока и некоего мистера Миллера, который был почти так же стар, как Блок.

— Знаете ли вы, где мы сейчас находимся? — спросил Блок.— Это знаменитое место встречи всех великих английских мастеров во времена Стейница. Мистер Миллер сам бывал тогда здесь. Он может рассказать вам много интересного.

— Да, с тех пор прошло немало времени,— сказал Миллер.— Я каждый день, бывало, сидел в одной из комнат этого дома на втором этаже. Ежедневно она открывалась в час дня и закрывалась в одиннадцать вечера. Туда приходили Стейниц, Цукерторт, Блэкберн, Берд, Мэсон, Гунсберг, Ли, Фентóн, а иногда и другие мастера, приезжавшие в Лондон. Посетители, закусив в ресторане, поднимались наверх выкурить сигару, выпить чашку кофе и сыграть в шахматы.

— Пожалуйста, расскажите еще что-нибудь.

Миллер повернулся к Виктору:

— Тогда было не так уж много шахматистов. Публика

предпочитала крикет и бокс, а шахматы считались тогда слишком интеллектуальной игрой. Наши клиенты — я тогда тоже играл в «Симпсонс Диван» — были люди влиятельные и богатые: лишний соверен не играл для них роли. Я вспоминаю вице-короля Индии — кажется, его звали Стил,— он был большим другом Стейница. А Бокль, знаменитый историк, был здесь постоянным посетителем.

Он погрузился в воспоминания и умолк. Тогда заговорил Блок:

— Помните ли вы еще ту комичную историю, которая приключилась со Стейницем? Стейниц любил пошутить, когда был в хорошем настроении. Однажды он играл партию, в которой давал вперед своему противнику коня. Кроме них, за столом сидел еще один шахматист, довольно сильный игрок, и наблюдал за игрой. Чтобы подразнить Стейница, этот шахматист давал советы его противнику, но делал это безмолвно, при помощи ноги: толчок ногой служил знаком предостережения. Стейниц заметил эту сигнализацию и, чтобы спастись, придумал следующее. Он подстроил на доске ловушку и, когда его противник протянул руку, чтобы сделать правильный ход, остановил его порыв толчком ноги, что означало: ход не годится. Тот недоумевал, однако каждый раз, как он протягивал руку, толчки настойчиво повторялись. Тогда он решился на другой ход и... проиграл.

— А помните ли вы,— оживился Миллер,— те две партии, которые Цукерторт играл одновременно против Стейница и Блэкберна, не глядя на доску? Происходило дело так. Цукерторт хвастал, что может сыграть одновременно, не глядя на доску, с двумя мастерами и уверен, что, как бы ни сложился результат обеих партий, он во всяком случае — по сумме очков — не проиграет. Такое бахвальство, разумеется, следовало наказать. Комнату разгородили ширмочками, и за ними расположились: Цукерторт — без шахматной доски, Стейниц и Блэкберн порознь — каждый за шахматной доской. Блэкберн играл белыми, Стейниц — черными, а Цукерторт, понятно, был противником обоих. Каждый из мастеров записывал свой ход на клочке бумаги и передавал его через служителя, который затем, таким же порядком, передавал ответный ход. Так шла игра. Блэкберн и Стейниц форменным образом потели за своими досками, Цукерторт же спокойно пил кофе, курил, читал

газету, перелистывал журнал «Чесс Плэйерс Кроникл» и разговаривал со зрителями, находившимися с ним за его ширмочкой. Обе партии закончились в одно время. Цукерторт хотя и проиграл Блэкберну, но зато выиграл у Стейница. Все поражались, как это он мог добиться такого хорошего результата, играя вслепую, но удивление вскоре сменилось невероятным шумом и хохотом, когда выяснилось, что партия Блэкберн — Цукерторт была точной копией партии Цукерторт — Стейниц. Дело в том, что Цукерторт посылал каждый раз ход Блэкберна Стейницу, а ответный ход Стейница — Блэкберну.

— Я вспоминаю еще одну историю,— сказал Блок,— она показывает, как мало еще были распространены в то время шахматы. Цукерторт посетил известный морской курорт Бра́йтон и остановился там у своего друга, некоего Ба́тлера. Шахматный мастер вне Лондона — это было редкостью. Брайтонские шахматисты носились с Цукертортом, прославляли его как знаменитость, и все это до такой степени, что слава несколько ударила ему в голову. Однажды Батлер сообщил ему, что Брайтон должен сыграть матч на десяти досках с небольшим городком, находящимся по соседству. «Играйте у нас на первой доске, Цук,— предложил он,— это вызовет сенсацию».— «Но мой противник оробеет, когда услышит мое имя»,— сказал Цукерторт. «В таком случае,— сказал Батлер,— назовите себя Робинзоном». Сказано — сделано. Цукерторт под именем Робинзона, конечно, блестяще выиграл свою партию. Но тут в нем заговорила совесть. Он сообщил своему противнику, что он в действительности не Робинзон, а Цукерторт. Тот вежливо улыбнулся, но затем подошел к Батлеру и рассказал ему об эпизоде с брайтонским джентльменом. При этом он добавил: «Мой противник, по-видимому, очень высокого мнения о себе. Не можете ли вы сказать мне, кто, собственно, такой этот Цукерторт?»

Миллер продолжал свои воспоминания:

— Шахматная комната в «Симпсонс Диван» сыграла в свое время значительную роль. Это было единственное место в Англии, где разрабатывались хорошие анализы и устраивались встречи между известными мастерами. То было великое время для английских шахмат. Лондонские мастера задавали тон на всех международных турнирах. Какое было ликование, когда Блэкберн в 1881 году блес-

тяще выиграл первый приз на турнире в Берлине! А грандиозный Лондонский турнир 1883 года, где Цукерторт с большим перевесом вышел на первое место! И так продолжалось двадцать—тридцать лет, примерно до 1890 года. Тут успехи англичан начали убывать: мастера состарились, а смены не было. Теряла постепенно свое значение и шахматная комната в «Симпсонс Диван». В начале нового столетия ее двери закрылись.

— А что сталось с мастерами, которые были ее завсегдатаями? — спросил Сардэн.

— Цукерторт умер еще во времена расцвета «Симпсонс Диван», Стейниц рассорился с Гоффером, и к последнему перешел знаменитый шахматный отдел в «Филд», прославившийся благодаря анализам Стейница. Сам Стейниц перекочевал в Нью-Йорк и там умер в конце столетия. Берд, Мэсон, Блэкберн, Гунсберг, Берн, Фентон дожили до преклонных лет.

— Мне эти мастера давали вперед ферзя,— заметил Блок.— Я до сих пор не понимаю, как они умудрялись после этого выигрывать.

— Это я могу объяснить,— сказал Миллер,— вы играли слишком быстро.

— Ну ведь неудобно играть медленно, получая вперед ферзя. Но однажды я добился все-таки успеха, когда на равных сыграл вничью против шахматного автомата. Это было в «Кристалл-Паласе» приблизительно пятьдесят лет назад.

— О шахматном автомате я еще не слыхал,— сказал Сардэн.— Я могу себе представить, как автомат танцует или произносит речь при помощи граммофона, но выполнять умственную работу...

— Я не уверен, что нельзя было бы сконструировать шахматиста-автомата, нечто вроде счетной машины,— сказал Виктор.— Он не мог бы, правда, проявлять каких-нибудь идей, но мог бы иметь, так сказать, непогрешимую память [1].

---

[1] Интересно, что Ласкер написал это в 1937 году. Шахматист и математик, Ласкер, если бы он жил в наше время, мог бы оказать неоценимую помощь в программировании шахматных электронных машин. В его «Учебнике шахматной игры» заслуживает внимания шкала оценок (для дебютной стадии партии), в которой он дает числовые выражения для таких понятий, как «преимущество первого хода (2-го, 3-го и т. д.)»,

— Неплохая мысль,— сказал Миллер,— но с автоматом из «Кристалл-Паласа» дело обстояло проще: внутри сидел шахматист. Гунсберг управлял этой машиной. Заглядывать внутрь автомата было довольно затруднительно, и ряд остроумных приспособлений давал возможность шахматисту прятаться в какую-нибудь труднодоступную часть машины.

— А в настоящее время существуют в Лондоне шахматные кафе? — спросил Сардон.

— Да, в Сити [1],— ответил Миллер.— Любители шахмат проводят здесь часок во время ленча [2], перед тем как возвращаться на работу. Но ничего, заменяющего «Симпсонс Диван», нет. Шахматных клубов теперь, правда, больше, чем раньше, но там происходят главным образом командные встречи с другими клубами или объединениями клубов. — Он обратился к Виктору: — Может быть, вы хотели бы посмотреть подобного рода состязание? Сегодня как раз состоится матч между графствами Эссекс и Сассекс в Сити-клубе.

Предложение было принято. По дороге в Сити разговор с англичанами поддерживал только Сардэн. Виктор задумался о шахматных мастерах в «Симпсонс Диван». Он представлял их себе на турнирах, во время поездок в провинцию, где проводились их выступления, во время споров о том, что такое настоящее искусство в шахматах и кто из мастеров олицетворяет наиболее правильный стиль. Вот Цукерторт, сидящий в редакции шахматного журнала, вечно стремящийся найти какие-нибудь особенно острые, неожиданные, ошеломляющие ходы... Стейниц, читающий критику своих противников с чувством глубокого внутреннего неодобрения... «Нет,— говорит Стейниц,— шахматная действительность совсем не такова, как ее пытается изобразить этот Цукерторт; она вовсе не так ошеломительна и наперчена». И он принимает решение помещать в своем шахматном отделе в «Филд» п р а в и л ь н ы е анализы —

по-разному оценивает силу пешек в зависимости от вертикали, на которой они находятся, равно как силу «королевского и ферзевого слонов», а также других фигур; говорит об аналогичной таблице для оценки полей и комплекса полей. Для многих проблем такого рода Ласкер, несомненно, пытался найти математические решения.

[1] Деловой центр Лондона.

[2] Второй завтрак (иногда равнозначный у нас обеденному перерыву).

простые, вскрывающие сущность позиции. «Героическое существование,— думает Виктор,— как дерево в горах, которое должно сперва обойти корнями бесплодный камень, прежде чем начнет получать из земных недр скудную пищу».

Виктора вдруг охватывает глубокое чувство участия и сознание какой-то живой связи с этими великими предшественниками. «Они — наши учителя,— думает он,— то, что в настоящее время кажется нам естественным и само собой разумеющимся, они должны были еще только с трудом создавать, шаг за шагом, на многочисленных опытах. Когда они состарились, их забыли».

Виктор и его спутники спустились в подземный туннель, чтобы перейти на другую сторону улицы: пересечь ее при таком движении мог бы, пожалуй, только акробат.

Вскоре они добрались до Сити-клуба.

Глава XVI. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ВИКТОРА ОТ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ШАХМАТНОЙ ЖИЗНИ

В Сити-клубе матч между представителями Эссекса и Сассекса был на полном ходу. Каждая команда была рассажена по предполагаемой силе участников: на первой доске сильнейший шахматист Эссекса играл против самого сильного шахматиста Сассекса, на второй доске встретились вторые по силе игроки и т. д. Зрителей было всего несколько человек, да и те выполняли какие-нибудь функции, связанные с матчем; среди них были, например, журналист и член комитета, организованного для проведения командных соревнований по всей стране. Блок шепотом представил им Виктора и Сардэна. Соблюдалась строжайшая тишина, чтобы не мешать играющим, сосредоточившимся за своими досками.

Виктора заинтересовала одна из партий. В ней игравший белыми предпринял стремительную и острую атаку, которую его противник хладнокровно, но с видимым напряжением пытался отразить. Виктор углубился в положение. Атака казалась ему недостаточно обоснованной; должна была существовать защита, но все же решить задачу было нелегко. Защищающийся сделал ход, содержательный и чрезвычайно смелый. Виктор был захвачен. Однако через некоторое

время защищающийся сделал другой ход, который не мог удовлетворить Виктора. Жаль! Он перешел к другой доске. Здесь была совсем другая картина. Партия приближалась к трудному эндшпилю, но, по-видимому, никто из противников не надумал еще какого-нибудь решающего плана.

Время проходило. Блок и Сардэн играли в соседней комнате легкую партию. Миллер сидел рядом, и все они тихо беседовали. Журналист, с которым Виктор только что познакомился, подошел к нему и шепнул:

— Вот этот игрок, на пятой доске, подает большие надежды: ему только шестнадцать лет.

Они тихо подошли к доске. Молодой человек сидел спокойно, только глаза его выдавали возбуждение игрой. Виктор заметил в его игре полет фантазии; вообще же она была сдержанна, но сильна.

Этот молодой человек напомнил Виктору его собственную юность. Когда он был в его возрасте, он играл свой матч с Федей и мечтал стать мастером. Сейчас он имеет это звание, но еще далек от цели. Может быть, этот молодой человек когда-нибудь станет выдающимся мастером; интересно будет встретиться с ним тогда за шахматной доской.

Молодой человек выиграл. Журналист поздравил его и затем представил Виктору. Они перешли в соседнюю комнату.

— Не покажете ли вы нам свою партию? — спросил журналист.

Молодой человек охотно согласился. Его пояснения к ходам были кратки и деловиты. Журналист записывал, а Виктор смотрел. К ним присоединился Сардэн.

— Хорошая партия? — спросил он Виктора.

— Превосходная,— ответил Виктор,— логично построенная и проведенная с фантазией.

Молодой человек покраснел и бросил на Виктора благодарный взгляд. Они разговорились. Молодой человек надеялся занять через некоторое время более высокое место в команде.

— Может быть, вы когда-нибудь будете играть на первой доске?

— Я надеюсь на это.

— Возможно, даже станете чемпионом Англии?

Молодой человек испугался. Подобная цель казалась ему слишком высокой. Он даже несколько поежился, когда Виктор отметил эту возможность.

Тем временем матч в соседнем зале подошел к концу. Член комитета попросил Виктора присудить три партии, оставшиеся неоконченными, так как истекло положенное для игры время.

— Для мастера безусловно не составит труда оценить эти позиции,— сказал он, протягивая три диаграммы.

Виктор не ощущал подобной уверенности, но из вежливости не стал возражать и начал рассматривать диаграммы. О двух позициях он действительно мог быстро вынести решение. В одной он нашел выигрывающую комбинацию, а другая позиция была явно ничейной, так как лишняя пешка у одного из противников не давала при разноцветных слонах никаких шансов на выигрыш. Зато третья позиция заставила Виктора призадуматься. В конце концов он заявил, что не может дать об этой позиции окончательное заключение.

— Разве позиция так трудна? — спросил журналист.

— Да, она мне кажется сложной,— ответил Виктор.— Над некоторыми позициями мне приходилось работать неделями и месяцами, и все же я не мог разобраться в них до конца.

Тем временем были закончены подсчеты, и выяснилось, что от результата присуждения этой партии зависит результат всего матча.

— Очень жаль,— сказал Миллер,— но подобные нелепые вещи случаются часто. Необходимо, чтобы партии доводились до конца.

Член комитета пожал плечами:

— Мы были бы очень довольны, если бы у наших игроков хватало для этого времени, но это не выходит.

— Тогда нужно сократить время на обдумывание,— сказал Миллер.

— Какой у вас темп игры в турнирах? — спросил журналист у Виктора.

— Шестнадцать ходов в час.

— Здесь делают восемнадцать!

— Это не такая уж существенная разница,— сказал Виктор.— Однако я всегда замечал, что метод присуждения отрицательно влияет на игру. Я лично неохотно стал бы

играть при таком условии и предпочел бы лучше делать тридцать или сорок ходов в час.

— Но почему? — спросил недоумевающе журналист.

— Я хочу выигрывать благодаря собственным мыслям и проигрывать — также не по решению судьи, а в результате собственных мыслей противника.

— Но почему вы считаете, что наличие условия о присуждении неоконченных партий оказывает влияние на игру? — продолжал недоумевать журналист.

— Некоторые боятся присуждения и срываются на том, что слишком торопятся провести атаку; другие, наоборот, надеются на присуждение и оставляют решающие ходы судье,— объяснил Виктор.

Участники матча начали расходиться.

Член комитета, журналист, Блок, Миллер, Сардэн и Виктор посидели еще у камина, где пылал яркий огонь.

— Как вам нравятся наши игроки? — спросил журналист, обращаясь к Виктору.

— У них хороший стиль, но им недостает выдержки и тренировки в анализе, и этим объясняются их ошибки.

— Но для тренировки в анализе, наверное, требуется много труда?

— Не очень много. Но ведь без труда ничего не делается.

— В этом-то все дело,— вмешался в разговор Миллер.— Работать ради игры у нас считается недостойным джентльмена.

— А как же мастера спорта,— возразил Сардэн,— они ведь отдают очень много времени тренировке? Вероятно, ваши шахматисты попросту мало интересуются шахматами?

— Некоторые очень интересуются,— сказал Миллер, — но наша публика, в общем, равнодушна к этой игре.

— Да,— сказал Виктор,— молодой шахматист, которого мы сегодня видели,— лучшее доказательство вашего утверждения. Если я не ошибаюсь, он боится стать мастером.

— Вы слышали ведь о бывшем чемпионе Англии Аткинсе? — спросил Миллер.— У него были данные стать гроссмейстером, а может быть, и чемпионом мира. Но он не рискнул пойти по этому пути. А нынешнему чемпиону Англии Фэрхерсту фирма, где он служит, посоветовала не тратить много времени на шахматы.

— Профессия, естественно, стоит на первом плане,— сказал член комитета.

— На этот счет всегда существовала путаница в понятиях,— сказал Блок.— У римлян профессия писателя считалась недостойной свободного человека; только политика была подходящим занятием для знати. А еще не так давно профессия актера или музыканта считалась предосудительной.

— Но это не меняет того факта, что шахматный мастер не привлекает у нас в Англии внимания публики, и материально ему живется плохо,— сказал журналист.

— Однако произведения шахматного мастера — я имею в виду игранные партии — находят многочисленных читателей. Они печатаются в газетах и журналах. Законы же не предоставляют ему авторских прав на его произведения.

— Но вы ведь не станете предлагать,— сказал член комитета,— чтобы мы внесли по этому поводу билль в парламент?

— А как на это смотрят у вас, в Советском Союзе? — обратился журналист к Виктору.

— У нас совсем другое дело,— ответил тот.— Весь вопрос стоит в другой плоскости. Творчество шахматных мастеров у нас открыто для широких народных масс, и в нашей стране ценят мастеров. Но при этом шахматы для мастера — не основная профессия. Материально же у нас обеспечен каждый, кто трудится, и работы на всех хватает.

Наступило короткое молчание. Члену комитета эта тема была явно неприятна. «Общественность... Утопические теории... Достаточно с меня повседневных хлопот»,— думал он.

Виктору снова пришли на ум мастера из «Симпсонс Диван»: ведь они вели там почти бесправное существование и при этом дали миру незабываемое...

Вскоре все поднялись со своих мест.

На обратном пути Сардэн был задумчив и озабочен. Виктор, к которому он был очень расположен, шел, казалось ему, навстречу трудностям и опасностям. Но Виктор был в хорошем настроении. Разговор осветил ему положение вещей. Ничего не должен так бояться в жизни мастер, как отойти от поля битвы. Если он научился распознавать, где друг и где враг, он в своей стихии.

Глава XVII. ПРЕБЫВАНИЕ В САН-ФРАНЦИСКО

Сразу же по прибытии в США Виктор уехал в Калифорнию, где нашел много материала для своей научной работы.

Шахматный клуб в Сан-Франциско занимал прекрасное помещение, но там было очень мало сильных шахматистов, с которыми Виктору стоило бы сразиться. Мероприятия клуба носили будничный характер. Клуб имел мецената, некоего Тома Рича, который делал иногда денежные взносы для поддержания своего клуба — например, когда в балансе клуба оказывался дефицит или требовалось послать своего представителя на какой-нибудь турнир для борьбы за первенство. Том Рич делал это потому, что любил клуб, так сказать, как свое детище. Его не столько интересовало искусство шахматной игры вообще, сколько шахматы именно в его клубе в Сан-Франциско. В этом сказывался его своеобразный патриотизм.

Виктор был для Тома Рича лишь диковинкой. Да и нельзя было ожидать от Тома Рича, чтобы он понимал стремления Виктора и способен был их оценить. Об анализе какого-нибудь интересного, трудного положения Том Рич имел лишь весьма расплывчатое и нереальное представление. При оценке шахматного мастера и его творчества он полагался на мнение своих друзей, а мерилом служил для него успех, которого достигал мастер. Разумеется, тот успех, который находил свое выражение в цифрах. Выигравший первый приз на клубном турнире импонировал ему, хотя он не мог бы объяснить, почему и каким образом был достигнут этот успех. «Чемпион мира» по шахматам ему также импонировал, так как тот сумел получить это звание в борьбе с лучшими игроками всего мира. Но ближе его сердцу был все же чемпион его клуба.

Виктор играл в клубе только для того, чтобы немного развлечься. Он предпочитал ездить с клубной молодежью по окрестностям, купаться в море или смотреть матчи в бейсбол. В шахматы же он играл кое-как, без всякого напряжения. Однажды он даже проиграл подряд две партии чемпиону клуба.

Этот случай, которому Виктор не придал никакого значения, повел за собой любопытные последствия. Один из друзей клубного чемпиона поспешил сообщить Тому Ричу

новость о проигрыше Виктора. А результатом этого явилось предложение Виктору сыграть с чемпионом матч. Виктор согласился.

Уютная тишина клуба сменилась бурей возбуждения. Газета «Сан-Франциско Сити» напечатала интервью с чемпионом, его портрет и заметку о шахматных успехах. Прочие газеты Сан-Франциско опубликовали короткую заметку о программе матча. Члены клуба собирались большими группами, обсуждали программу и заключали пари об исходе первой партии матча и всего матча в целом.

Виктор выиграл первую партию и проиграл вторую. Игра показала ему, что он несколько растренирован, и он посвятил день тому, чтобы основательно проанализировать обе партии. Третью партию он легко выиграл.

На утро следующего дня в комнате Виктора появился странный посетитель. Какой-то человек, подчеркнуто модно одетый, с манерами если не дурными, то, во всяком случае, навязчивыми, пробормотал какое-то имя и сделал ему комплимент: «Он думает, Виктор может выиграть у своего противника, когда хочет».

Виктор ответил вежливой, но ничего не выражавшей улыбкой.

— Я даже уверен,— счел необходимым уточнить посетитель,— что вы можете любую партию матча выиграть, свести вничью или проиграть — всецело в зависимости от вашего желания.

Виктор не понял смысла этого рассуждения.

Это стало ясно его посетителю. Он что-то пробормотал о пари и «фифти-фифти» [1].

Виктор продолжал недоумевать. Он сказал, что благодарит за комплимент, и поклонился, показывая, что разговор окончен. Странный посетитель покачал головой и откланялся.

Лишь через несколько дней, когда Виктор размышлял об этом странном происшествии, он сообразил, в чем дело. Посетитель, по-видимому, хотел получить указания об исходе ближайшей партии, чтобы заключить пари без всякого риска и затем делиться с ним половиной выигрыша. Виктор покраснел от негодования: ему осмелились сделать такое

---

[1] Пополам (дословно: «пятьдесят — пятьдесят»).

предложение! Лишь много времени спустя он рассказал об этом случае Сардэну. Так, идея о высоком призвании шахмат, которой служил Виктор, подвергалась с различных сторон атаке — с целью принизить ее. Но Виктор был достаточно закален морально, и грязная попытка совершенно не удалась.

Виктор выиграл также четвертую партию, после чего деморализованный противник признал себя побежденным и сдал матч. Волны возбуждения, поднявшиеся во время матча, сразу же улеглись, и в результате остались только значительно большее уважение к Виктору у членов клуба и Тома Рича и затаенная неприязнь со стороны клубного чемпиона. Впрочем, чувство уважения к Виктору у Тома Рича вскоре сменилось холодной вежливостью, и вот почему.

Однажды зашел разговор о Стейнице. Виктор выразил свое уважение к Стейницу. Он сказал, что Стейница трудно представить себе без Морфи. Стейниц хотел осознать и выразить то, что Морфи творил чисто интуитивно, и это отлично ему удалось. Но Том Рич горячо почитал своего земляка Морфи, а Стейниц был в его представлении зазнавшимся, сварливым и некультурным человеком, который свой скучный, скряжнический метод игры осмелился противопоставить чарующему стилю национального американского героя — Морфи. Это суждение не было ни мудрым, ни обоснованным, но оно было вполне в характере Тома Рича.

Виктору, разумеется, было глубоко безразлично отношение к нему Рича, и он даже едва замечал перемену. Он по-прежнему встречался лишь с некоторыми молодыми людьми, которые по-дружески относились к нему.

Клубу Сан-Франциско предстояло в ближайшем будущем встретиться в матче с шахматным клубом Лос-Анджелеса. Это был традиционный ежегодный командный матч, и каждый клуб стремился во что бы то ни стало одержать победу.

Среди знакомых Виктора было несколько человек, которые рассчитывали, что будут представителями клуба на предстоящем матче. Они решили для тренировки заниматься совместно анализами различных положений, но работа их не была продуманной и шла по настроению. Однако благодаря содействию Виктора занятия вскоре приняли планомерный характер.

При совместных анализах Виктор обратил внимание на одного молодого человека — Генри Мо́деста. Как практик этот шахматист не был очень силен и относился с необычайным почтением к своим вышестоящим по рангу товарищам. Однако при анализах он часто обнаруживал замечательные идеи и неплохое понимание позиции. Когда подошло время окончательно сформировать клубную команду, Виктор порекомендовал предоставить Модесту последнюю доску и даже сказал, что в этом случае немного потренирует его перед матчем.

Клубные заправилы выслушали предложение Виктора с интересом, но при окончательном обсуждении с Томом Ричем единогласно решили, что клуб не должен брать на себя такой риск, и включили в состав команды другого кандидата. Между прочим, этим решением остался больше всех доволен сам Модест.

— Я страшно волновался бы,— сказал он,— если бы мне пришлось выступить против таких сильных игроков, как лос-анджелесцы.

Матч состоялся и закончился победой клуба Сан-Франциско, выигравшего с небольшим перевесом. Знакомые Виктора, тренировавшиеся под его руководством, были в очень хорошем настроении, так как отличились в матче. Из своих четырех партий они выиграли три и одну закончили вничью.

По случаю успеха в матче для участников был устроен торжественный обед. Кто-то, как полагается в таких случаях, произнес напыщенную речь о Томе Риче. Затем превозносился клубный комитет и чемпион клуба. Заслуги же Виктора не получили признания. Он не был даже упомянут в застольных речах, хотя из всех присутствующих он больше чем кто-либо другой был настоящим шахматистом. Ни у кого, за исключением, быть может, четырех его учеников — да и то в малой степени,— не было понимания роли и значения шахматного мастера. В их представлении все дело сводилось к хорошим, приятельским отношениям. Если кто-нибудь играл достаточно хорошо для веселого времяпрепровождения, выказывал внимание и щедрость к своим друзьям, то пользовался общей симпатией. Талант, гений приводили их в смущение. Они вынуждены были его признавать, когда ему удавалось выдвинуться, но хороший товарищ был им милее, чем дюжина мастеров.

По окончании банкета молодые ученики Виктора собрались проводить его домой, словно хотели подчеркнуть свое расположение к нему именно в тот день, когда его заслуги не получили оценки. По дороге они расспрашивали его о том, каким образом они могут усовершенствоваться в шахматной игре, и Виктор повторил им простую истину:

— Кто работает и стремится вперед, тот добивается успеха.

Глава XVIII. ВИКТОР ЕДЕТ В НЬЮ-ЙОРК И ВСТРЕЧАЕТ ТАМ САРДЭНА

Виктору жаль было так скоро расставаться со своими молодыми друзьями из Сан-Франциско, и поэтому он охотно принял предложение совершить с ними путешествие на автомобиле.

Таким образом случилось, что по пути в Нью-Йорк Виктор побывал в Цинциннати, где зашел к Джону Смиту, учителю истории, с которым познакомился еще на пароходе, долго с ним тогда беседовал и несколько раз играл в шахматы. Тот был очень обрадован встречей. Когда он узнал, что Виктор едет в Нью-Йорк, он дал городу весьма своеобразную характеристику:

— Это город камня. Даже красивый парк — весь скалистый. И люди там какие-то каменные.

Виктор рассмеялся. Смиту явно нравилось представлять Нью-Йорк в карикатурном виде.

— Нью-Йорк ведь многое сделал для шахмат,— сказал Виктор.— Он организовал несколько международных шахматных турниров, которые имели большое значение. Он оказал также помощь при организации многих матчей на мировое первенство.

— Все это верно,— ответил Смит,— но скажите мне, пожалуйста: кто любит этот город и кого или что любит Нью-Йорк? Каким творческим шахматным мастером когда-либо интересовался Нью-Йорк? Может быть, Морфи? Или Стейницем? Или Пильсбери?

— Нью-Йорк интересовался техникой, например Эдисоном. Насколько я знаю, также литературой и театром.

— Возьмите Лондон,— сказал Смит.— Я не буду говорить о науке и литературе, а подойду только с узко шахмат-

ной точки зрения. Лондон дал возможность Филидору издать его «Анализ шахматной игры». В начале девятнадцатого столетия он был местом, где многие мастера занимались глубоким изучением шахмат. Своего кульминационного пункта эта деятельность достигла в создавшем эпоху первом международном турнире во время Всемирной выставки 1851 года. И до конца девятнадцатого века Лондон способствовал развитию шахмат турнирами, матчами и превосходными шахматными отделами в прессе.

— Это верно,— сказал Виктор.

— Или возьмем вашу родину, Советский Союз. Поистине там много серьезной работы. Но находит же государство время для широкого распространения шахмат и значительного поднятия их культуры.

— Это правда. Но Нью-Йорк все-таки грандиозен, даже если он не интересуется шахматами,— сказал Виктор.

Несмотря на такую характеристику Смита, Нью-Йорк Виктору все же понравился. Яркое солнце, широкий Гудзонов залив с его лесистыми берегами, колоссальные здания, длинные и высокие мосты, быстрый темп городской жизни. Правда, люди были для него здесь чужие. Лишь посетив некоторые шахматные клубы, он почувствовал, что все же имеет дело не с «каменными», а с живыми людьми.

В клубе было оживленно и весело. Шахматисты не старались лицемерить друг перед другом. Их манера держать себя как бы говорила:

— Мне нет до тебя никакого дела, а весь мир вообще — большая базарная толкучка.

Их игра в шахматы ограничивалась большей частью партиями «блиц» и сопровождалась, к примеру, такими репликами:

— Всегда давай шах, если можешь: нельзя знать, может оказаться, что дал мат.

Однажды в одной из крупных газет города появилась статья с резкими нападками на шахматы. В этом, собственно говоря, не было ничего нового. На протяжении своей долгой истории шахматы неоднократно подвергались нападкам. О них было сказано, что «как игра они слишком серьезны, а для серьезных целей они слишком игра» [1].

---

[1] Ставшие крылатыми слова, которые приписывались математику Г. Лейбницу (в начале XVIII века), а также писателю Ф. Лессингу.

Шахматы подвергались также в различные эпохи гонениям со стороны духовенства. Было время, когда в шахматы играли на крупные ставки, и это тоже ставили им в упрек. Знаменитый американский писатель Эдгар По отмечал в шахматной игре ее сложность и ставил ее поэтому ниже простой и логичной игры в шашки.

Нападки, которые появились в нью-йоркской газете, не содержали ничего нового, и их можно было легко опровергнуть, отметив, что часть из них является лишь плодом воображения и что уж не шахматы, конечно, ответственны за извне привнесенный и чуждый им дух азарта и за всякого рода искажения при пользовании ими.

Приблизительно в это время в Нью-Йорк неожиданно приехал Сардэн.

— Я получил здесь заказ на портрет,— сказал он Виктору,— и очень рад снова увидеться с вами.

В шахматном клубе они встретили Смита, также приехавшего в Нью-Йорк по какому-то делу. Вместе с другими членами клуба они принялись обсуждать статью из нью-йоркской газеты. Зашел разговор и о знаменитом американском шахматисте Стейнице.

— Мир не оценил Стейница по достоинству,— заметил Виктор.

— Докажите, что при помощи его принципов можно добиться годового дохода в десять тысяч долларов, и тогда его запыленные сочинения будут вновь изданы и распространены в учебных заведениях,— сказал один из членов клуба.

— Зарабатывать доллары — это не жизненная цель,— ответил Виктор.— Но я вряд ли ошибусь, если скажу, что ваши американские учебные заведения, которые учат, как достигать успеха в жизни или в своей профессии, руководствуются во многом мыслями Стейница. Хотя Стейниц не

Но в действительности это высказывание, и именно в данной форме принадлежит другу Лессинга — философу М. Мендельсону. (Более известна другая форма: «Как игра шахматы слишком наука, а как наука они слишком игра».) Жизнь внесла в это высказывание поправку. Для науки шахматы уже не просто игра. Работая над созданием особого типа электронных машин, которые могли бы ориентироваться в меняющихся ситуациях, зависящих от многих факторов, научная мысль избрала именно шахматы как превосходную модель подобных ситуаций.

был в свое время правильно оценен, он все же был тонким и глубоким мыслителем [1].

Эта речь так мало подходила по форме и содержанию обществу, в котором она была произнесена, что вызвала изумление и веселое оживление. Один только Сардэн отнесся к ней совершенно серьезно и пожал Виктору руку.

Глава XIX. МАТЧ С ЧЕМПИОНОМ ПИТСБУРГА. МИСТЕР КВИК В РОЛИ ОРГАНИЗАТОРА И РЕПОРТЕРА

Сардэн и Смит сошлись на том, что для Виктора надо было бы устроить матч.

— Предоставьте это мне,— сказал Смит и энергично взялся за дело.

Он посетил три шахматных клуба и разговаривал там с секретарями. Однако каждый из них находил какие-нибудь возражения. Один сказал, что сейчас неподходящий сезон — слишком жарко; другой — что Виктор еще мало известен, а третий — что он сейчас не может обратиться к клубному меценату, так как тот только что подарил клубу переходящий кубок для зимнего турнира.

Смит посетил затем редакцию одной большой ежедневной газеты и попытался заинтересовать секретаря перспективой «сенсации», которую вызовет матч с молодым мастером. Но управляющий был в отпуске, а его заместитель отнюдь не был склонен проявить инициативу в данном вопросе.

Смит с огорчением сообщил Сардэну о провале их плана; при этом он, разумеется, не упустил случая высказать, по своему обыкновению, несколько соображений о городе Нью-Йорке и его обитателях.

Несколько дней спустя шахматный репортер Квик сидел в редакции своей газеты и заканчивал статью о бейсболе. Отправив ее в типографию, он предался грустным размышлениям о том, как мало сейчас работы. Бейсбол, конечно, кое-что приносит, но по его основной специальности —

[1] В этой книге Виктор не раз подчеркивает свое уважение к Стейницу. На Ласкера произвел большое впечатление тот факт, что Советская шахматная организация приурочила открытие III Московского международного турнира 1936 года к 100-летию со дня рождения Стейница (12 мая 1836 года).

шахматам — давно уже не было никаких интересных событий. Отчеты о командных матчах не привлекали внимания публики. В Европе также не предвиделось никаких международных турниров. Вот если можно было бы организовать матч между гроссмейстерами, это позволило бы дать целый ряд отчетов!.. Но, к сожалению, организация матча стоит дорого. Прежде, во времена Морфи, дело обстояло гораздо проще. Мастера были еще тогда идеалистами, а теперь эти голодранцы обязательно хотят зарабатывать на своей «благородной» игре.

За неимением другого дела Квик отправился в шахматный клуб. Там он увидел Виктора, и его осенила новая мысль.

— Как поживаете, мистер Иванов? Уже несколько дней не имел удовольствия... Вы очень заняты?

— Да, научная работа...

— Вы, вероятно, пробудете еще продолжительное время в Соединенных Штатах?

— Полагаю, еще два месяца.

— Это дает великолепную возможность организовать матч. Между нами говоря, многие горят желанием увидеть вашу серьезную игру.

Какому мастеру не нравится признание его таланта?.. Виктор был, конечно, обрадован.

— Но с кем? — спросил он.

— Предоставьте это мне,— ответил Квик.

Затем он пошел в комнату, где члены клуба играли в шахматы, и подсел к Джэджу, меценату, который наблюдал за игрой в какой-то легкой партии.

— Вам сегодня достаточно тепло? — спросил он, обмахиваясь носовым платком.

Джэдж оторвал взгляд от доски и посмотрел на Квика. Тот немедленно использовал момент:

— Между прочим, этот мистер Иванов — колоссальный игрок!

— Разве? — спросил Джэдж.

— Как же! Неужели вы не слышали? Он разбил чемпиона Сан-Франциско со счетом три — один, а по существу результат должен был быть четыре — ноль.

— Вот как! Тогда он лучше, чем я думал.

— А как же иначе! Талант! По-видимому, играет в силу гроссмейстера!

— Кто это? — спросил один из игроков.

— Иванов.

— Ах, так,— сказал игрок, затем он быстро сделал ход и снова погрузился в свои ошибочные стратегические планы и наспех фабрикуемые комбинации.

— Кто из мастеров теперь в городе?

— Гроссмейстер Биг. Это был бы хороший матч! Я уже говорил с ним. Он готов играть, если будут подходящие условия. Я считаю только его требования относительно гонорара чрезмерными.

— Газета заинтересована в матче?

— Спортивный редактор просматривал успехи Иванова. По его мнению, это отличный матч.

— Хорошо, я участвую в расходах.— И Джэдж назвал сумму.

— Весь шахматный мир будет вам благодарен за ваше великодушие,— сказал Квик.

Квик вернулся в соседнюю комнату к Виктору, который беседовал с Сардэном.

— Я принес хорошие новости,— сказал он.— Джэдж — за матч. Я должен еще урегулировать некоторые моменты. Пожалуйста, подождите меня здесь. Я вернусь через час-два.

С этими словами он торопливо удалился.

Сардэн пожал Виктору руку.

— Это не случайно, что шахматная общественность начинает ценить ваши способности. Вы еще молоды, но уже доказали, что представляете собой самобытную силу. Ваша готовность самоотверженно служить идее шахмат, ваше понимание шахмат проложат вам дорогу к высшей цели — званию чемпиона мира.

Виктор покраснел.

— Ну, об этом я не помышляю,— ответил он.— Я буду рад вместе с моими коллегами способствовать углублению и распространению шахмат.

— Но если благоприятно сложатся обстоятельства?

— Конечно, я буду тренироваться и приложу все силы.

Тем временем Квик разыскал гроссмейстера Бига и вступил с ним в переговоры.

— Теперь, в отпускное время,— доказывал он,— это для вас хорошее дело. У Иванова раздутая репутация. Он начал кое-что воображать о себе после победы над чемпионом Сан-Франциско. По сути дела, матч должен был

закончиться со счетом не три — один, а два — два. (Квика не смущало, что Джэджу он говорил другое.) Это для вас — легкая победа.

— С этим я согласен,— сказал Биг. — Я считаю, что и газета должна внести свою долю. Это ведь сенсация, которая пройдет через ваше мастерское перо.

«Какое дело этому ослу до газеты?» — подумал Квик. Но вслух он сказал:

— Вы знаете, какого высокого мнения о вас мистер Джэдж! После этого матча он, несомненно, займется делом о звании чемпиона Соединенных Штатов — в ваших интересах.

Это была приманка, и она оказала кое-какое действие. Однако у Бига был свой опыт, и он сказал:

— Я подумаю о вашем предложении.

Они расстались дружески. Но Квик немедленно поспешил на телеграф и послал чемпиону Питсбурга следующую телеграмму: «Джэдж интересуется вашим матчем с Ивановым. Условия — шесть партий. Гонорар (он обозначил сумму). Телеграфируйте ответ адресу газеты Квику».

Затем он пошел в клуб. Там он застал Виктора, Сардэна и Смита, с нетерпением ожидающих от него известий.

— Имеются кое-какие трудности,— сказал Квик.— Надо еще урегулировать некоторые важные детали. Ваш противник хотел бы, чтобы его имя пока не упоминалось.

— Ну что ж,— сказал Виктор,— у него, вероятно, имеются для этого веские основания.

— Вполне хорошие основания. Я уверен, что еще остающиеся небольшие затруднения скоро будут устранены.

Через некоторое время Квик протелефонировал в свою редакцию: не пришла ли на его имя телеграмма из Питсбурга? Телеграмма была получена, и ему прочли ее содержание. Тогда он позвонил Бигу:

— Ну как, приняли вы решение относительно матча?

— Но почему такая спешка?

— Джэдж очень заинтересован. Кроме того, есть кто-то, кто против вас. Ему не следовало бы давать никаких шансов.

— В таком случае я лично переговорю с Джэджем.

— Сегодня это, к сожалению, не удастся, Джэдж очень занят.

В душе он проклинал Бига: он отнюдь не хотел, чтобы мастера вели непосредственные переговоры.

— Тогда я позвоню ему завтра утром.

— Хорошо, я ему передам, но не забудьте — непременно завтра утром!

— Непременно!

После этого Квик пошел в клуб в полной уверенности, что застанет там Джэджа. Найдя его, он принялся расхваливать выдающиеся качества питсбургского чемпиона.

— Но вы ведь раньше говорили о Биге? — сказал Джэдж.

— Он требует слишком много.

— Так, так...

— Эта его манера давно известна. Кроме того, он не подготовлен к матчу. Совершенно растренирован. Может получиться не матч, а скандал! Кстати, он собирается позвонить вам завтра утром.

— Гм, гм...

— Питсбургский чемпион согласен на предложенные условия. Он сейчас в блестящей форме. Ему следовало бы дать шанс. Что мне ответить ему?

— Я думаю, Бигу нужно дать урок. Телеграфируйте в Питсбург!

Таким образом на долю мастера из Питсбурга выпал удачный вечер, а гроссмейстер Биг был весьма обескуражен результатом своего разговора с Джэджем на следующее утро.

Что же касается Квика, то можно лишь сказать, что он оказался подобен Мефистофелю, который всегда хочет зла, но при этом, случается, достигает иногда обратных результатов. Он организовал матч в своих собственных интересах, сам почти ничего не понимая в серьезной игре, но матч привлек к себе внимание и дал несколько хороших партий.

Газетные статьи Квика всегда строились только на сенсации и освещали лишь внешние моменты. Первая его статья, в которой он оповестил читателей о новом матче, носила такой же характер. Вместо того чтобы говорить о стиле обоих мастеров, он приводил одни лишь «рекорды». Он указал, сколько партий каждый сыграл на турнирах и в матчах и каковы были результаты этих партий, но не обмолвился ни словом об их ценности и своеобразии. Это была статистика, а не анализ творческого пути.

Таковы же были и последующие статьи Квика. Он приводил голые факты, не выявляя их идеи. Впрочем, это было как раз то, чего ожидала от него газета. А публика, которой редко преподносили что-нибудь лучшее, оставалась равнодушной.

Как было уже отмечено раньше, матч прошел довольно интересно. Виктор играл в нечетных партиях черными. Первые две партии закончились вничью, третью Виктор выиграл после длинного эндшпиля, в котором четко выявил силу двух слонов в борьбе против слона и коня. Четвертая и пятая партии закончились вничью.

Когда в шестой, последней, партии Виктор повел сильную, блестяще подготовленную атаку, Квик спросил у одного мастера, наблюдавшего за игрой, как обстоят дела.

— Иванов выигрывает,— ответил тот.— Он феноменально сильно играет!

Тогда Квик поспешил в редакцию, чтобы написать заключительную статью. Перед уходом он попросил одного из своих знакомых протелефонировать ему результат партии, если окажется, что Иванов не выиграл.

Статья Квика была озаглавлена: «Московский мастер — грядущая величина!» Он излился в хвалебном гимне шестой партии, не входя в какие-либо описания ее, а тем более анализы. Окончив статью — никто не телефонировал,— он позвал мальчика, который доставлял рукописи в типографию.

Квик собирался уже вручить ему свое произведение, как вдруг зазвонил телефон.

— Иванов проиграл,— сообщили ему.

Что делать?.. Быстро решившись, Квик переписал заглавие: «Питсбургский мастер — грядущая величина!» Затем он переставил в статье имена противников и передал продукт своего творчества мальчику. Измененная статья звучала так же убедительно, как первоначальная.

Что же случилось?.. Виктор попал в цейтнот и не нашел в какой-то момент правильного продолжения. Он не мог объяснить себе эту неожиданную нехватку времени; ощущение у него было такое, будто он играл с обычной, нормальной скоростью. По окончании партии выяснилось, что часы Виктора уходили вперед. Они показывали шесть минут, когда в действительности прошло только пять минут;

это составляло разницу в десять минут на час. Потерянное таким образом время Виктор не мог использовать в решающие моменты, чтобы обеспечить своим расчетам привычную точность и полноту.

Смит настаивал, чтобы был заявлен протест, но Виктор не хотел этого делать.

— В конце концов, мой противник ведь не виноват, что часы шли неправильно,— сказал он.

Но чья же это была вина? Этот вопрос был поднят, и гроссмейстер Биг, который, возможно, «ревновал» к стилю Виктора, выразился в том смысле, что Виктор хочет этим случаем с часами оправдать проигрыш последней партии.

Нужно отдать должное чувству справедливости Джэджа: он расследовал, кто заводил часы и проверял их правильность. Оказалось, что эту обязанность взял на себя Квик, но выполнил ее небрежно. Никто не обвинял Квика в том, что он намеренно выбрал неправильные часы из имеющегося запаса, и таким образом вопрос был исчерпан[1].

В беседе с Виктором и Сардэном Смит сказал:

— Я все-таки считаю, что случай с часами принципиально важен. Шахматный турнир или матч является достоянием общественности, а во всяком деле, касающемся общественности, кто-то персонально должен отвечать за каждый сделанный шаг. Если что-нибудь происходит не так, как следует, то недопустимо, чтобы никто не нес за это ответственности. Общественность же должна заранее знать, на кого возложена ответственность.

— То, что вы говорите,— сказал Виктор,— считается в моей стране чем-то само собой разумеющимся.

— Но сделать ошибку — еще вовсе не значит провиниться,— заметил Сардэн.

— У меня был учитель,— сказал Виктор,— который говорил: ошибиться можно один раз, нельзя ошибаться дважды.

— Я понимаю,— сказал Сардэн,— что на ошибках надо учиться. Но кто же должен учиться на этом случае с часами?

[1] Ласкер явно не забыл инцидент с часами, который произошел у него во время Нью-Йоркского международного турнира 1924 года в партии с Капабланкой. Эту партию Ласкер проиграл, что, впрочем, не помешало ему занять в турнире первое место.

— Организация,— ответил Виктор.— Она ответственна. Но матч устроен при несколько своеобразных для меня условиях, и я предпочитаю не высказывать никакого протеста.

Глава XX. МАТЧ С ГРОССМЕЙСТЕРОМ. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВИКТОРА НА РОДИНУ

Случай с часами был неприятен Джэджу. Он чувствовал, что нужно что-то сделать, чтобы оправдаться перед чужим мастером.

«Если бы Иванов выиграл матч,— думал он,— у него было бы больше шансов на организацию другого, более значительного матча».

И он решил дать Виктору нового противника — гроссмейстера. Он снова переговорил с Бигом, затем — с Виктором, и таким образом между ними был обусловлен матч из десяти партий.

Матч возбудил большой интерес у членов клуба и публики, потому что Биг был более сильным противником, чем мастер из Питсбурга.

Задача — хорошо сыграть в матче — на этот раз захватила Виктора с исключительной силой. Его энергия и решимость еще более возросли благодаря одному случаю во второй партии, который для всех, кроме играющих, остался незамеченным. В один из моментов этой партии, когда предстоящий ответный ход Виктора выглядел бы естественным, но в действительности оказался бы ошибкой, Биг сыграл, ни на секунду не задумываясь,— как принято говорить: «атемпо». Обычно это делается, когда ответный ход противника представляется очевидным и создается впечатление, что думать здесь незачем. Однако Виктор никакой ход не считал бесспорным. Он подумал немного, и этого было достаточно, чтобы избежать возможной ошибки. Но Виктора рассердил «прием» Бига, и он решил играть еще более внимательно.

Эта партия, подобно первой и третьей, закончилась вничью. Игра во всех трех партиях протекала очень оживленно. Противники разменялись почти всеми фигурами, но ни в какой стадии партии не могли добиться ни малейшего преимущества.

В четвертой партии Виктор сознательно позволил противнику захватить пространство. Он сконцентрировал свои фигуры на королевском фланге, всячески уклоняясь от размена. Как известно, это опасная стратегия: если бы противнику удалось открыть линии в центре, фигуры Виктора оказались бы на фланге бездеятельными.

Виктор позаботился о том, чтобы запереть центр пешками, и ему удалось замедлить операции в центре и сохранить полную доску фигур. Затем он вызвал ослабление королевского фланга противника, а Биг начал атаку на ферзевом фланге. Виктору пришлось пожертвовать пешку. Однако он обезопасил свои фигуры от размена и несколькими неожиданными ходами добился их грозной расстановки против неприятельского короля. Положение Бига стало трудным. Возможно ли было еще спасение?.. Никто не мог ответить на этот вопрос. Бигу понадобилось напрячь всю свою фантазию, чтобы найти сложную, запутанную ловушку. Если бы она удалась, Биг выиграл бы. Но если Биг питал такую надежду, то вскоре он был разочарован. Виктор с поразительной точностью, которая, впрочем, стоила ему мало труда, опроверг хитрый план противника и выиграл.

Можно понять Бига. Он знал из опыта, что найти в сложной позиции правильное продолжение под неумолимое тиканье шахматных часов очень трудно. Ловушка, как подсказывал ему тот же опыт, представляла собой лучший практический шанс. Но при всем том он не действовал как художник, который стремится к сильным ходам и пытается создать что-то новое. Для этого требовались другие качества — способность к крайнему напряжению и бесстрашие перед опасностью.

После поражения в четвертой партии Биг решил пополнить свой арсенал шахматных средств новым оружием. Вместе с одним приятелем он подверг анализу ряд партий Виктора, которые можно было найти в литературе. При этом он наткнулся на одну партию, выигранную Виктором много лет назад, начало которой было сомнительным. Это начало он заботливо исследовал и, вооружившись таким образом, начал пятую партию.

Руководимый бессознательными воспоминаниями, Виктор так же разыграл дебют, как в тот раз, и, когда его противник сделал свой, подготовленный во время домаш-

него анализа, неожиданный ход, он очутился перед большими трудностями. Он углубился в позицию и в конце концов нашел какой-то приемлемый выход из положения, но при этом затратил много времени на обдумывание и попал в сильный цейтнот. Биг использовал это, делая свои ходы максимально быстро, так что Виктор мог думать над положением лишь в то время, когда шли его собственные часы. При такой быстроте игры Биг, как опытный тактик, имел преимущество перед Виктором, но все же последнему удалось, когда он вышел из цейтнота, в результате упорной борьбы восстановить равновесие. Партия окончилась вничью.

Бигом начала овладевать растерянность. Он почувствовал себя перед задачей, с которой не мог справиться привычными средствами. Он, правда, выделялся среди мастеров средней силы, но не проявлял исключительных способностей. У него прежде всего не хватало силы воли пойти во имя своей цели на большие жертвы. Все же он взял себя в руки и свел шестую и седьмую партии вничью, тщательно избегая всякого, хотя бы малейшего риска.

Виктор насторожился. Он начал теперь сомневаться, хватит ли у него сил, чтобы решительным ударом сломить сопротивление упорного противника.

В таком настроении Виктор начал восьмую партию и, подгоняемый чувством недовольства самим собой, повел чрезвычайно смелую и рискованную игру. Полный решимости создать слабые пункты в расположении противника, он вынужден был — как это всегда бывает в равных позициях — допустить и у себя образование слабостей.

Биг не замедлил извлечь из этого выгоду. Но тут Виктор как бы перерос самого себя. Он пренебрег представлявшейся ему возможностью запереть пешками позицию и добиться верной ничьей, так как из игры выключались тяжелые фигуры. Он решил продолжать атаку, хотя и вынужден был сперва допустить грозную и чрезвычайно опасную контратаку со стороны противника. Благодаря одной комбинации, которая была чудом фантазии и точности и производила впечатление невероятного, неповторимого случая, ему удалось удержать свою позицию и довести до конца штурм неприятельской рокировки. Раздался гром аплодисментов. Этот стиль развеял равнодушие публики.

Девятая партия закончилась вничью, а десятой не играли, так как она уже не могла изменить конечного результата.

Виктор выиграл матч.

Виктор стал более сильным мастером, чем был в Москве, хотя непосредственно за доской он ничему новому не научился. Его моральные качества борца благодаря размышлениям и внутреннему протесту против многого, с чем ему пришлось познакомиться за время путешествия, неизмеримо окрепли. Прав был Сардэн, когда в одном из разговоров указывал на высокое значение моральных сил художника. В первую очередь это они делают большого художника или мастера тем, что он есть.

И в области шахмат матч между Виктором и Бигом ясно показал, как проявляется в борьбе ее более высокая этика, более проникновенное служение искусству. Среди мастеров, конечно, наблюдаются различия. Имеются, так сказать, рядовые и большие мастера. Не в каждом поколении рождается большой мастер. За тысячу лет, приблизительно до 1875 года, мир знал только шесть действительно больших мастеров: Ас-Сули, Греко, Филидора, Лябурдоннэ, Морфи и Стейница. Их могучая творческая сила росла на почве здоровой, сильной и мужественной в борьбе морали. На нравственно скудной почве эта сила не родится, если даже мастер хорошо знаком с различными теориями, приемами и тонкостями шахматной игры.

В четвертой партии Биг ухватился за возможность подстроить скрытую и запутанную ловушку. Раньше он в подобных случаях имел успех, но это был успех, выражавшийся лишь в цифрах, в количестве очков, сам по себе не художественный и не представляющий ценности. Строго говоря, это было бегство от трудностей, от возникавших перед ним задач.

Виктор, наоборот, не боялся подобных трудностей. Он мужественно боролся, насколько позволяли силы. Благодаря этому он победил, так как разорвать сплетенные хитростью сети не так трудно, как обычно думают. Так же было и в восьмой партии: недовольство Виктора результатом своей игры, создание трудного и глубокого плана, высокая степень мужества и упорства — вот что дало ему победу. Биг был сильным мастером и вполне порядочным и корректным человеком, но подняться в трактовке шахмат

до таких идейных высот, на какие способен был Виктор, он не мог. Поэтому из них двоих Виктор был безусловно более сильным.

Конечно, не надо забывать, какую роль в успехе Виктора сыграла его систематическая тренировка. Если бы он не поддерживал непрерывно свежести и гибкости своего шахматного умения, его моральное превосходство могло бы лишь повредить ему. Он тогда ставил бы перед собой задачи, до выполнения которых не дорос, и стал бы своего рода Икаром, о котором древний миф рассказывает, что он хотел полететь к солнцу. Воск, которым были скреплены его крылья, расплавился, когда он приблизился к солнцу, и Икар упал в море.

Нет сомнения, что и в будущих выступлениях Виктора на турнирах и в матчах снова и снова будут проявляться его высокие моральные качества настоящего борца. Течение и исход борьбы между Виктором и Бигом повторяются в любой длительной борьбе между равными по силе противниками; в таких случаях борьбу всегда решает более высокая этика.

По окончании матча Виктор пробыл в Нью-Йорке недолго. Его научное задание было полностью завершено.

Интересно, с какими чувствами он возвращается домой и что он думает о своем будущем?

Виктор стоит на палубе корабля. Он всматривается в даль, погруженный в раздумье. Горизонт так далек, воздух при свете луны так чист, а Родина с каждой минутой становится все ближе... У него теплеет на сердце при мысли о ней.

Внизу над морем стелется туман. Капитан — наверху, наблюдает. В тумане таится опасность. Но ничего, капитан начеку. Надо привыкать к опасности. Она сопутствует жизни. Она неотделима также от жизни творчески бодрого, стремящегося вперед шахматного мастера. Привычка преодолевать опасность закаляет и делает сильным[1].

---

[1] Уже начиная с VIII главы и особенно в последних главах (пребывание Виктора за границей) Ласкер почти полностью отождествляет себя с Виктором, приписывая ему свои слова, мысли и поступки, воспроизводя воспоминания многих эпизодов из своей жизни. Читатель, конечно, поймет, что высказываемые здесь мысли во многом характерны не для советского юноши Виктора, а для самого Ласкера.

Какое отношение это имеет к шахматам?.. Большое! Мастер не погибает от того, что получил мат, он погибает от деморализации. Он может быть деморализован, если не поймет духа времени. Понять стиль эпохи трудно, но необходимо. Неправильно понять его — вот в чем опасность.

Виктор начал прогуливаться по палубе. Видимость уменьшилась, океан казался не больше маленького озера. Беспрестанно выла сирена.

Хорошо, очень хорошо, что существует опасность. Иначе мастер был бы всезнайкой, а его игра — ловлей простаков. Отвратительная перспектива! А так — стремишься вперед... вместе с другими, стремящимися к прогрессу. За этой стеной тумана — мир!

На следующее утро светило солнце. Океан выглядел как необъятное зеркало. Навстречу шли пароходы, они шли туда, где он побывал. Он нашел там друзей и почитателей, а также врагов и мошенников. Ему пришло в голову, что он ни разу не видел картин Сардэна. А ведь Сардэн был добрым и искренним другом. Удивительные вещи бывают иногда в жизни!

Пароход пристал к берегу. Виктор купил газеты и книги. Теперь он опять может жить среди близких ему людей, они понимают друг друга.

Поезд медленно подходит к московскому вокзалу.

Виктор стоит у окна. Там, на платформе, встречают его друзья; вот Соня и ее сестра. Радостно и приветливо он машет им рукой... Хорошо жить и работать с этими людьми!

И. Майзелис. ЭММАНУИЛ ЛАСКЕР И ЕГО КНИГА

Чемпион мира — всегда явление исключительное. На каком-то отрезке времени он олицетворяет крайний предел человеческих возможностей.

Среди шахматных чемпионов прошлого наиболее значительной, яркой и многогранной личностью был Эммануил Ласкер, носивший свое звание двадцать семь лет — с 1894 по 1921 год. Возможно, не было особенно большим достижением то, что он занял шахматный трон, победив в двух матчах уже постаревшего Стейница. Но поразительны были уверенность и искусство, с какими он неизменно утверждал свое звание шахматного короля свыше четверти века.

Чтобы быть первым в плеяде ведущих гроссмейстеров, чемпиону мира необходимо владеть секретами чего-то нового, неведомого его соперникам. Чем глубже это новое, чем дольше оно остается неразгаданным, тем долговечнее чемпион на своем троне, подвергающемся постоянным атакам.

Что же нового дал Ласкер? Каковы особенности его стиля? Ответить на подобные вопросы далеко не просто. При отсутствии всесторонних и глубоких исследований ответы до сих пор остаются лишь частичными, не претендующими на полноту.

Метко было когда-то сказано: «Стиль — это человек». Каков человек, таков и его творческий почерк. Если мы хорошо будем знать Ласкера как человека, мы несколько приблизимся к пониманию его творчества.

Ласкер прожил большую, насыщенную событиями жизнь. О нем много писали, начиная с того времени, когда он стал чемпионом мира. Поэтому здесь достаточно будет ограничиться лишь основными фактами его биографии. Однако более подробно следует остановиться на его детских и юношеских годах, на том периоде, когда начинается становление человеческого характера и откладывается много такого, что оказывает влияние на всю последующую жизнь.

Факты из этого периода немногочисленны и малоизвестны. А ведь как интересно проследить путь Ласкера к мастерству, узнать, как он стал шахматным мастером и затем чемпионом мира.

•

Эммануил Ласкер родился 24 декабря 1868 года в небольшом городке, носившем несколько странное и иронически звучавшее название Берлинхен — (маленький Берлин). До «большого» Берлина можно было добраться по железной дороге за пять-шесть часов. Расположенный восточнее Одера, городок этот ныне находится в Польше и называется Берлинек.

В Берлинхене в то время насчитывалось семь тысяч жителей. Население было смешанным — поляки, немцы, евреи, литовцы. В базарные дни в город приезжали жители окрестных деревень, чтобы продать свои товары и сделать необходимые покупки. Случалось, наезжали цыгане. Для маленького Эмануэля жизнь была красочной и богатой впечатлениями.

Отец Ласкера — сын известного «рабби», то есть ученого, знатока истории и религиозных вопросов—был кантором и проповедником в местной еврейской общине. Давал он и уроки по общеобразовательным предметам. Добрый и мягкий, склонный к шутке, он был, как говорится, человеком не от мира сего, абсолютно далеким от житейских дел. Его скудный заработок едва позволял содержать семью. Детей же было четверо: два мальчика и две девочки, за старшим, Бертольдом, следовали две сестры, а младшим в семье — моложе Бертольда на восемь лет — был Эмануэль. Как водится в подобных случаях, бразды правления, мужественно борясь с лишениями, взяла в свои руки мать Ласкера, красавица Розалия, женщина более решительная и практичная, чем ее незадачливый муж. Эти черты ее характера передались обоим сыновьям. От отца же они унаследовали некоторую склонность к фантазии и мечтательности.

Окрестности Берлинхена были красивы. Край изобиловал лесами, озерами и речками. Постоянно слышался шум лесопилок — город жил своей деревообрабатывающей промышленностью. Много экскурсий в близлежащие леса совершил Эмануэль вместе с Бертольдом, очень любившим своего маленького брата. Поэтичный по натуре, Бертольд влиял на развитие мальчика. Эмануэль же просто боготворил его. Любовь к природе Ласкер сохранил на всю жизнь,

В пять лет Ласкер был бойким мальчуганом. В нем рано развилась самостоятельность.

Расхрабрившись, он как-то пришел к директору местной школы и заявил, что может отвечать на такие, например, вопросы: сколько будет 7×53 или 18×96. Ответы были правильны, но директор засомневался:

— Этим ответам тебя научили дома?

— Нет, нет! — запротестовал мальчик.— Вы можете задать мне более трудные вопросы.

Испытание прошло успешно и вызвало сенсацию. Впоследствии Эмануэль до одиннадцати лет учился в этой школе. Его учительница, дочь упомянутого директора, говорила, что у нее никогда не было более способного ученика.

Брат Ласкера, Бертольд, давно уже находился в Берлине, где, окончив гимназию, стал с 1881 года студентом медицинского факультета. Об этом надо рассказать подробнее.

Когда, по настоянию Бертольда, его отпустили учиться в Берлин, семья была слишком бедна, чтобы оказывать ему какую-либо помощь, и Бертольду предстояло самому обеспечивать себе пропитание и плату за учебу. Это были невыразимо трудные для Бертольда годы. Он пробавлялся случайными работами и домашними уроками, жестоко голодал, но упорно шел к своей цели.

И вот однажды Бертольду «повезло». Ему сообщили, что две дамы открыли неподалеку от центра Берлина «Чайный салон», где, между прочим, можно играть в шахматы и обучать игре новичков. Бертольд начал проводить там все вечера, и для него открылся новый источник дохода. Как обычно в кафе, партии игрались на ставку (очень небольшую), изредка бывали и ученики. Бертольду удавалось в иные вечера «заработать» целую марку.

Об этом он написал домой, и там решили, что Бертольд стал «богачом». Это обстоятельство сыграло в жизни Ласкера огромную роль. Дома пошли толки, что неплохо бы послать учиться в Берлин и маленького Эмануэля.

— Но кто же будет там для него готовить? — колебалась мать.

— Что значит — готовить? — возразил отец.— Мальчик ведь поедет туда учиться, а не есть. А кто будет о нем заботиться? Так для чего же у него существует старший брат!

Бертольд был счастлив иметь подле себя маленького Эмануэля. Но его финансовые возможности родители силь-

но преувеличили. Нужда стала еще острее. Прокормиться было трудно, на починку ботинок не хватало денег.

Но как бы то ни было, Эмануэль поступил в школу. Случилось так, что на вступительном экзамене ему предложили задачи, которыми он как раз занимался накануне. Он вообще был силен в математике, но тут его ответы были просто блестящими, и мальчика определили в класс, на два года превышающий положенный ему по возрасту.

Начавшаяся учеба длилась, однако, недолго. Мальчик заболел корью, и его поместили в больницу. И вот тут-то Бертольд, размышляя, чем ему развлечь скучающего брата, решил познакомить его с шахматами. Свершилось!

Игра понравилась Эмануэлю, и позднее он попросил брата достать ему какую-нибудь шахматную книгу. Однако нельзя сказать, чтобы шахматы сразу и целиком захватили двенадцатилетнего мальчика. Он не был вундеркиндом, как Капабланка, в одиннадцать лет ставший чемпионом Кубы, или Алехин, который в девятилетнем возрасте, побывав в Москве на сеансе одновременной игры знаменитого Пильсбери, форменным образом «заболел» шахматами и был одержим ими всю жизнь. Ласкер позднее рассказывал, что в первые три года он играл плохо и большинство партий проигрывал. Лишь ознакомившись с учебником Дюфреня [1] он заинтересовался шахматами, а по-настоящему (как он это понимает!) начал играть в шахматы с шестнадцати лет. Можно полагать, что в лучшем случае сила его игры соответствовала тогда нынешнему второму разряду.

Не шахматы привлекали в то время внимание Ласкера. Математика, физика, естественные науки — вот что интересовало его в первую очередь. Но как трудно было сидеть за книгами вечно голодному мальчику в полутемной и холодной комнате! Суровая пора. Но эта жизнь закаляла — вызывала чувство горечи и протеста, развивала упорство, собранность и выдержку.

Тоскливо было проводить в одиночестве все вечера в ожидании, когда вернется домой Бертольд. Кончилось тем, что и Эмануэль стал посетителем «Чайного салона». Там было тепло и светло, вблизи находился его Бертольд, можно было наблюдать за шахматными партиями, съесть пару

---

[1] Популярный в конце прошлого века и умело составленный учебник, в легкой и занимательной форме знакомивший с начатками дебютной теории и красивыми партиями старых мастеров.

дешевых булочек, чтобы если и не утолить, то хотя бы на время утихомирить постоянное чувство голода.

Интересные люди встречались в «Салоне». Видел там Эмануэль и Зигберта Тарраша, в то время такого же студента-медика, как Бертольд. Могли ли оба представить себе, как часто будут позднее пересекаться их жизненные пути!

Когда до Берлинхена дошли вести о «непутевой» жизни Эмануэля, в Берлин приехала мать Ласкера и переселила мальчика к знакомой женщине — далеко от «Чайного салона»; она добилась и перевода его в другую школу. Но к чему это привело?.. С питанием дело теперь обстояло еще хуже, а до «Салона» Эмануэлю приходилось совершать длительный путь пешком — на проезд-то пфеннигов не хватало! Днем он готовил дома уроки, а вечера, до поздней ночи, по-прежнему проводил в «Салоне». Он недоедал и недосыпал, но его жизненный и шахматный опыт безусловно обогащался.

Давайте отвлечемся на несколько минут и познакомимся, хотя бы бегло, с «шахматной жизнью» в «Салоне», типичной в то время для каждого кафе. Бертольд по житейской необходимости стал уже почти профессионалом. Кафе не было подходящим местом для длительных и серьезных партий. Здесь требовалось умение, что называется, с ходу оценить силу своего случайного противника и быстро разгромить его лихой, хотя бы и неправильной в своей основе, атакой.

Интересны воспоминания Бертольда об одной из таких партий, сыгранной им в 1881 году, когда он был студентом-первокурсником. Свою заметку в журнале он озаглавил: «Психологическое начало». В примечаниях к каждому ходу он добросовестно изложил свои мысли, мелькавшие у него в голове во время игры.

«Сижу я однажды в «Салоне» в послеобеденное время, просматриваю газеты. Ко мне подходит незнакомый юноша, называет себя и очень вежливо просит сыграть с ним партию. Не желая с места в карьер обидеть его предложением форы (то есть дачи какой-нибудь фигуры вперед), я предоставляю ему белые фигуры и решаю играть вначале сдержанно, пока не уясню себе его практической силы, а затем, если позволят обстоятельства, перейти к острой, «гусарской» игре.

	Белые	Черные
	Н. Н.	Б. Л.
1.	e2—e4	e7—e5
2.	Kb1—c3	. . .

Ого! Венское начало? Может быть, теоретик? Или случайный выбор хода? Подождем — увидим.

2.	. . .	Kb8—c6
3.	d2—d3	. . .

Это уже подозрительно. Вероятно, ему можно дать ладью вперед. Или он — осторожный игрок, предпочитающий закрытые дебюты?

3. ... Kg8—f6
4. b2—b3 ...

Ну ясно! По меньшей мере — «ладью вперед». Свернем-ка на путь забавных комбинаций.

4. ... d7—d5
5. Cc1—g5 ...

Конечно!

5. ... d5 : e4
6. Kc3 : e4 Kf6 : e4

«Ах ты, наивный голубочек!»

7. Cg5 : d8 ...

На момент опешив, он немедленно берет ферзя. Итак, «жадный» игрок, и вряд ли он любит, чтобы его фигуры оставались под ударом. Возможно, это потом пригодится для комбинации.

7. ... Cf8—b4+
8. Kpe1—e2 Ke4—c3+
9. Kpe2—e1 Kc6—d4

Авось удастся чего-нибудь добиться.

10. Фd1—d2 ...

Ферзя он спас. Если предоставить ему темп, он попытается спасти и слона.

10. ... Cc8—g4
11. Cd8—g5 Kc3—e4

Удивленный взгляд, но он не может противостоять искушению.

12. Фd2 : b4 Kd4 : c2×

«Ах, простите! Мне не нужно было брать слона. Не дадите ли вы мне ход обратно?» — «Пожалуйста». Ферзь и слон ставятся на свои места.

12. d3 : e4 ...

Второй, продиктованный «жадностью» вариант.

12. ... Kd4 : c2×

Мой несколько обескураженный противник благодарит за партию. Урок пошел ему на пользу. Он начал изучать теорию, стал играть много сильнее, но жадным к материальным завоеваниям он остался навсегда, хотя впадал иногда в другую крайность, расточительно жертвуя фигуры».

Пустяковая партия, но кое-чему она учит. Бертольд был шахматным учителем и воспитателем Эмануэля. Показывая ему приведенную выше короткую партию, как и многие другие, он, естественно, объяснял разницу между правильной и «ловушечной» игрой, учил здоровой стратегии, умению правильно комбинировать и даже, как показывает этот пример, начаткам «психологического» метода борьбы. А Эмануэль был понятливым учеником!

Ненормальный, по мнению родителей, образ жизни Эмануэля в Берлине не сулил ничего хорошего, и они предприняли решительный шаг — перевели его для завершения среднего образования в небольшой город Ландсберг, где он провел два с половиной года. О шахматах пришлось временно забыть. Хотя Эмануэль всегда преуспевал в математике, ему, зачисленному в свое время в школу на два класса выше, требовалось подогнать отставание по другим предметам.

Единственным шахматным партнером Ласкера, да и то крайне редко, был его учитель математики, некий Кевиц. Последний, когда Ласкер стал знаменитостью, опубликовал свои воспоминания о нем:

> На выпускном экзамене Ласкеру надо было за пять часов решить четыре довольно сложные задачи по математике. Но уже за два часа он справился с заданием. Сразу уловив суть каждой задачи, он писал решение набело, без черновиков. «Ну, так легко ты не отделаешься», — подумал я и дал Ласкеру дополнительное задание, еще более сложное. Ласкер в положенное время справился и с ним, в результате чего был даже освобожден от устного экзамена. Хотел бы еще отметить, что он больше блистал в арифметике, нежели геометрии, на редкость плохо рисовал, но обладал необыкновенным комбинационным дарованием. Работал он дома неровно: то ничего не делал, то просиживал ночи напролет. Школьные оковы тяготили его. Я советовал ему не отдавать много времени шахматам, когда он станет студентом. Но что могли значить мои советы для человека, жившего в такой острой материальной нужде! Уже тогда я заметил в нем черты пробуждавшегося честолюбия.

Весной 1888 года Ласкер окончил школу, вернулся в Берлин и осенью поступил на математический факультет университета. Брат Бертольд, завершив учебу на медицинском факультете, уехал на год в Эльберфельд для прохождения практики. Чтобы закончить о Бертольде: он стал хорошим врачом с научным уклоном, открыл новый метод лечения и предупреждения тромбозов, который вначале не признавался, но затем стал общепринятым. Впоследствии имел свою поликлинику, от шахмат же практически полностью отошел.

После ландсбергского отрыва от шахмат Ласкер с большим увлечением принялся за их изучение. Кроме «Салона», он начал бывать в шикарном кафе «Кайзергоф», хотя и стыдился своего поношенного костюма и стоптанных башмаков. С благодарностью Ласкер вспоминал впоследствии о мастерах, которые изредка удостаивали его чести сыграть с

ним партию-другую. Однажды сам Тарраш сыграл с ним две партии, давая ему коня вперед. Одна закончилась вничью, вторую выиграл Тарраш. Позднее в других двух партиях Ласкер сыграл успешнее: одну проиграл и одну выиграл. Но, видимо, как у сказочного богатыря, силы его в этот период росли не по дням, а по часам.

Как-то зимой 1888/89 года посетители кафе «Кайзергоф» надумали организовать турнир, причем так, что каждый участник вносил талер, а собранная сумма составляла приз победителю. Не очень веря в успех, Ласкер принял участие в турнире и, к собственному удивлению, как он позднее рассказывал, занял первое место, выиграв все партии.

Ни одной партии из этого турнира не сохранилось.

Завоеванный приз на короткое время подкрепил мизерный бюджет Ласкера. Нашелся также благотворитель, который ежемесячно давал ему десять марок (причудливы доро́ги судьбы — через двадцать лет Ласкер стал мужем его дочери). Были у Ласкера и частные уроки. Но жизнь по-прежнему была голодной, учиться в университете было трудно.

В июле 1889 года Ласкер принял участие в гаупт-турнире Германского шахматного союза в Бреславле. Такие турниры происходили одновременно с очередным международным турниром мастеров и представляли единственную по тем временам возможность получить звание международного мастера. Победа далась Ласкеру нелегко, но заветная цель была достигнута.

А в проводившемся одновременно международном турнире первое место занял Тарраш. Дистанция между ними казалась огромной.

Победа в гаупт-турнире открывала путь к международным соревнованиям, и уже в августе Ласкер получил приглашение на турнир в Амстердам, где он впервые встретился с мастерами. Боевое крещение Ласкер выдержал успешно, заняв второе место. На этом турнире он, между прочим, выиграл у Бауэра красивой и оригинальной комбинацией с жертвой обоих слонов. Партия обошла всю мировую шахматную печать, а комбинация стала объектом подражания и не раз встречалась в позднейших турнирах.

Начало известности Ласкера было положено. Чего ему не хватало — это окончательной шлифовки, сотни-другой турнирных и матчевых партий, опыта международных встреч,

борьбы с мастерами разного стиля при разнообразнейших ситуациях на шахматной доске.

Подгоняемый, быть может, честолюбием и уж во всяком случае нуждой, Ласкер принял решение временно прервать свои занятия математикой и посвятить некоторое время исключительно шахматам.

Турниров пока не предвиделось, и Ласкер начал играть серию небольших матчей. Эта форма соревнований ему нравилась и, между прочим, выявила и укрепила его талант в «психологической» борьбе. Не раз случалось, что Ласкер начинал соревнование с посредственным результатом, но, одновременно учась у противника и изучая его, постепенно добивался превосходства и затем уверенно оставлял его далеко позади.

До осени 1890 года Ласкер выиграл несколько небольших матчей, поделил с братом Бертольдом первое место на турнире в Берлине, но оказался третьим в Граце, после чего целый год не выступал. Он возобновил занятия в Берлинском университете, а лекции некоторых профессоров слушал в Гёттингене.

Летом 1891 года Ласкер получил хорошо оплачиваемую работу на промышленной выставке в Лондоне, где проводил главным образом сеансы одновременной игры с посетителями. Сыграл также несколько матчей. Из первых заработков он послал двести марок родителям в Берлинхен, а вскоре помог им переселиться в Берлин. Отец Ласкера уже был не у дел, но, верный своему характеру, в шестьдесят лет принялся за изучение латинского и греческого языков.

Ласкер временно задержался в Англии. В 1892 году он, можно сказать, разгромил всех лучших английских мастеров, одержав победу в двух турнирах и выиграв матчи у Блэкберна (+6, —0, =4) и Берда (+5, —0, =0). Ласкер мечтал о матче с Таррашем, однако на его вызов последовал высокомерный отказ, смысл которого сводился к тому, что молодой человек должен сперва одержать победу на большом международном турнире, прежде чем посылать вызов ему, Таррашу. По-своему Тарраш был прав, но, бесспорно, ему следовало быть вежливее. А практически, находясь в блестящей форме, он, возможно, упустил хороший шанс проучить дерзкого претендента — шанс, который, по вероятному соотношению их сил в то время, уже больше

не повторился. Так было положено начало антагонизму Ласкер — Тарраш.

В октябре 1892 года Ласкер был приглашен Манхаттанским шахматным клубом в Нью-Йорк. Он выиграл там ряд матчей, давал сеансы, а победив в 1893 году сильнейшего американского мастера Шовальтера (+6, —2, =1), послал в мае вызов чемпиону мира Стейницу. Это был хорошо продуманный «ответный ход» Ласкера на не забытую им заносчивую отповедь Тарраша.

Стейниц не возражал против матча. Он никогда не отклонял вызовов. Игру Ласкера он считал интересной, а в собственной силе не сомневался. Он, правда, высказал мнение, что неплохо было бы Ласкеру победить еще в одном турнире, и принялся за обеспечение финансовой стороны дела — своей ставки в матче. Этого он достиг легко, чего никак нельзя сказать о Ласкере. «Он, конечно, сильный шахматист,— полагали многие,— но, пожалуй, еще слишком молод, чтобы надеяться выиграть у великого Стейница, непобедимого в течение двадцати семи лет».

Ласкеру пришлось предпринять продолжительную поездку по Америке с лекциями и сеансами.

В сентябре 1893 года он, выполняя пожелание Стейница, принял участие в Нью-Йоркском турнире, где выиграл все тринадцать партий, обогнав следовавшего за ним Альбина на четыре с половиной очка. Этот удивительный результат значительно укрепил его спортивную репутацию, и финансовое обеспечение матча вскоре было завершено.

Матч со Стейницем начался 15 марта 1894 года и продолжался свыше двух месяцев. Победа далась Ласкеру вовсе не так легко, как многие себе представляют. В первых шести партиях Стейниц играл очень собранно и аккуратно, во всех он добился «теоретически лучшего положения».

Но сразу же вступила в действие специфика ласкеровского метода борьбы. Разница в возрасте (Стейницу было пятьдесят восемь лет, Ласкеру — двадцать шесть), по крайней мере в начале матча, возможно, не имела еще особого значения, но все же Ласкер был упорнее, выносливее, находчивее своего противника, лучше понимал его психологию, был более гибким и хладнокровным тактиком, создавал головоломные осложнения — короче говоря, ставил Стейница перед утомительнейшими препятствиями.

Результат первых шести партий был: +2, —2, =2, но

затем Стейница, уже утомленного небывалым сопротивлением, постигла катастрофа — он проиграл пять партий подряд. Исход матча был предрешен: играли до десяти выигранных партий. Правда, Стейниц еще пытался собраться с силами, делал ничьи, изредка выигрывал, но и Ласкер одержал еще две победы.

В последний раз Стейниц блеснул в 17-й партии, быть может лучшей в матче, но затем проиграл десятую партию, и Ласкер одержал победу со счетом +10, —5, =4.

26 мая 1894 года, после проигрыша в 19-й партии, Стейниц поздравил Ласкера с победой и провозгласил троекратное «ура» в честь нового чемпиона мира.

Всего пять лет понадобилось Ласкеру для этого достижения. Но еще долгих пять лет потребовалось для того, чтобы шахматный мир фактически признал его «королем».

●

Новый чемпион мира вернулся в Европу. Здесь его успех оценивался не очень высоко — у старика Стейница, вероятно, могли бы выиграть матч и другие. Несомненно — Тарраш, возможно — Чигорин. Но прежде всего — Тарраш, который в период с 1888 по 1894 год показал совершенно беспримерные успехи — пять первых призов в крупнейших международных турнирах.

Кто же является не формальным, а действительным чемпионом мира?

Для ответа на этот вопрос в Гастингсе был организован в 1895 году грандиозный турнир с участием всех претендентов. Одни считали вероятным победителем Тарраша, другие — Ласкера. Против ожидания им чуть было не оказался Чигорин, который сорвался лишь на партии с Яновским и перепутал этим все шансы призеров. Фактически же победу одержал выдвинувшийся как новый претендент молодой Пильсбери: 1. Пильсбери — 16 1/2; 2. Чигорин — 16; 3. Ласкер — 15 1/2; а затем (с интервалом в полтора очка!) 4. Тарраш — 14; 5. Стейниц — 13. Вопрос о «сильнейшем» не только не разрешился, но еще более запутался.

Самолюбивый Тарраш пережил большое потрясение. Он, правда, выиграл в личной встрече у Ласкера, но встал в турнирной таблице ниже. В статье о турнире он метнул

свою ядовитую стрелу: «Ласкер впервые показал, что он действительно очень сильный шахматист». Интересная дуэль Ласкер — Тарраш, окрасившая все шахматные события ближайших лет, начала разгораться.

В декабре 1895 года — январе 1896 года в Петербурге был возобновлен оставшийся нерешенным в Гастингсе вопрос: кто же, в конце концов, сильнейший? Был приглашен Пильсбери, но Тарраш от участия отказался, сославшись на занятость врачебной практикой. (Возможно, он побоялся столь резко, в упор поставленного вопроса и предпочел иную тактику для организации в будущем своего матча с Ласкером. Этого матча теперь уже вынужден был добиваться он, Тарраш.) С этого Петербургского четвертного матч-турнира (каждый против других участников играл по шесть партий) началось стремительное восхождение Ласкера. Результаты: 1. Ласкер — 11 1/2; 2. Стейниц — 9 1/2; 3. Пильсбери — 8; 4. Чигорин — 7.

В 1896 году на турнире в Нюрнберге все претенденты встретились снова, на этот раз — и с Таррашем. Результаты: 1. Ласкер — 13 1/2; 2. Мароци — 12 1/2; 3 и 4. Пильсбери и Тарраш — по 12; 5. Яновский — 11 1/2; 6. Стейниц — 11 (Чигорин разделил 9 и 10-е места). В личной встрече Ласкер выиграл у Тарраша. Реванш состоялся!

В том же году Ласкер выиграл второй матч у Стейница.

Претензии Тарраша были временно сокрушены, и Ласкер, прервав на длительный срок свои выступления, закончил наконец в Гейдельберге математический факультет.

Тарраш после неудачи в Нюрнберге не успокоился, но дуэль Ласкер — Тарраш начала теперь принимать своеобразные формы. Непосредственно они не встречались в турнирах (каждый отклонял свое участие, когда становилось известно, что в турнире будет играть соперник), но свои успехи — борясь за общественное мнение — они всегда косвенно нацеливали один против другого.

В 1898 году Тарраш взял первый приз на большом двухкруговом турнире в Вене. Это был «турнир-монстр» — Таррашу пришлось сыграть тридцать шесть партий, а кроме того, еще четыре «решительные» партии с Пильсбери.

На успех Тарраша Ласкер ответил блестящей победой в Лондонском турнире 1899 года, набрав 23 1/2 из 28 возможных и обогнав следовавших за ним Мароци и Пильсбери на 4 1/2 очка. Затем Ласкер одержал еще победу в Париже

в 1900 году (14 1/2 из 16). Шахматная гегемония Ласкера была установлена — король прочно утвердился на своем троне.

Снова Ласкер прерывает свои выступления, усиленно занимается научной работой и блестяще защищает свою докторскую диссертацию в Эрлангене в 1902 году. Главная жизненная цель Ласкера достигнута!

Тем временем в дуэли Ласкер — Тарраш, как припомнит читатель, ход оставался за Таррашем. Неудачно сыграв в 1902 году в Монте-Карло, он затем победил там же в 1903 году, а осенью 1905 года выиграл матч у Маршалла (+8, —1, =8).

Ласкер, относительно неудачно сыгравший в 1904 году в Кембридж-Спрингсе (второе место после Маршалла), вынужден был дать согласие на матч с Таррашем. Однако намечавшаяся на 1905 или 1906 год встреча не состоялась — Тарраш попросил об отсрочке, сославшись на то, что, катаясь на коньках, повредил ногу.

Тогда Ласкер в 1907 году принял вызов Маршалла, взявшего в 1906 году в Нюрнберге первый приз. Ласкер выиграл матч со счетом +8, —0, =7, превзойдя, хотя это казалось невероятным, даже результат Тарраша полтора года назад. (Снова очко в пользу Ласкера.) Но Тарраш добился реванша, взяв первый приз в Остенде в 1907 году, и долгожданная встреча Ласкер — Тарраш наконец состоялась в 1908 году. Ласкер победил с внушительным перевесом: +8, —3, =5. Дуэль закончилась. Был побежден не только Тарраш, кончилась, можно сказать, и вся его эра.

Отдадим должное Таррашу. В свои лучшие годы он был выдающимся гроссмейстером. Популяризатор шахматных идей Стейница, он во многом продолжил и развил его учение, высказал ряд здравых суждений о шахматной стратегии. На его трудах и партиях воспитывались поколения шахматистов. О преданности шахматам говорит его следующее высказывание: «Я испытываю сожаление к людям, не знающим шахмат, как бывает жаль человека, не изведавшего чувство любви. Как любовь, как музыка, шахматы обладают способностью делать человека счастливым».

Стремясь доказать на практике правоту высказанных им взглядов, Тарраш был предельно логичен и последователен. Однако он не мог понять, что шахматная действительность многообразнее и шире его прямолинейных теоретических построений, что наряду с разработанной им системой игры возможны и другие методы. Свои утверждения он считал правильными всегда и при всех обстоятельствах, слепо проходя мимо исключений и противоречивых примеров, выдвигавшихся иногда практикой.

— Знаете ли, доктор? Про вас говорят, что вы догматик,— сказал как-то Таррашу один из его друзей.

— А как же иначе! — недоумевающе ответил Тарраш.— Наука должна защищать свои положения.

Ласкер был человеком другого склада, полной противоположностью Тарраша. Их борьба носила не только спортивный характер, но была и борьбой убеждений. В шахматах Ласкер был скептиком, ничего не принимал на веру. Взгляды Тарраша не казались ему убедительными — он видел определенную их узость и ограниченность. Если Тарраш проповедовал теорию «единственных, лучших» ходов в любой позиции, то Ласкер понимал, что это только стремление к недостижимому идеалу и что на практике сплошь и рядом возможен выбор из нескольких равноценных ходов, а это было существенно, так как позволяло варьировать игру по своему усмотрению.

Если Тарраш требовал педантичного следования своим методам, то Ласкер находил, что «самое строгое следование теоретическим требованиям не особенно вознаградит вас, а за некоторые отступления вы не будете слишком наказаны».

Если Тарраш пугал ослушников тем, что они попадут в стесненное положение, то Ласкер не видел здесь оснований для боязни. Он был неизмеримо шире Тарраша, трепетавшего перед им самим воздвигнутыми догмами, и вполне понятно, что более реалистичные взгляды Ласкера должны были одержать победу.

После выигрыша матча у Тарраша и победы (вместе с Рубинштейном) на Петербургском турнире 1909 года Ласкер начал отдавать много времени математическим и философским работам.

В 1911 году Ласкер женился. Он подолгу жил на своей даче в Тырове, и здесь его увлекла неожиданная идея — заняться фермерской деятельностью. Хозяйственником он оказался плохим. Доверчивый по натуре, он полагался на людей, которые его бессовестно обманывали. Затея быстро окончилась полным провалом. «Выращенный картофель своей величиной походил на горох,— вспоминала фрау Марта.— Я просто не знала, смеяться мне или плакать».

Шахматные выступления Ласкера стали крайне редкими, и хотя он порой еще демонстрировал феноменальные достижения, в его игре начала проявляться некоторая спортивная неровность. Выступая с большими, со временем все более увеличивавшимися интервалами, без достаточной практики, он обычно начинал соревнования неудачно, лишь постепенно разыгрываясь и обретая свою былую форму.

До конца жизни Ласкер сохранил свежесть ума, но для спортсмена губительна старость. Каждый мастер неизбежно проходит когда-то через свой зенит. Вершиной для Ласкера были, пожалуй, турниры в Лондоне (1899 год) и Париже

(1900 год). Своих наивысших успехов он достиг в период с 1894 по 1909 год, а турнир в Петербурге 1914 года можно назвать его «лебединой песней». Начался медленный и малозаметный спад. Малозаметный, так как Ласкер дал пример небывалого спортивного долголетия.

Уступив в 1921 году шахматный трон Капабланке (он проиграл матч в состоянии большой душевной усталости, почти обреченности, не проявив ни в одной партии инициативы и выдумки, то есть своего обычного боевого стиля), Ласкер еще раз изумил шахматный мир своими успехами в 1923—1925 годах — победой в Моравской Остраве в 1923 году, где он строго проэкзаменовал новое поколение мастеров с его частично правильными, но несколько шумливыми тенденциями в игре (так называемый «гипермодернизм»), и особенно в Нью-Йорке в 1924 году, где он уверенно встал выше Капабланки и Алехина.

На Московском международном турнире 1925 года, где Ласкер занял второе место (все же выше Капабланки), ему было уже пятьдесят семь лет. В последний раз успешно сыграл в Москве в 1935 году этот, по выражению поэта А. Безыменского, «шестидесятисемилетний рыцарь шестидесяти четырех полей».

Судьба отмерила ему после этого всего лишь пять лет жизни. Ласкер умер 13 января 1941 года.

•

Подведем некоторые итоги. Ласкер был необыкновенным явлением. Ему удивлялись гроссмейстеры. Эйве назвал Ласкера гением. Алехин сказал, что без Ласкера он не был бы тем, кем стал. Ласкера считали неповторимым феноменом. Отмечали, что он не создал школы, не имеет продолжателей; частично объясняли ряд его игровых приемов. Но можно утверждать, что и до сих пор Ласкер не понят во всей его глубине. Что бы ни говорили, он все же оказал большое влияние на свою эпоху, и это влияние будет еще увеличиваться по мере действительно серьезного и глубокого изучения его партий, а главное — восприятия всей суммы высказанных им суждений о шахматах, имеющих широкое основополагающее значение.

Характерны некоторые мысли гроссмейстера Видмара— верного ученика Тарраша,— изложенные им в 1961 году:

Ласкер показал невероятные турнирные успехи. За шахматной доской он был страшным противником. С ним никогда нельзя было чувствовать себя уверенным. У его великого соперника, Тарраша, можно было многому научиться, так как в конце концов он создал целую систему разыгрывания миттельшпиля. От Ласкера же никогда нельзя было чему-нибудь научиться. Причина проста: нельзя изучать внезапные идеи и научиться им. А игра Ласкера была настолько полна внезапных идей и головоломных осложнений, явно базировавшихся на собственной огромной шахматной мощи, что и по сей день вряд ли кто-нибудь превзошел его «большие» партии... Ласкер был подлинным шахматным художником со всеми достоинствами и, быть может, недостатками, присущими настоящему художнику. По моему мнению, он был величайшим шахматистом из всех, когда-либо живших на земле.

Много было аналогичных высказываний о Ласкере, но обратите внимание на попытку объяснить игру Ласкера исключительно «внезапными идеями».

В то время когда о Ласкере складывались легенды, например, о его якобы «гипнотическом» влиянии на противников, он на конкретном шахматном примере показал, в чем заключается суть проблемы, решительно протестуя при этом, что здесь могло иметь место «какое-то колдовство, внушение и тому подобная чертовщина».

Точно так же Ласкер мог бы доказать, что «внезапные идеи» (вспышки ума, озарения), как называл их Видмар, в действительности являются не чем иным, как логическими выводами, сделанными им на основе тщательного изучения позиции и всех обстоятельств, сопутствовавших в тот момент борьбе (ибо для Ласкера имела значение не только позиция).

Ласкер словно бы изучил шахматы раз и навсегда. Как немногие, он понимал их сокровенную суть и законы шахматной борьбы. Он не чувствовал себя связанным никакими теориями и догмами. Приверженцы разных теорий и обобщений, по его мнению, утрачивали взгляд на частное, становились рабами собственных доктринерских утверждений. Ласкер глубже и шире понимал язык позиции, ее многообразную и изменчивую динамику, не теряя взгляда на единичное и неповторимое в ней.

Но мало того, это всеобъемлющее и глубокое знание органически сочеталось в нем с изощренной, еще не виданной до того спортивностью, с его необыкновенным талантом игрока-практика.

Решающим фактором в борьбе была не только и не просто позиция, а понимание ее динамики и ее трактовка, то есть способ ее разыгрывания. Огромное значение в связи

с этим приобретала личность противника, его человеческие качества и недостатки, его стойкость и уязвимость, короче говоря — психология борьбы.

Когда Ласкер, говоря о Стейнице, сказал, что тот был побежден игроком-практиком, он упрощенно выразил только суть своей мысли, отметив, в чем Стейниц был недостаточно силен. В действительности же в мыслителе Стейнице было немало игрока-практика, а в игроке-практике Ласкере — очень много мыслителя. Но у Ласкера это сочетание было органичным, Стейниц же принципиально отказывался признавать иные факторы, кроме позиции.

Ласкер отвергал теорию «единственных, лучших» ходов Тарраша и страх последнего перед «стесненными» позициями. Известно было, что Ласкер изобретательно играл в миттельшпиле, виртуозно в эндшпиле, но часто не лучшим образом разыгрывал дебюты. В результате он не раз оказывался в стесненных положениях и некоторое время защищался, добиваясь уравнения игры и получения контршансов.

Главным для Ласкера была суровая, бескомпромиссная борьба. Напрасно было бы искать в его партиях так называемых «гроссмейстерских ничьих». Невозможно даже представить себе, что Ласкер пятнадцать — двадцать ходов станет разыгрывать некий теоретический вариант, следуя каким-то «известным образцам» и вспоминая при этом, как на том или ином ходу сыграли другие и к чему это привело. Подобная игра просто претила ему. Он, конечно, начинал с теоретических вариантов, многократно им проверенных, таких, где он был уверен в логической целесообразности ходов обеих сторон. Но при первой же возможности он отклонялся от них и — с учетом стиля своего противника — начинал борьбу на непроторенных путях, не опасаясь того, что у противника, возможно, окажется на первых порах позиционное преимущество.

Ласкер глубоко верил в оборонительные ресурсы позиции. Необходимо было усиливать ее, избегать экстравагантных ходов, сохранять позицию здоровой и жизнеспособной, и тогда она таила в себе огромные возможности защиты, которые надо было только найти, которые не могли не найтись в критические моменты борьбы.

Ласкер любил рассказывать следующий анекдот. Врач признал больного неизлечимым, и тот обратился к другому

врачу, который поставил его на ноги. Полгода спустя пациент встречает своего первого врача. Врач обрадован и удивлен: «Как, вы еще живы? Кто же лечил вас?» — «Доктор Шмидт».— «Так я и думал! Эдакий халтурщик! — говорит врач.— При *правильном* лечении вас ничто не спасло бы!»

— Вы понимаете? — добавлял, смеясь, Ласкер.— При правильных, рутинных продолжениях спасения нет. Значит, надо играть «неправильно»!

При наличии выбора Ласкер считал плохими ходы, которые преследуют лишь чисто оборонительные цели. Предпочтение надо было отдавать таким, в которых таилась возможность контратаки. Его защита была экономичной, как экономичным было все его мышление. Ласкер принципиально отвергал излишнюю, по его мнению, затрату большой умственной работы на перебор и расчет многочисленных вариантов, если, конечно, они не были форсированными. В борьбе важнее всего было сохранять свежесть и находчивость, полагаясь на неистощимые ресурсы позиции.

Размышления Видмара о «внезапных идеях» Ласкера ценны только как признание того, что для Видмара многие ходы Ласкера оказывались неожиданными. У Видмара было другое понимание позиции и ее трактовки. А кто был прав?..

Конечно, у Ласкера бывали и ошибки. Позднейшие анализы его партий доказывали, что где-то он мог сыграть лучше. Но подчас аналитики не учитывали сопутствовавших борьбе факторов и специфической манеры игры Ласкера против определенных противников в определенной спортивной обстановке, и даже не всегда против конкретных противников, а против определенного склада психики вообще. Именно это делало Ласкера таким грозным противником.

Видмар как-то признался, что, когда он впервые встретился с Ласкером (Петербург, 1909 год), он заранее считал себя обреченным, избрал плохой вариант и быстро проиграл. Когда у гроссмейстера Мароци после трех его блестящих побед в международных турнирах 1904—1905 годов спросили, почему он не подумывает серьезно о борьбе за мировое первенство, тот убежденно ответил: «Бесполезно. Ласкера победить невозможно!»

Ласкер освободил учение Стейница от догм, придал ему цельность, углубил его, открыл перед ним далекие гори-

зонты. Он руководствовался психологическим методом борьбы (хотя далеко не во всех его партиях это ощущалось!), но, разумеется, в первую очередь его интересовала логика борьбы. Он считал, что «сильное — в то же время и красиво». Сильное в шахматах — это правильное; следовательно, Ласкера увлекала красота истины. Художник и борец, он «дерзал стремиться к максимуму достижимого». Много глубоких мыслей изложил Ласкер в своем «Учебнике шахматной игры». Ясно раскрывается его понимание шахмат в слудующем высказывании:

> Сохранять в памяти следует не выводы, а методы. Метод — эластичен... Вывод, так как он связан с известными конкретными условиями, всегда является чем-то застывшим. Метод порождает выводы в большом количестве; некоторые из них врезываются в память, но они должны служить лишь для пояснения и сохранения жизнеспособности правил, которые систематизируют и объединяют тысячи выводов. Вот такими полезными, важными выводами нужно время от времени пополнять свою память... Но это выводы, которые стоят в живой связи с правилами, с правилами, которые опять-таки найдены благодаря живым методам, то есть, короче говоря, весь этот процесс должен быть жизненным.

Мы видим, что мышление Ласкера было передовым, диалектическим. Нельзя определять стиль Ласкера одним лишь психологическим подходом к борьбе — это обедняет характеристику его творчества; подчас это лишь ярлык, который якобы все объясняет, а по существу обходит все другие особенности его универсального стиля.

В наше время больших успехов в конструировании электронных машин высказываются иногда мнения, что через десять — пятнадцать лет машина будет обыгрывать человека. Конечно, состязаться с машиной в памяти будет трудно. Но возникает вопрос, не перечеркнет ли машина психологический стиль Ласкера? Машина ведь будет, по Таррашу, искать «единственный, лучший» ход в позиции; значит, против этого психологические соображения должны оказаться бессильными. Однако, с другой стороны, программирование машины — это ведь дело человеческого ума, человеческой психики. Машина получит указания, как действовать в определенной обстановке. В одинаковых ситуациях она будет всегда делать одинаковые ходы. Она будет хотя и осторожной, но узконаправленной на «завоевание

материала». А в таком случае диалектический метод Ласкера найдет способы обойти затруднения и восторжествовать над догматичной, застывшей «психикой» автомата.

●

Описание жизни Ласкера автору этих строк хотелось бы дополнить еще и другими фактами, а также личными воспоминаниями.

Ласкер был доктором философии, математиком. Мне всегда хотелось услышать авторитетное мнение о том, чего он достиг в этой области. И случай к этому представился. После Московских международных турниров 1935 и 1936 годов Ласкер, живя тогда уже постоянно в Москве, представил Академии наук СССР свою работу по теории чисел. Один из виднейших советских математиков, академик, в беседе за шахматной партией сказал мне о работе Ласкера, что если оставить в стороне вступление и оценивать ее только с чисто математической стороны, то это безусловно очень хорошая и ценная работа.

Альберт Эйнштейн, автор общей и специальной теории относительности, писал в 1952 году, что Ласкер был, без сомнения, одним из интереснейших людей, с которыми он встречался в свои поздние годы.

У Ласкера были возражения против специальной теории относительности, и Эйнштейн, отметив, что острый аналитический ум Ласкера сразу уловил, в чем заключается суть проблемы, вынужден был признать, что кое-что продолжает оставаться здесь спорным. По мнению Эйнштейна, шахматы были для Ласкера скорее профессией, чем жизненной целью. Он стремился к научному познанию и красоте, отличающей логические творения.

Наиболее интересной из его книг Эйнштейн считал «Философию незавершенности» (или точнее — не поддающегося завершению). Это жизнеутверждающая книга. Основная мысль ее та, что в познании ничто не поддается окончательному завершению, но обязанность человека — всегда ставить перед собой новые задачи и идти к новым целям. Как ни оценивать философские работы Ласкера, надо признать, что они проникнуты оптимизмом, верой в человека, в разум, в прогресс.

Всем ли известно, что Ласкер испробовал себя и в драматургии? В 1926 году в Берлине шла в постановке Рейнгардта драма Ласкера, над которой он работал несколько лет вместе с братом Бертольдом. В этой философской драме — глубокой и умной — было слишком мало «зрелищного», чтобы она могла иметь длительный театральный успех.

Ласкер не занимался специально вопросами политики и социологии, но он никогда не стоял в стороне от живой действительности.

В сентябре 1917 года Ласкер посетил Будапешт. Во время приема ему шутливо сказали, что «шахматный народ приветствует своего короля». На это Ласкер с поразительной по тем временам смелостью (вспомните: в Вене еще находился Франц Иосиф, а в Берлине — Вильгельм Второй!) ответил, что ему представляется малозаманчивым быть королем в период явного кризиса монархической идеи. Русская революция, сказал он, потрясла нашу эпоху в ее глубочайших основах, и то, что началось в России, изменит хозяйственную, моральную и культурную жизнь земного шара в такой степени, какую мы сейчас даже не в состоянии себе представить.

Это удивительное высказывание оторопевшие слушатели пытались позднее истолковать как некое «чудачество». Но как ясно оно говорит о широте его кругозора, о том, как Ласкер умел видеть мировую перспективу и глубинные процессы жизни. Об этом свидетельствует еще также и тот факт, что уже в 1928 году, то есть за несколько лет до появления «коричневой чумы», Ласкер издал свою брошюру «Культура в опасности».

В обхождении с людьми он был необыкновенно прост. Вас встречали живые, приветливые, добрые глаза. Легко и непринужденно завязывалась беседа. Вам и в голову не приходило, насколько эти умные глаза проницательны, как глубоко Ласкер уже успел за несколько минут постичь вас. Он, говоривший с Эйнштейном о сложнейших вопросах, вел беседу с любым человеком и о чем угодно на уровне его понимания, ни в чем не проявляя своего превосходства.

Он не подыгрывал, и не было у него никакой надобности подлаживаться к собеседнику. Он просто не мог иначе — это была его вторая натура. Ему необходимо было понимать своего партнера — своеобразная тренировка, которой он занимался всю жизнь.

Советские шахматисты очень любили Ласкера. Им была по душе его постоянная юношеская бодрость, его темперамент неукротимого, бескомпромиссного борца.

Перед началом Московского международного турнира 1925 года мы (группа его организаторов) навестили Ласкера в гостинице «Националь», спросили, удобно ли он устроился и, конечно, поговорили о шахматах.

Мастер Григорьев показал свой новый, еще не опубликованный этюд и предложил Ласкеру попробовать решить его. Сложные и тонкие пешечные этюды Григорьева уже тогда пользовались известностью в шахматном мире.

Ласкер задумался над позицией, потом сделал ход и вопросительно посмотрел на Григорьева. Тот кивнул и сделал ответный ход. «Удивительно,— сказал он нам шепотом,— как он сразу встал на верный путь! Никто, кому я показывал этюд, не находил правильного первого хода».

Но удивление его начало нарастать, когда Ласкер довольно быстро нашел второй, третий и четвертый ходы решения.

«Неужели мой этюд так легко решается?» — поскучнел Григорьев. Но вот на пятом ходу Ласкер сбился с правильного пути. «Это ложный след,— сказал Григорьев,— теперь белым не выиграть». Он показал опровержение. «Показывайте дальше»,— сказал «споткнувшийся» Ласкер, и Григорьев продемонстрировал заключительные эффектные ходы решения, пояснив их двумя-тремя краткими вариантами. Ласкеру не надо было долго объяснять, что к чему. Он сразу охватил всю глубину творческого замысла.

Ласкер молча встал, шагнул к приподнявшемуся навстречу Григорьеву, пожал ему руку, а затем, порывисто наклонившись, поцеловал его. Это выглядело несколько старомодно, но необыкновенно трогательно.

Какую же любовь к своему искусству, какую свежесть и непосредственность в восприятии нового, наряду с искренним признанием заслуги другого художника, раскрыл перед нами Ласкер — человек, казалось бы, все перевидавший на шахматной доске,— чтобы так благодарно и взволнованно отреагировать на показанный ему миниатюрный шедевр!

Особенно часто я встречался с Ласкером после 1936 года. Я был редактором издательства, выпускавшего в ту пору шахматные труды Ласкера.

Ласкер обычно работал ночью. Спящий мир, абсолютная

тишина были необходимы ему для максимальной концентрации мысли, позволявшей иногда проникнуть в глубину вещей, увидеть эту глубину в ярчайшем свете. Для него почти не существовало времени полного отдыха. Активный, творческий, вечно ищущий мозг продолжал требовать какой-то работы. И бывала эта работа удивительна. Так, например, он развивал и высказывал в свое время вслух идею танка — задолго до его появления. Или разработал теорию радара до такой степени, что практическое приложение ее, пожалуй, уже можно было запатентовать (но его опередили!)

Я вспоминаю, как в разгар героической челюскинской эпопеи Ласкер подробно развивал передо мной мысль о технической возможности наращивания размеров льдины до любых желаемых размеров, а также о способах, при помощи которых можно было бы изменять климат. Это не было импровизацией, он уже думал над этим и, видимо, мысленно рассмотрел различные пути. Я слушал и удивлялся: «Что он — фантазер, мечтатель? Нет, уж слишком реалистично у него все получалось — на основе известных достижений и фактов». Буквально поражала эта богатейшая фантазия в сочетании со здравыми идеями практического осуществления. Будь он инженером, он был бы выдающимся изобретателем.

Хотелось бы привести некоторые факты, свидетельствующие еще о его чувстве юмора и склонности к шутке. Без этого не может быть полным рассказ о человеке, которого все привыкли видеть неизменно серьезным.

В 1902 году, после защиты докторской диссертации, Ласкер отдыхал некоторое время в Висбадене. Большим его поклонником был директор местного театра.

Вот краткие выдержки из воспоминаний одной актрисы:

Однажды директор театра попросил Ласкера «разыграть» одного своего приятеля — шахматиста с необыкновенным самомнением. Все приглашенные на вечер гости знали о готовящейся шутке. Ничего не подозревал лишь приятель директора, который Ласкера никогда не видел. Ему предложили сыграть с присутствующим здесь «молодым человеком», который играет довольно сносно, но много о себе воображает. Ласкер играл так плохо, что его партнер, выигрывая одну фигуру за другой, не мог удержаться от ряда язвительных замечаний в адрес «молодого человека». Ласкер играл свою роль бесподобно. Надо было видеть его смущенное и как бы извиняющееся лицо! Партия вскоре приблизилась к концу. Но в тот момент, когда у Ласкера осталась одна-единственная фигура, он, словно нечаянно, дал ею мат. Партнер остолбенел

от неожиданности. Узнав на следующий день, кто был его противником и что он стал жертвой розыгрыша, он перестал раскланиваться с директором.

Ласкер в то время очень интересовался театром. Во время прогулок в окрестностях Висбадена я нередко исполняла для него большие отрывки из различных пьес. Однажды, придя на спектакль, я увидела его загримированным, с большой черной бородой, среди участников цыганского хора. Если бы мне не сказали коллеги, я бы его не узнала.

Розыгрыш ничего не подозревающих партнеров был любимой шуткой Ласкера, которую он не раз повторял. Но чтобы прославленный чемпион мира по шахматам, серьезный математик, почтенный доктор философии появился на театральных подмостках в роли цыгана — это просто фантастично! Запали Ласкеру в память его детские впечатления...

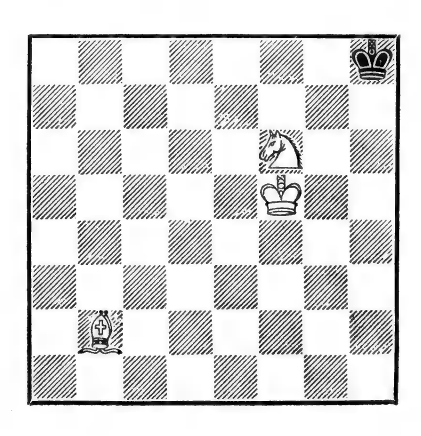
Много серьезного и забавного вспоминается из личных встреч и разговоров с Ласкером в уютной домашней обстановке.

Вот небольшая история, которую мне хочется озаглавить:

Защита Ласкера

— Покажите что-нибудь,— сказал Ласкер, жестом указывая на шахматную доску с беспорядочно расставленными на ней фигурами.

Неожиданное предложение привело меня в смущение. Что показать?.. По характеру предшествовавшего разговора уместна была бы какая-нибудь задача-шутка, но ничего яркого не припоминалось. Наконец, далеко не уверенный в удаче своего выбора, я очистил доску и поставил следующую позицию:

— Вот, старинный пустячок. Белые дают мат в полхода.

— В полхода? — недоумевающе спросил Ласкер.

— Да,— подтвердил я, и Ласкер погрузился в раздумье.

Две-три минуты прошли в молчании, и я несколько приободрился — по-видимому, мой выбор был не так уж плох.

— Вы в самом деле не знаете этой задачи?

— Никогда не видел,— ответил Ласкер,— покажите решение.

Я приподнял коня на несколько сантиметров от доски, открывая шах слоном, и, не заканчивая хода, продолжал держать фигуру на весу над полем f6, чтобы поля g8 и h7 оставались под ударом.

Ласкер улыбнулся и, продолжая смотреть на доску, понимающе кивал головой. Вдруг его осенила идея.

— Стоп! — воскликнул он.— Против этого есть защита.

— Какая?

Ласкер приподнял короля над полем h8 — на те же несколько сантиметров — и торжествующе посмотрел на меня.

— Браво, доктор! Вы опровергли задачу, но сейчас она стала еще более забавной.

— Но ведь опровергнутая задача выходит из обращения.

— Уверен, что с этой ничего подобного не случится. Нужно только изменить задание: «Белые полагают, что могут дать мат в полхода, но у черных оказывается достаточная защита».

Я был у Ласкера перед его временной, как он полагал, поездкой в Америку и, выполняя поручение Всесоюзной шахматной секции и издательства, предложил ему написать книгу «Мой шахматный путь». Я подчеркнул, что издательство не возражает против любого количества партий, какое он пожелал бы включить в свою книгу, хотя бы их было двести, триста или больше. Мы долго обсуждали эту тему. Ласкер часто задумывался. Наконец он сказал, что в принципе, принимает предложение, но что партий в книге будет больше, чем пятьдесят — шестьдесят. (Ласкер заметил мое удивление.) Да, он приведет лишь такие, которые имели значение для его развития или же интересны по каким-нибудь другим соображениям; добавил, что ему необходимо освежить многие свои воспоминания по газетным статьям и заметкам, для чего он, в частности, использует предстоящую поездку.

Я внутренне ликовал при мысли, что мир увидит такую книгу, в которой Ласкер впервые много расскажет о себе, своих взглядах и о людях, с которыми ему приходилось встречаться.

К сожалению, он этой книги не написал.

Что бы ни вспомнилось о Ласкере, над какими бы фактами из его жизни или его высказываниями я ни задумывался,

всегда предстает перед моим мысленным взором его могучая седая голова — этот образ мудрости, мощи человеческого ума, живое воплощение несгибаемой воли шахматного борца, а наряду с этим — его душевная чистота, благородство его характера, его простота и человечность.

●

Книга, которую вы держите в руках, была написана Ласкером в 1937 году, то есть более тридцати пяти лет назад. По ряду признаков можно заключить, что в ней описывается шахматный мир, каким он был в 1936 году. Сейчас это уже область истории. Многое изменилось с тех пор, и наше восприятие книги не может быть таким, как в то время. Поэтому особенный интерес представляет оценка, которую дал книге ее первый рецензент, мастер А. Ф. Ильин-Женевский, написавший свой отзыв в декабре 1938 года — сразу же после того, как был закончен перевод. Александр Федорович Ильин-Женевский был зачинателем советской шахматной организации. Вот что он написал:

Книга д-ра Эммануила Ласкера представляет несомненный интерес, а в некотором отношении является даже своего рода сенсацией. Мы знали до сих пор д-ра Ласкера как величайшего шахматиста своего времени, считавшегося когда-то непобедимым и державшего в своих руках в течение четверти века первенство мира по шахматам. Известен Ласкер, хотя и в меньшей степени, как профессор математики и доктор философии. Но вот оказывается, что на склоне своих лет (как раз в текущем 1938 году Ласкеру исполнилось 70 лет) знаменитый шахматист решил испробовать свои силы на новом поприще и впервые в своей жизни написал повесть. Это просто феноменально и уже само по себе достаточно, чтобы возбудить к книге внимание и интерес.

Но значение книги не только в этом. Ласкер написал эту книгу не для того, конечно, чтобы что-нибудь написать. Не стал бы этот мудрый старик, перечитавший на своем веку множество всяких книг и перевидавший множество всяких людей и событий, напрягать свои стареющие силы только для того, чтобы искать новых для себя лавров в новой для себя области — литературе. Конечно, нет. Совершенно очевидно, что Ласкером руководило другое. Им руководила горячая любовь к шахматам и глубокое убеждение в их культурной полезности. Им руководило желание популяризировать значение шахмат новым способом — путем беллетристического произведения. В этом отношении книга Ласкера приобретает еще больший интерес и значение. В ней Ласкер выступает своего рода пионером, искателем новых путей... Своей книгой Ласкер создает впервые шахматную повесть. Я говорю — впервые, потому что хотя и писались в прежнее время отдельные рассказы на шахматные темы, но они имели преимущественно развлекательный характер и не имели

такого целеустремленного пропагандистского характера, какой имеет повесть, написанная Ласкером.

Справился ли Ласкер с поставленной им перед собой высокой задачей? В основном я считаю, что справился. Он, конечно, не исчерпал темы, и многое хотелось бы добавить к тому, что он написал. Но основная нить повести — развитие молодого шахматиста и полезное влияние шахмат на выработку у него характера показаны в повести достаточно четко и выпукло. Книга написана литературно и прочтется, мне кажется, с интересом как шахматистами, так и нешахматистами. Культурно-воспитательное значение ее несомненно.

После этого Александр Федорович подробно остановился на недостатках книги. Они объясняются в основном тем, отметил он, что книгу написал иностранец, правда благожелательно относящийся к СССР, но за свое сравнительно короткое пребывание в нашей стране не успевший еще в достаточной мере многого понять... Хорошо, что он избрал героем повести советского юношу. Это выявляет правильный взгляд автора на нашу молодежь, как самую передовую в мире. Но это и плохо, потому что никогда не следует автору пускаться в область, которую он слабо знает. А откуда же ему знать, чем живет и дышит наша молодежь? Если герой повести развивается и становится культурным человеком, то это происходит главным образом под благотворным влиянием самого автора, что могло бы произойти и в другой стране. А где же влияние общей советской обстановки, школы, семьи, наконец, пионерской среды, комсомола, партии? Получается, что в СССР растет самая передовая, самая культурная молодежь, а почему — неизвестно. Автор избегает делать политические выводы даже там, где они просто сами просятся на перо. Показал же Ласкер в своей повести достаточно ярко жалкое и бесперспективное положение шахматных организаций в капиталистических странах. «Все же,—пишет А. Ф. Ильин-Женевский,— поскольку автор иностранец, мы вправе отнестись к нему более снисходительно, чем отнеслись бы к произведению советского автора. Для нас важна основная мысль произведения, которая в общем и целом совпадает с нашими установками, а отдельные погрешности можно автору простить. Книга эта безусловно интересная и полезная и издать ее нужно».

А. Ф. Ильин-Женевский подчеркнул основные ошибки книги. Имеются в ней погрешности и другого, так ска-

зать, более мелкого плана. Но прежде чем остановиться на них, необходимо отметить следующее.

Уже при чтении повести постепенно становится все более ясно, что Ласкер, говоря о своем герое Викторе, на самом деле говорит всюду о себе самом, вспоминает свои собственные мысли и переживания того времени, когда он подростком стремился к мастерству. В ткань повествования он неизменно вплетает действительные факты из своей жизни. В результате получается, что перед нами — замаскированная автобиография, в которой Ласкер с большой полнотой раскрывает свой внутренний мир. Таким образом, книга превращается в ценный шахматно-исторический документ, любопытное шахматно-психологическое откровение большого мыслителя.

Теперь нам легче понять, чем вызваны многие ошибки в книге. Ласкер, конечно, не профессиональный писатель. Выдающийся гроссмейстер, он в области художественной литературы только начинающий. Привычной рукой он расставляет на шахматной доске (в данном случае — в повести) действующие фигуры — схему поставленной перед собой задачи. Виктор — это он сам, Ласкер. Федя?.. «Книжный игрок» Федя с его оглядкой на чужие мнения, с его самодовольством и напыщенностью, узостью, догматизмом,— вы не узнали его, читатель?.. Да это же «маленький» Тарраш, соперник и идейный противник Ласкера на протяжении почти двадцати лет его жизни. Вспомните, как Федя (хотя и по-своему, но все же понимающий шахматы) в конце концов уверовал в Виктора, стал горячим его поклонником. Это ведь повторение истории с Таррашем, который в сборнике «Петербург, 1914 год», забыв былую вражду, искренне восхищался партиями и стилем Ласкера. Другие подростки в повести?.. Можно полагать, что это нечто вроде хора в античной греческой трагедии, выразители общественного шахматного мнения — рассудочного (Петя) и эмоционального (Соня).

Ласкер механически перенес свою схему в обстановку советской действительности.

Ярко и художественно правдиво изобразить развитие молодого таланта в его органической связи с идейно насыщенной и полнокровной жизнью Советской страны было бы под силу только для признанного мастера художественной прозы. А что же мог здесь дать Ласкер,

который даже не задумывался над этой задачей, а просто описывал самого себя!

Ласкер не полностью проник в сущность нашей жизни, в душу наших людей, хотя и совершенно искренне симпатизировал им. Поэтому непонятными для нас подчас остаются мысли и поступки Виктора во время пребывания его за границей. Как могло, например, получиться, что, встречаясь с советскими людьми в наших зарубежных представительствах и советуясь с ними о наилучшей организации своей научной работы, он в дальнейшем, во время своих выступлений и матчей начисто забывает о них, а те — о нем?

Когда Ласкер чего-нибудь не знает, он стремится понять. С величайшим вниманием и очень уважительно вглядывается он в советских детей. Вспомните, между прочим, и о роскошном призе, который он счел подходящим для весьма скромного турнира у себя на квартире: к детям он испытывал особую нежность. С шахматно - творческой стороны развитие Виктора изложено очень живо и вполне правдоподобно.

Тем не менее советские мальчики не обрисованы Ласкером с вполне убедительной художественной выразительностью. Они предстают перед нами как символы, носители некоторых высоких этических начал, а не как живые люди, к которым проникаешься по мере чтения определенной симпатией. Нам нравятся в Викторе некоторые черты его характера (скромность, сдержанность, трезвость его суждений, честность), но мы не видим его, хотя бы бегло очерченного, портрета, его мальчишеского задора. Не мог, конечно, Ласкер писать так о себе самом.

Суммируя сказанное, мы должны признать, что с литературной стороны герои повести условны и литературная форма подчинена главной для Ласкера *шахматной* цели. Это прежде всего — шахматная книга.

Почему же все-таки получается, что книга в целом написана литературно, а многие страницы в ней читаются с захватывающим интересом? Потому, что Ласкер — человек большой общей культуры, тонкий знаток человеческой психологии, человек умный и наблюдательный. Когда он касается чисто шахматных вопросов, то находится полностью в своей сфере и трактует их с великолепным знанием дела. Многие ситуации и человеческие характеры обрисованы им в повести с несомненным мастерством.

Литературно ценно описание Ласкером зарубежного шахматного мира, который он глубоко знал. Многое, несомненно, подсказано ему его собственным опытом. Непривычным может показаться нашему читателю то снисходительное отношение к Виктору, какое он встречает к себе за границей. Но не следует забывать, что описывается обстановка довоенного периода, отстоящая от нас более чем на тридцать лет. Ласкер в своем описании достаточно точен и не погрешил против исторической правды. Наши шахматные мастера в начале и середине тридцатых годов еще только набирали силы и проявили себя с первых послевоенных лет.

В настоящее время зарубежный шахматный мир с огромным вниманием относится к словам и делам советских мастеров. Ласкер предвидел расцвет советской шахматной школы (это ясно из построения всей повести!) и как наш искренний друг верил в великое будущее советских шахмат.

Шахматные достоинства книги Ласкера восполняют и перекрывают многие второстепенные изъяны литературного плана. Это своеобразный и интересный труд, который может оказать большое и положительное влияние на нашу шахматную молодежь. Кардинальные вопросы шахматной педагогики (роста, развития, самообразования, тренировки шахматиста), этики шахматной борьбы, идейных основ шахматного искусства, или, точнее, «идейного» отношения шахматиста к своему искусству—все эти вопросы поставлены в книге Ласкера, на основе его полувекового опыта, свежо, четко и вполне правильно. Они ни в какой степени не утратили своей актуальности. Сказать об этом, да еще авторитетным голосом Ласкера, нашим молодым, растущим шахматистам важно и своевременно.

При одном лишь спортивно-техническом подходе к шахматам (погоня за очками и т. п.) замедляется или даже прекращается творческий рост шахматиста. Ласкер не раз говорил, что хотел бы воспитать учеников, обладающих способностью самостоятельно мыслить в шахматах. «Кто хочет воспитать в себе эту способность,— писал он,— тот должен избегать всего, что в шахматах мертво: надуманных теорий, которые опираются на очень немногие примеры и на огромное количество измышлений; привычки играть с более слабым противником; привычки избегать опасности; привычки без критики перенимать и, не продумывая,

повторять варианты и правила, примененные другими; самодовольного тщеславия; нежелания сознаваться в своих ошибках...»

Возможно, некоторых читателей разочарует книга Ласкера, поскольку они не нашли в ней «сногсшибательных» вариантов, готовых рецептов и простых указаний, которые позволили бы без труда одолевать противников. Незачем и говорить, что создание такой книги вообще невозможно и даже противоречило бы самой сущности умной и глубокой игры. Нет, без труда, упорного и настойчивого труда, без ищущей самостоятельной мысли ничего не достигается.

Ласкер учит несравненно более глубоким вещам: умению правильно, диалектически понимать процессы шахматной борьбы и умению действовать в соответствии с высокими этическими принципами, которые должны сопутствовать творчеству. Никто, кроме Ласкера, не развивал так ярко и настойчиво подобных взглядов, а именно они являются преддверием к высшей школе шахматного мастерства.

Особую ценность придает книге не раз встречающееся в ней мастерское описание борьбы за шахматной доской, обогащающее нас поучительным опытом. Возьмите, например, четвертую главу, где великолепно объяснена ошибочность игры Вити; так конкретно и просто может объяснять вопросы шахматного совершенствования лишь большой мастер, выдающийся шахматный мыслитель. Или девятую главу, а также другие главы в конце книги, где неизменно побеждают более высокие моральные качества борца и художника. Многих других вопросов касается Ласкер — всего здесь не перескажешь.

В заключение необходимо осветить некоторые факты из истории рукописи. Еще в то время, когда Ласкер работал над ней, случалось, что он задавал мне — будущему своему переводчику — те или иные вопросы, чтобы разобраться в некоторых деталях; иногда читал небольшие отрывки. После того как Ласкер закончил работу, я сказал ему (почти накануне его поездки в Америку), что мои первые впечатления еще очень беглы, но, во всяком случае, рукопись хорошо читается и в ней очень много интересного. Я попросил разъяснить мне два-три не вполне понятных места. Затем перешел к конкретным замечаниям, оговорившись, что они еще бессистемны и не охватывают работу в целом.

Сказал, что мне не очень нравится имя «Ваня» в названии книги,— даже по-немецки сомнительно звучало бы «Как Гансик стал мастером». Между тем в книге развернута забавная символика в именах действующих лиц: клубные организаторы «Пти» (маленький) и «Серван» (слуга), меценат «Рич» (богатый), гроссмейстер «Биг» (большой), репортер «Квик» (быстрый), шахматист «Модест» (скромный), беспристрастный ценитель «Джэдж» (судья). Так не лучше ли будет имя «Виктор» (победитель)?.. Ласкер сразу с этим согласился. Далее я отметил слова художника Сардэна, который в разговоре с Виктором посулил ему моральную поддержку, если она понадобится в Америке, но в дальнейшем все это не получило развития. («Я забыл об этом, вычеркните»,— сказал Ласкер.) Наконец, я отважился на несколько более глубокую критику, отметив недостатки в обрисовке главных героев книги. «Мальчики явно воспитаны на немецкой классической культуре. Совершенно неправдоподобно, что в какие-то минуты им прежде всего вспоминаются такие вещи, как монолог Гамлета, отрывки из Гете, басня Лафонтена и тому подобное». Сделал я и другие замечания. Ласкер призадумался и затем сказал, что, конечно, он еще многого в жизни советских детей не знает и, несомненно, допустил ряд ошибок. Он попросил меня внести при переводе, где это будет нужно, необходимые небольшие поправки, а если понадобятся более крупные изменения, то этим можно будет заняться по возвращении его из Америки. Разговор прошел удовлетворительно, но и возложил на меня повышенную ответственность. Я успокаивал себя тем, что по возвращении Ласкера еще многое можно будет обсудить.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Ласкер сперва не мог вернуться ввиду болезни жены, а затем в Европе разразилась начатая фашистским рейхом война.

Пришлось мне проделать всю работу самостоятельно.

Изменений в книге, как было условлено с Ласкером, сделано немного. Читатель может быть уверен, что переводчик бережно отнесся к тексту и стремился сохранить каждую крупицу мудрости этого замечательного человека.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для старшего возраста

Эммануил Ласкер

КАК ВИКТОР СТАЛ ШАХМАТНЫМ МАСТЕРОМ

Ответственный редактор *Э. П. Микоян.* Художественный редактор *Б. А. Дехтерев.* Технический редактор *С. Г. Маркович.* Корректоры *Л. М. Агафонова и Л. А. Рогова.* Сдано в набор 29/VI 1973 г. Подписано к печати 26/X 1973 г. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,86. Тираж 75 000 экз. А02208. Заказ № 1239 Цена 33 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Отпечатано с матриц 1-й Образцовой типографии Ордена Трудового Красного Знамени фабрикой «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 33 коп.

